

В.В.ТРЕПАВЛОВ

**Государственный
строй
Монгольской
империи
XIII в**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

В.В. ТРЕПАВЛОВ

**Государственный
строй
Монгольской
империи
XIII в.**

Проблема
исторической
преемственности

Москва
«НАУКА»
Издательская фирма
«Восточная литература»
1993

ББК 63.3 (5Мо)
Т66

Ответственный редактор
С. Г. АГАДЖАНОВ

Редактор издательства
В. С. СВИТКОВА

Трепавлов В. В.

Т66 Государственный строй Монгольской империи
XIII в.: Проблема исторической преемственно-
сти.—М.: Наука. Издательская фирма «Восточная
литература», 1993.—168 с.: карта.
ISBN 5-02-017646-X

В книге исследуются кочевые традиции в государствен-
ности монголов XIII в., использование их Чингисханом при
завоевании соседних народов и строительстве Монгольской
империи.

Т 0503030000-020
013(02)-93 165-93

ББК 63.3 (5Мо)

Научное издание

ТРЕПАВЛОВ ВАДИМ ВИНЦЕРОВИЧ

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ XIII в.:
проблема исторической преемственности**

Утверждено к печати Институтом российской истории РАН

Заведующая редакцией Э. М. Евсеева. Редактор В. С. Свиткова. Младший ре-
дактор М. О. Торчинская. Художник А. Л. Колманов. Художественный редак-
тор Е. Л. Резников. Технический редактор М. Г. Гуцый. Корректор Е. В. Ка-
рюкина

ИБ № 17213

Сдано в набор 17.06.92. Подписано к печати 24.12.92. Формат 60×90^{1/16}. Бумага
типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 10,5
Усл. кр.-отт. 10,75. Уч.-изд. л. 12,67. Тираж 650 экз. Изд. № 7349. Зак. № 261.
«С»—1

ВО «Наука». Издательская фирма «Восточная литература»
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография ВО «Наука». 107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ISBN 5-02-017646-X

© Издательская фирма
«Восточная литература»
ВО «Наука», 1993

XIII век оказался временем потрясений и катастроф для многих народов Азии и Европы. Из глубин евразийских степей на них обрушились монгольские полчища. После череды непрерывных войн к середине столетия образовалась колоссальная держава — Еке Монгол улус¹, — по своим размерам не имевшая precedентов в истории. При верховном хане Мункэ (1251—1259) под властью завоевателей находились земли от Средиземного до Желтого морей.

Вот уже более семисот лет ученых, политиков, просто любознательных людей занимает вопрос: каким образом небольшой кочевой народ, не обладавший собственной письменностью, почти не имевший городов, других привычных атрибутов цивилизации, смог за сравнительно короткий срок покорить крупные и социально развитые государства? Как сумел он не только захватить, ограбить соседние страны, но и соединить их народы в надэтнической структуре, имя которой — Монгольская империя? Успех этот объясняют по меньшей мере четырьмя причинами: 1) гениальностью Чингисхана — основателя империи; 2) военно-тактическим превосходством монгольской армии; 3) раздробленностью и, следовательно, ослаблением соседних со средневековой Монголией государств; 4) заимствованием от них приемов и способов организации управления. Ясно, что для существования государства мало иметь какую-либо территорию — нужно научиться управлять ее населением. В этом смысле пункты 2 и 3 отменяются сразу: они раскрывают причины военной удачи, но не стройности системы управления. Если согласиться с тезисом пункта 1, то придется признавать гениальными также Чингисовых преемников — его детей и внуков, так как империя окончательно сформировалась уже после смерти Чингисхана. Остается концепция заимствований. В 1987 г. она получила аргументированное обоснование в книге Т. Олсена «Монгольский империализм» [Allsen, 1987]. Но Еке Монгол улус — прежде всего кочевая империя и по составу господствовавшего этноса, его вооруженных сил, и по основной массе населения до 1219 г. (до вторжения во владения хорезмшаха). Основные принципы управления закладывались в начале XIII в. именно в кочевой среде и с целью регулирования жизни кочевого общества. А кочевая государственность по природе своей традиционна, и это одна из причин того, что на протяжении I тысячелетия в степях возникали ханства и каганаты, очень сходные по своему внутреннему устройству. Даже при поверхностном взгляде между ними и монгольской державой много общего.

Государственность средневековых монголов (как и любая другая) содержала в себе три составляющие: 1) институты *оригинальные*, собственно монгольского происхождения (см. [Владимирцов, 1934; Ишжамц, 1972; Қычанов, 1974, 1978, 1986; Скрынникова, 1989]); 2) *традиционные* органы и приемы управления, т. е. унаследованные от исторических предшественников империи Чингисидов; 3) административные учреждения, *заимствованные* из завоеванных стран.

Наша книга посвящена изучению традиционных элементов монгольской государственности XIII в., т. е. компонентов социально-политического устройства, перешедших в нее из административных структур раннего средневековья. Таким образом, государственный строй Монгольской империи станет предметом данного исследования, которое, однако, не ставит целью проанализировать всю систему управления. Внимание будет сконцентрировано лишь на государственных традициях.

Основой для преемственности государственного строя служит специфика государственной жизни как особой деятельности людей по регулированию социополитических связей между ними. Поскольку любое государство, будучи самостабилизирующейся системой, стремится сохранить свои существенные характеристики (территориальное разделение, публичную власть, фиск), то оно неизбежно оставляет след в истории — след тем больший, чем прочнее и долговечнее оно было. Тем более это верно для ситуации, когда формы собственности и власти остаются принципиально неизменными, как у кочевников с начала новой эры до середины II тысячелетия.

Мы определяем государственную традицию² как историко-генетическую преемственность общих, основных и существенных признаков, принципов и компонентов государственного устройства, передающихся от одних государств к другим.

Каждая традиция складывается из представлений о порядке и способе определенной деятельности. Поэтому традиция существует не в форме деятельностиных актов, а прежде всего в виде представлений о них³. Представлениям же вовсе не обязательно сопутствует их материально-предметное воплощение (породившее их или порожденное ими).

При рассмотрении государственной традиции это выглядит достаточно четко. Три из четырех основных «каналов» ее движения в истории (памятники письменности, устное народное творчество и обычно-правовые нормы) являются продуктами духовной деятельности, т. е. представлениями, воплощенными в идеальных (фольклор, норматика) или материальных (тексты) формах. Но и четвертый «канал» — практику государственного управления — нельзя не учитывать. Он, во-первых, сам по себе предполагает представления о государственном строительстве, во-вторых, содержит в себе в преобразованном (переведенном в другую, деятельностьную форму) виде три предыдущих компонента, т. е. в конечном счете базируется на традициях.

Каждый социальный институт для своего успешного функционирования требует особых приемов деятельности, без которых его существование станет бессмысленным, т. е. для того, чтобы управление существовало, нужна задающая это состояние программа. В этом качестве и выступает государственная традиция, раскрывающая приемы и способы государственного строительства, их идейное обоснование⁴. Традиционный образ, стало быть, означает систему, способную служить прогнозом действия.

Традиции различных держав наслаивались друг на друга и либо извлекались на свет, если были нужны, либо погребались в толщах исторической памяти. Какие именно традиции? Из прошлого в современность могут переноситься (сохраняясь или возрождаясь) принципы построения государства, необходимые в данное время (территориальное деление, элементы административной и податной систем, иногда даже выбор столицы и т. д.). Возможно сохранение или возрождение приемов участия отдельных групп населения в государственной жизни: традиция закрепляла за одними общностями (родами, корпорациями, классами и т. п.) производство материальных благ и выполнение повинностей, за другими — охрану внутреннего порядка и постоянную военную службу, за третьими — интеллектуальное обслуживание и духовную защиту интересов правящих групп социума. Именно представители последней общности — чиновники и священнослужители — были носителями письменной информации о прошлом. И из этих сведений выбиралось то, что могло укрепить и идеологически обосновать существующий общественный строй. Все составляющие государственного механизма требовали обоснования как целесообразные и законные, а это нередко достигалось объявлением того или иного института «завещанным предками». Отсюда заключаем, что объектом государственной традиции служат представления о таких административных установлениях и учреждениях в прошлом, которые способны обеспечить прочную власть данного правительства и представляемых им социальных сил.

Наша монография предполагает: 1) показ состояния изученности темы традиций у кочевников и выявление нерешенных проблем; 2) выяснение средств и способов передачи социально-политических, государственных традиций в истории вообще и у кочевников в частности; 3) определение традиционных форм социально-политической жизни и государственного устройства Монгольской империи; 4) выяснение их происхождения, определение источников государственной традиции у монголов.

В соответствии с этими задачами сформирована структура работы. В гл. 1 дается обзор источников и литературы по изучению традиций в кочевых обществах, в частности монгольском в XIII в. В гл. 2 выявлены пути трансляции государственных традиций во времени и от одного народа к другому. В гл. 3 и 4 рассмотрены конкретные сведения о функционировании тра-

диционных институтов в империи и улусах, высказаны суждения об исходном моменте и процессе их развития.

Значимость поднимаемых в книге проблем видится, во-первых, в необходимости уяснения исторических корней гигантской агрессивной державы, созданной Чингисханом и Чингисидами. Во-вторых, для того чтобы в полной мере отразить динамику политического развития народов евразийского степного пояса, нужно рассмотреть это развитие с учетом сохранения традиций и появления инноваций, а каждому из кочевых образований найти место в общей линии движения форм потестарности-государственности. На сегодняшний день история Монгольской империи сравнительно полно обеспечена источниками, и ее изучение может послужить началом исследований в этом направлении. В-третьих, разбор особенностей государственной традиции — явления, присущего всем государствам, — имеет и общесоциологическое значение.

Некоторые заключения автора будут расходиться с утвердившимися в науке концепциями и интерпретацией событий. Но такая сложная и далекая эпоха, как XIII в., не может не вызывать споры и дискуссии. Поэтому будем надеяться, что мысли, высказанные на страницах монографии, вызовут взыскательный и конструктивный интерес у читателя.

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

За полтора тысячелетия существования степных империй накопилось достаточно сведений об их внутренней жизни и внешней политике. Наше исследование, как мы уже говорили, ограничено темой государственности иомадов XIII в. с акцентом на традиционных институтах. Поэтому разбор источников будет произведен с учетом степени достоверности их сообщений об организации управления.

Прежде всего проанализируем источники, разделив их на группы сходных между собой элементов. Сопоставимость компонентов любой системы зиждется на наличии у них общего признака. У таких сложных материально-духовных образований, как исторические источники, можно найти много признаков, выступающих в качестве критериев для классификации. Применительно к поставленным проблемам введем следующие показатели: способ кодирования информации (анализ по этому критерию наиболее распространен в науке); этнополитическая принадлежность авторов; время создания источника.

Классификация источников по способу кодирования информации

В основу исследования положены данные письменных источников. Как ни фрагментарны порой предоставляемые ими сведения, они являются единственной основой для систематической и цельной реконструкции социального строя и государственности (часто и у бесписьменных народов). Материал, получаемый в результате археологических изысканий (вещественные источники), в данном случае годится большей частью как иллюстративное подспорье, так как изменения, происходящие в сфере политики, фиксируются в вещественных остатках очень опосредованно и не подлежат однозначной интерпретации. Самым информативным видом памятников письменности являются сочинения, излагающие ход событий в их естественной последовательности, — хроники. В распоряжении историков имеются пространные произведения монгольских (Лубсан Данзан, Саян-Сэцэн), китайских (Сун Лян, Ван Вэй и др.), армянских (Григор Акнерци, Киракос Гандзакечи), византийских (Георгий Пахимер), западноевропейских (Матфей Парижский), многочисленных мусульманских и русских авторов, которые с разной степенью осведомленности, но довольно достоверно зано-

силы на страницы своих книг историю кочевников, их отношений с соседями.

Преимущество этого вида письменных источников заключается в широком хронологическом диапазоне, позволяющем проследивать динамику политических (и, значит, стоящих за ними социальных) процессов. Особенность и относительный недостаток — в узком географическом кругозоре хронистов, их естественных возможностях и стремлении живописать историю в первую очередь своей страны. Правда, это в меньшей степени присуще представителям персидского летописания с его давней традицией «всемирных» историй и географий. Поэтому при исследовании такого колоссального образования, как Монгольская империя, названная черта хроник заставляет обращаться к произведениям, созданным в различных регионах. Другой недостаток (разумеется, с точки зрения нашей темы) — в форме изложения, в преобладании констатации событий без сопоставления с реалиями прошлого. Пожалуй, лишь китайские писатели постоянно держали в памяти исторические прецеденты и при случае ссылались на них (подробнее см. гл. 2).

Кроме хроник назовем записки путешественников. Купцы, дипломаты, миссионеры, пересекая территорию Еке Монгол улуса, оставляли на бумаге и пергаменте свои путевые впечатления. Здесь соотношение достоинств и недостатков подачи информации обратное: ограниченный временем странствия хронологический отрезок и весьма протяженная пространственная панорама. Особую ценность представляют творения китайских послов Чжао Хуна («Полное описание монголо-татар», 20-е годы XIII в.), Пэн Дая, Сюй Тина («Краткие сведения о черных татарах», 1237), монаха Чан-чуня («Описание путешествия на запад», 20-е годы XIII в.), чиновника Елюй Чуцая («Описание похода на запад», 20-е годы XIII в.); европейцев — Асцелина (40-е годы XIII в.), Плано Карпини («История монголов», 40-е годы XIII в.), Гильома Рубрука (50-е годы XIII в.), Марко Поло (90-е годы XIII в.); рассказ сирийского анонима о миссиях несторианских иерархов Ябалахи III и Саумы (первая четверть XIV в.).

Делопроизводственная документация представлена материалами переписки каанского двора с иноземными монархами.

Монгольские законодательные акты первой половины XIII в. до сих пор не обнаружены; неизвестно, был ли записан главный свод законов — яса. Его фрагменты встречаются в основном в арабских и персидских летописях, поэтому в видовом отношении сведения о ясе принадлежат к хроникальным источникам.

До создания государства монголы не имели своей письменности и не использовали чужой. Поэтому для реконструкции их доимперской истории и тем более для выяснения их осведомленности о прежних кочевых державах устные источники должны бы стать основными. Однако те фольклорно-эпические произведения, которые дошли с тех пор до этнографической со-

временности и могли бы быть проанализированы, настолько изменились и исказились, что восстанавливать по ним историю тысячелетней давности невозможно. Остается другой путь — искать в тех же хрониках изложение кочевых эпосов. Действительно, многие, главным образом персидские и позднесредневековые среднеазиатские, писатели включали в свои повествования пассажи из тюркских и монгольских генеалогических преданий (об Огуз-кагане, о происхождении Чингисидов, Шейбанидов и т. д.). В этом случае также приходится рассматривать их как часть летописного материала.

Некоторую помощь могут оказать лингвистические источники, существующие как в форме средневековых словарей (например, «Кодекс Куманикус», XIV в.), так и в виде лексического фонда тюркских и монгольских языков XII—XIV вв.

Таким образом, основным типом источников для нашей работы будут письменные как наиболее адекватно отразившие объект исследования — государственный строй помадов средневековья. Поэтому остальные критерии классификации касаются только этой разновидности источников.

Классификация источников по этнополитической принадлежности авторов

Данный критерий подразумевает прежде всего выделение из массы средневековых авторов таких создателей письменных сочинений, которые происходят из среды кочевников. На первом месте по значению здесь стоит «Монгол-ун нигуча тобчи'ан» («Тайная история монголов»). Изучение этого памятника далеко не закончено: не решены вопросы авторства, времени написания, соотношения исторических и эпических аспектов его содержания (см. [Базарова, 1977; Бира, 1978, с. 36—48; Легран, 1985, с. 169—172; Мункуев, 1979]). «Тайная история монголов» — единственный монгольский письменный источник первой половины XIII в. такого масштаба. Поэтому для изучения государственности «изнутри», с учетом интересов и идеологии ее основателей, он уникален. Другие крупные монгольские сочинения XIII в. — «Цаган тэукэ» («Белая история») и «Шэн-у динь чжэн-лу» («Описание походов священновоевственного», т. е. Чингисхана), во-первых, конспективно повторяют «Тайную историю монголов», во-вторых, они написаны при Хубилае, в обстановке китаизации монголов-завоевателей и пронизаны тибето-буддийским и китайским влиянием, фактически сводящим на нет изложение собственно монгольской концепции государственного строя. В-третьих, их содержание охватывает главным образом события, происходившие на территории, подчиненной непосредственно Юаньской династии.

На «Тайную историю монголов» и, возможно, другие, неизвестные доселе монгольские сочинения опирались Лубсан Дан-

зан, автор «Алтан тобчи» («Золотой свод», конец XVII — начало XVIII в.), и его современник Санан (Саган) Сэцэп, автор «Эрдэнийн тобчи» («Драгоценный свод», вторая половина XVII в.). Ссылки на эпоху Чингисхана мы находим и в других халхаских летописях позднего средневековья и нового времени («Шара туджи», «Ганга-ийн урусхал» и др.). Кроме того, история кочевых народов сохранялась в форме эпических сказаний, зафиксированных в «Тайной истории монголов», «Алтан тобчи», а также в работах иностранных авторов, о чем говорилось выше.

Самую обширную информацию предоставляют, несомненно, творения писателей, происходивших из среды завоеванных монголами народов⁵. По количеству произведений и по насыщенности их фактическими данными выделяется несколько регионов.

Китай. Хроника монгольской династии «Юань ши» («История династии Юань»), хотя и была составлена в конце 60-х — начале 70-х годов XIV в., т. е. после изгнания монголов из страны, основывается на материалах, собранных придворными историографами в период правления Чингисидов. Для изучения государственности всей Монгольской империи до ее распада особое значение имеют начальные главы первого и отдельные главы четвертого разделов хроники, соответственно «ши лу» — летописи правлений всех каанов и «ле жуань» — биографии высших сановников. Почти все сочинения, созданные в эпоху Юань, повествуют о внутрикитайских делах и не касаются событий в других улусах. Источники, написанные в империях Цзинь и Сун в первой половине XIII в. о монголах, немногочисленны. В Цзинь (Северном Китае), подвергавшемся нашествиям Чингисхана, Мухури и Угедэя, обстановка не располагала к аналитическому описанию современности: чжурчжэни с боями отступали на юг, их летописание пресеклось. Мы располагаем лишь документами, связанными с именами чжуншулина Елюй Чуая (записки о поездке в ставку Чингисхана и надпись на надгробной стеле), и путевыми заметками о странствовании даоса Чан-чуня. Южный Китай (Сун) был покорен уже в то время, когда Еке улус прекратил существовать как единое целое. Поэтому в источниках, созданных на бывшей сунской территории, не говорится об общеимперской государственности.

Иран. Огромный фонд документации, оставшийся от улуса ильханов-Хулагуидов (монгольских правителей Ирана), служит основой для исследования внутренней жизни этого государства. Межулусные же связи (помимо военных конфликтов) отразились в больших произведениях государственных деятелей монгольского двора в хулагуидских столицах Тебризе, Багдаде и Султании. Это «Тарих-и джехангушай» («История миропокорителя») Ата Малика Джувейни (завершено в 1260 г.), «Джам ат-таварих» («Сборник летописей») Фазлаллаха Рашид ад-

Дина (завершено в 1310—1311 гг.), «Тарих-и гузиде» («Избранная история») Хамдаллаха Казвини (1329—1330). Будучи крупными администраторами на службе у завоевателей, они отразили представления последних о созданной в результате войн державе, об официальных концепциях государственного устройства и управления. Однако принадлежность к числу подданных и даже соратников ильханов, проводивших сепаратистский курс, направленный против верховных ханов, и антизолотоордынскую внешнюю политику, заставляла хронистов предвзято излагать ход событий, тенденциозно трактовать отношения ильханов с соседями.

Армения входила в состав улуса Хулагу, но среди армянских летописцев не было деятелей столь высокого ранга, как названные выше персидские авторы. Поэтому труды Григора Акнерци, Киракоса Гандзакеси, Себастиана и других содержат меньше панегириков в честь Чингисидов, не умалчивают о зверствах монгольских войск во время походов, т. е. объективность более присуща закавказской группе источников. Но по сравнению с иранскими армянские авторы были менее осведомленными. Они не имели доступа к хранилищам исторических документов правящего рода и довольствовались собственными впечатлениями, воспоминаниями соотечественников-очевидцев и рассказами своих монгольских собеседников.

Русские летописи могут помочь только при изучении истории западной половины Джучиева улуса и отчасти фискальной политики каракорумских властей в 50—60-х годах XIII в.

Все источники, принадлежавшие народам, завоеванным монголами, имеют неоспоримые общие достоинства. Во-первых, их авторы, как правило, являлись очевидцами или участниками описываемых событий. Доля информации, исходящей из первых рук, здесь особенно велика. Во-вторых, летописание и литературное творчество на перечисленных территориях традиционно находились в руках духовенства или чиновничества — интеллектуальной элиты. Поэтому фольклорно-эпические сюжеты, характерные для сочинений кочевников и затрудняющие понимание истинной последовательности событий, почти отсутствуют, так как в четкой событийной схеме, разбитой по хронологической шкале, для них обычно не находится места. Кроме того, хронисты немонголы и нетюрки слабо разбирались в хитросплетениях межродовых генеалогических линий и обычно не касались истории легендарных предков кочевых племен (исключение — Рашид ад-Дин и авторы «Юань ши»). Как правило, эти источники в основном концентрируют внимание только на событиях, происходивших на территории своей страны. К тому же до XIII в. армянские, русские и многие персидские авторы не имели представления о монголах, их доимперской истории. Значит, в этих текстах не содержатся упоминания о старых, традиционных институтах, существовавших в предыдущих кочевых империях.

Обширный круг источников создан в соседних с Монгольской империей странах. Многие из этих источников были написаны еще до того, как названные государства вошли в состав Еке Монгол улуса или были захвачены им на непродолжительный срок. Явно выделяются три разновидности сочинений. Первые — это летописи, в которых история монгольских войн предстает как цепь событий, происходивших на окраине известной автору ойкумены, или как трагичный, но локальный эпизод, лишь частично повлиявший на судьбу его страны. Таковы описы Георгия Пахимера и других византийцев XIII в., англичанина Матфея Парижского, составителей Бертонских монастырских annalов, историков из Египта и Палестины (ан-Нувеири, ас-Сафади, Бар Эбрей и др.). Их труды содержали зачастую искаженную информацию, переданную через ряд посредников. Исключение — данные о монгольских посольствах, с которыми могли общаться и зарубежные летописцы. Вторые — это произведения, написанные людьми, лично наблюдавшими нашествие и затем изложившими свои впечатления за пределами державы Чингисидов. Эти труды привлекают достоверностью и эмоциональностью, но грешат фрагментарной подачей материала, что в общем-то естественно: автор рассказывал только о том, что видел сам (назовем для примера написанную ан-Насави биографию хорезмшаха Джелаль ад-Дина и записки венгерского миссионера Юлиана). Третью, особую группу источников составляют записки путешественников, некоторые из них перечислены выше.

Еще один важный критерий связан с разбором источников, происходящих из соседних с Монгольской империей стран.

Классификация источников по времени их создания

Теперь попробуем разделить источники по хронологическому принципу. Среди их авторов мы находим как современников описываемых событий, так и писателей, живших в более поздние времена. Достоинства первых очевидны: реалии эпохи находили в их работах наиболее адекватное отражение. Историки же, жившие позже (для нашей темы — после XIV в.), всегда использовали тексты своих предшественников, иногда до нас не дошедшие. Вот почему некоторые летописи XV—XVIII вв. для исследователей столь же важны, как и писания XIII в. (например, книги Лубсан Данзана и Хондемира).

Среди современников описываемых событий есть авторы — очевидцы этих событий и неочевидцы, те, что писали с чужих слов. Сами кочевники и представители оседлых народов, включенных в Монгольскую империю, объективно становились очевидцами, ведь подданные Чингисидов испытывали на себе действие имперской государственной системы, непосредственно участвовали в политических и экономических мероприятиях пра-

вительства. Поэтому такое разделение относится к авторам из соседних государств. Очевидцы — это беженцы и эмигранты (например, русские информаторы Матфея Парижского), свидетели или участники борьбы с монголами (Джузджани, Ибн ал-Асир, ан-Насави), а также путешественники. Неочевидцы — составители летописей и анналов, пользовавшиеся донесениями очевидцев и слухами. Преимущество очевидцев перед другими авторами бесспорно. Непосредственное участие в осуществлении политики Чингисидов или сопротивления ей позволяло изображать империю без пренебрежения, характерного для китайских придворных историографов, и без апокалиптического ужаса, присущего западноевропейцам.

В итоге отметим следующее. Количество и информативность выявленных в настоящее время источников в принципе достаточны для изучения государственности монгольской державы в целом и начального периода (последняя треть XIII в.) самостоятельного существования ее улусов. Плюсы и минусы различных жанров письменных памятников порой взаимокompенсируются, а их многочисленность позволяет заполнить хронологические лакуны, неизбежные для каждого из них в отдельности. Развитие административной структуры империи полнее отражено в больших официальных летописях («Джами ат-таварих», «Юань ши»), управленческие системы улусов — в трудах, созданных в соответствующих регионах.

Трудность поиска традиционных элементов государственного строя состоит в том, что эти элементы как раз в силу своей традиционности и, стало быть, привычности воспринимались номадами как сами собой разумеющиеся и не привлекали к себе особого внимания. А авторы-некочевники часто не замечали их. Отсюда неизбежно обращение к поиску аналогичных учреждений в раннесредневековых каганатах. Однако даже простое перечисление и краткое аннотирование материалов по истории степных царств III в. до н. э. — XII в. заняло бы слишком много места. Да и ссылки на такие источники потребуются в основном в приложениях. Поэтому ограничимся характеристикой источников, касающихся только Монгольской империи.

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Европейская наука исследует древнюю и средневековую историю кочевников уже более двухсот лет. С накоплением источников расширялась проблематика, однако долгое время внимание ученых было сосредоточено на отдельных конфедерациях и государственных образованиях номадов. Кочевые державы, которые сменяли друг друга в степях от Дуная до Амура, рассматривались каждая отдельно, без учета традиций, преемственности, в частности, в социально-политическом уст-

ройстве. Лишь в последние два десятилетия стали появляться суждения о необходимости комплексного анализа истории кочевников, преодолении дескриптивности характеристик тюркских и монгольских ханств. Эта проблема была поставлена как советскими [Златкин, 1982, с. 255], так и зарубежными авторами [Сухбатар, 1973, с. 113, 117; Ширендыб, 1974, с. 25; Kwan-tan, 1979, с. 4], но в дальнейшем почти не разрабатывалась советской наукой. Тем не менее отдельные высказывания по этому вопросу встречались в литературе неоднократно, и, несмотря на абсолютную неразработанность темы, как это ни парадоксально, уже можно составлять ее историографию. Поскольку пристальный интерес к аспектам преемственности стал проявляться только с 60-х годов нашего столетия, а в более ранних работах ссылки на них элизодичны, представляется нецелесообразным членить историографический очерк по общепринятому хронологическому принципу. Будет удобнее это сделать в ракурсе отдельных крупных проблем.

Проблема объективной обусловленности государственных традиций.

Преемственность в социально-экономическом развитии

Знакомясь с политическими образованиями у кочевников, невозможно не заметить явное сходство этих образований между собой, причем настолько разительное, что ряд западных и японских ориенталистов считает развитие этих обществ циклическим («теории кругов»). Такое сходство в типе социальных учреждений податных систем, административной структуры, внешней политики и т. д. обусловлено, вероятно, идентичностью принципов организации и функционирования скотоводческой экономики. Следовательно, причину сходства нужно искать в экономических и социальных отношениях.

В истории кочевников заметно различаются две тенденции развития потестарности и оформления государственности. Одна — установление деспотического централизованного монархического правления, чаще всего в результате разгрома ханов-соперников и завоевания соседних владений. Другая — объединение постепенно разлагающихся племен с адаптацией родоплеменных институтов к функциям надплеменной властной структуры. Этим тенденциям дают различные названия, но суть не меняется. В. В. Бартольд первую из них трактовал как гегемонию аристократии (Монгольская империя), вторую — как господство демократии (Тюркский каганат) [Бартольд, 1968, с. 278; 1968*, с. 261], Л. Н. Гумилев — соответственно как тюркский и уйгурский пути развития [Гумилев, 1967, с. 390]. Л. П. Лашук обозначил их как третью (государство) и вторую («большое племя») «стадии-структуры» развития социальных организмов кочевников [Лашук, 1967]. У Г. Е. Маркова

это «воспно-кочевое» и «общинно-кочевое» состояния общества [Марков, 1973, с. 6, 7]. С. А. Плетнева составила «третью модель» для народов на «третьей стадии кочевания» (уйгуров и хазар периода расцвета их каганатов, сисейских кыргызов, кимаков, монголов XIII—XIV вв.) и «вторую модель» для народов на «второй стадии кочевания» (хунну, гуннов Аттилы, сяньби, жуэней, тюрк-туцзюэ⁶, авар, кыпчаков с начала XII в.) [Плетнева, 1982, с. 36—126]. Г. А. Федоров-Давыдов выделил монгольский (военный) и кыпчакский (мирный) пути развития [Федоров-Давыдов, 1973, с. 42]. Заметим, что почти все названные историки признают господство первой тенденции в монгольском государстве XIII в. Кроме того, ее усматривают в развитии других крупнейших держав — хуннской и древнетюркских.

Однако В. В. Бартольд противопоставлял Тюркский каганат Монгольской империи на основе неоправданной идеализации правителей из рода Ашина («народный вождь», «защитник и помощник бедного и нагого народа» и т. п.). Он расценивал их монархию как результат победы «демократии», одолевшей «аристократию». В то же время В. В. Бартольд считал, что у монголов все произошло наоборот и Чингисхан являлся душителем свободы народных масс в угоду степным князьям, к которым сам принадлежал [Бартольд, 1968, с. 278; 1968², с. 261; 1968³, с. 616, 617]⁷. Здесь справедливо подмечена связь образования Еке Монгол улуса с социальными конфликтами, но Тюркский каганат вовсе не антипод в этом отношении. Орхонские рунические тексты отразили разделение кочевников на знать и простонародье, существование категории зависимых — кул. Впрочем, спорность суждений В. В. Бартольда была отмечена еще А. П. Бернштамом [Бернштам, 1946, с. 24—28; см. также: Кляшторный, 1986].

К разным «моделям» относит каганаты тюрк-туцзюэ и империю Чингисидов и С. А. Плетнева. Разницу между ними она обосновывает социально-экономическим несхождением. Тем не менее и этот автор признает возможность историко-типологического сравнения крупнейших кочевых империй (хунну, туцзюэ, монголов) [Плетнева, 1982, с. 114, 117].

Идентичность социально-политической организации кочевых империй позволяет предположить, что они являлись как бы ступенями единого процесса развития общественного строя номадов. Другими словами, существовала преемственность в социально-экономическом развитии кочевых государств. Действительно, выдвигается идея органической связи этих государств в процессе неуклонной феодализации [Викторова, 1980; Златкин, 1960; 1974; Ишжамц, 1972], «перехода земли во владение и монопольную собственность феодализирующей знати» и обусловленного этим «превращения свободных общинников в феодально-зависимых и крепостных» [Ишжамц, 1972, с. 9]. Феодализация была очень длительной. По мнению И. Я. Злат-

кина, она охватила более полутора тысячелетий — от начала I тысячелетия до н. э. по XIII в. [Златкин, 1974, с. 35—37]. В это время кроме трансформации отношений собственности происходил, во-первых, переход от примитивного охотничье-собираательского и оседло-земледельческого хозяйства к кочевому скотоводству как главной отрасли труда. Во-вторых, шло формирование и консолидация некоторых монгольских, тюркских и тунгусских народностей [Златкин, 1971, с. 173]. Причем «каждое из сменявшихся на территории Монголии государственных образований... закрепляло полученные от предшественников элементы феодализма и, в свою очередь, расширяло и укрепляло их. Монгольские племена... явились наследниками всего прогрессивного, что было накоплено их предшественниками» [Златкин, 1960, с. 2—3]. Все это дало И. Я. Златкину основание отнести всю историю кочевых народов с первых веков нашей эры до середины XIII в. к раннефеодальному периоду [Златкин, 1960, с. 8].

В целом исследователи соглашались с правомочностью этого тезиса, и расхождения касаются вопроса о том, историю каких союзов племен и государств можно считать полноценными этапами феодализации. Одни историки выделяют лишь наиболее прочные и долго существовавшие державы (хунну, сяньби, тюрков, уйгуров, киданей, монголов) (см., например, [Викторова, 1980, с. 172]), другие относят сюда все образования, которые возникали в Центральной Азии с начала новой эры, включая Кыргызский каганат, каганат цзубу, мелкие тюрко-монгольские ханства и племенные союзы XI—XII вв. (см., например, [Ишжамц, 1972, с. 9, 10])⁸. Поскольку общественный строй последовательно развивался, то ясно, что сопутствующие ему политические институты несли на себе отпечаток предшествовавших учреждений. Поэтому «необходимо учитывать преемственность развития традиций государственности на всем протяжении истории Монголии» [Ишжамц, 1972, с. 31]. Н. Ишжамцу вторит американский номадист Л. Квантен. В своей монографии «Кочевники — создатели империй» он неоднократно акцентирует внимание на наличии общих традиций построения кочевых империй, в том числе и монгольской. Более того, он утверждает, будто монголы не только были хорошо осведомлены об истории предыдущих ханств, но и, понимая причины крушения последних, предпринимали шаги для предотвращения аналогичного исхода [Kwanten, 1979, с. 5, 230]. Однако эти тезисы Л. Квантена не подкреплены достаточными доказательствами и чаще просто постулируются.

Не раз в литературе назывались общие для политических образований кочевых племен черты. Заметим кстати, что три основных признака государства, сформулированные Ф. Энгельсом в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» (см. [Маркс, Энгельс, т. 21, с. 170, 171]), не часто привлекаются к определению степени социального развития обществ свра-

зийских степей. Так, В. Ф. Шахматов, пытаясь разобраться в общественных отношениях позднесредневекового Казахстана, не увидел у кочевых ханств ни территориального разделения (так как население делилось по родам), ни публичной власти, ни постоянной системы налогов [Шахматов, 1959, с. 68, 71—73, 76—78]. В самом деле, при сравнении античных полисов и западноевропейских королевств с тюркскими и монгольскими «вечными эялами» и «великими улусами» (где практиковались поголовное вооружение, некодифицированное право, размытые границы владений) трудно уподобить их друг другу. Поэтому применительно к центральноазиатским и восточноазиатским обществам историки разрабатывают более детальные схемы и используют другие критерии. В отношении чжурчженей такую работу проделал М. В. Воробьев. Он считает, что о существовании государства можно говорить лишь при наличии, во-первых, зафиксированного в источниках его провозглашения как сознательного политического действия, точно ориентированного во времени; во-вторых, названия государства и соответствующего прозвища его жителей; в-третьих, осознания правящей верхушкой себя в качестве правителей государства с принятием монархических титулов [Воробьев, 1975, с. 62, 63].

Детальный и аргументированный разбор генезиса и особенностей государственности проделали Л. С. Васильев и Л. Крадер [Васильев, 1983, с. 3—57; Krader, 1955; 1978]. Они обратили внимание на особую форму «чифдом» («вождество») ⁹, образующуюся на промежуточном этапе в процессе трансформации догосударственных структур в государство и потому присущую как земледельцам, так иномадам. По мнению Л. С. Васильева и Л. Крадера, степняки в своем социально-политическом развитии не были способны подняться выше «чифдома» [Васильев, 1983, с. 32; Krader, 1978]. Однако некоторые из отмеченных Л. С. Васильевым параметров «чифдома» (основополагающая роль генеалогического родства, главенство сакрализованного лидера, разделение труда и обмен, то, что «правитель из слуги общества начинает становиться... господином над ним» [Васильев, 1983, с. 40]) не просматриваются в Монгольской империи и ряде подобных ей образований. Не случайно абсолютное большинство историков рассматривают огромные, зачастую рыхлые и эфемерные степные объединения как ранние государства ¹⁰.

Некоторые исследователи проводят обобщения на более узком фоне, сопоставляя лишь кочевые империи, в которых находят следующие сходные черты: 1) сохранение формы родоплеменных институтов, наполняемых новым содержанием, соответствующим степени развития классового общества и государства [Бернштам, 1946, с. 145; Кляшторный, 1984, с. 149; Марков, 1973, с. 7; Нацагдорж, 1975, с. 2; Плетнева, 1982, с. 106; Сэр-Оджав, 1971, с. 24—25; Федоров-Давыдов, 1966, с. 227; Krader, 1955, с. 68]; 2) строго централизованное управление с

чертами военной диктатуры, характерное для крупнейших кочевых империй — древнетюркских и Монгольской [Марков, 1973, с. 7; Ширендыб, 1974, с. 28]; 3) состояние постоянной войны с соседями; 4) громадные размеры [Плстнева, 1982, с. 106, 117]¹¹.

Степень повторяемости государственно-политических явлений оценивается неоднозначно. Можно встретить абсолютизацию традиции: с точки зрения Б. Я. Владимирцова, Н. Ц. Мункуева и некоторых других историков, в устройстве монархии, созданной Чингисханом, все было повторением того, что существовало и до него [Владимирцов, 1934, с. 96, 97, 102, 103; История МНР, 1967, с. 106; Мункуев, 1970, с. 366; Фох, 1937, с. 106]. Некоторые исследователи подходят к этой проблеме более осторожно, полагая, что государство монголов либо «напоминало вполне прежние кочевые империи» [Чулошников, 1924, с. 86], либо носило «определенный отпечаток перенятых древних традиций» [Ширендыб, 1974, с. 25], либо имело неких «предвестников событий XIII века» [Рерих, 1958, с. 334].

По поводу «предвестников» существуют резко противоположные мнения. Обычно предпочтение отдают какой-нибудь одной этносоциальной общности кочевников, приписывая ей славу исходного пункта центральноазиатской государственности.

Проблема происхождения государственной традиции у кочевников Евразии

Историки придают особое значение державе *хунну* (III в. до н. э. — II в.) — первому достоверно известному политическому образованию в восточной части Великой Степи. Еще в XVIII в. Ж. Дегинь утверждал, что «Хунну было кочевое государство, из которого впоследствии вышло турецкое (т. е. древнетюркское. — В. Т.), а затем монгольское» (цит. по [Бернштам, 1946, с. 23]). Подобные общие констатации встречаются ныне у Л. Квантена, Э. Филлипса и некоторых других востоковедов [Kwanten, 1979, с. 9; Phillips, 1969, с. 22, 23]. Чаще всего хуннская традиция понимается как сходство отдельных компонентов политической организации, и предпринимаются попытки конкретизировать данное понятие. Самым значительным государством кочевников раннего средневековья был, несомненно, первый Тюркский каганат, и именно в его устройстве ищут аналогии с царством шаньюев Люаньди, иногда представляя эль древних тюрков как результат развития хуннской государственности [Савинов, 1984, с. 32, 34]. Эту преемственность видят в дублировании правящего триумвирата хуннов (каган, ябгу, шад — шаньюй, правый и левый сянь-ваны) [Киселев, 1951, с. 501], системы крыльев [Грач, Потапов, 1964, с. 69, 70; Толстов, 1938, с. 76], десятичного разделения армии [Phillips, 1969, с. 24], трактования сакральной связи правителя с Небом [Фа-

сесв, 1978, с. 128; Mori, 1981, с. 74; Phillips, 1969, с. 24; Turan, 1955, с. 78—80]. Происхождение отдельных явлений в Монгольской империи XIII в. также связывают с хунну: крылья [Гонгор, 1978, с. 17; Хазанов, 1975, с. 197], улусную систему [Таскин, 1973, с. 17; Хазанов, 1975, с. 197], десятичную систему [Sankri-tuayana, 1964, с. 20, 21; и др.], «традиции степного единства» [Гумилев, 1970, с. 162]. Лишь Дж. Флетчер попробовал (в пределах небольшого абзаца) не просто отметить сходные черты в организации управления, но и проследить развитие «тенденции к империи» от государства хуннов через объединения сяньби, тюрков, киданей к державе монголов XIII в. Эту тенденцию он видел в абсолютизации ханской власти и постепенном установлении жесткой военизированной структуры [Fletcher, 1986, с. 21]. К сожалению, это мнение американскогономадиста не подкреплено какими-либо доводами и ссылками на источники.

Пристальное внимание вопросам преемственности монгольского Еке улуса от его предшественников конца I тысячелетия до н. э.—начала I тысячелетия уделяют историки МНР Н. Ишжамц [Ишжамц, 1972, с. 8, 9] и особенно Г. Сухбатар. В пользу своего основополагающего тезиса о том, что «традиция государственности у монголов преемственно связана с хуннской», Г. Сухбатар приводит такие соображения: 1) идентичность раздела империи на крылья и центр; 2) военная десятичная система; 3) сходная церемония интронизации; 4) одинаковая концепция верховной власти (авторитарность шаньюя); 5) похожий погребальный обряд; 6) применение свистящих стрел; 7) любовь и хуннов и монголов к конским скачкам и верблюжьим бегам; 8) одинаковый видовой состав стад; 9) одинаковая конструкция лодок [Сухбатар, 1973, с. 114, 115; 1974, с. 275, 276; 1978, с. 262, 264]. Ясно, что лишь первые четыре фактора можно считать элементами социально-политической преемственности. Однако Г. Сухбатар не дает подробно сопоставления текстов источников и оставляет в стороне проблему механизма движения традиции в истории. Что касается остальных пунктов, то все они построены на предельно дискуссионном утверждении о монголоязычности хуннов (и, следовательно, признании их этническими предками монголов) и на абстрагировании от общеизвестной пивелировки материальной культуры евразийских номадов. К тому же в источниках, насколько мне известно, нет детальных описаний коронации шаньюя.

Да и сам Г. Сухбатар в своей книге о *сяньби* (период их гегемонии в Центральной Азии — II—IV вв.) писал, что ритуал поднятия хана на войлоке семью придворными происходит от ритуала тоба [Сухбатар, 1971^a, с. 131, 132]. С этим же сяньбийским племенем III в. Бира связывает монгольскую титулатуру, иерархию государственных должностей и концепцию верховной власти (идея «единохаганства», связь кагана с Небом). Но для доказательства традиционности последнего явления он привле-

кает не сяньбийскую, а древнетюркскую формулу монаршего титула, уподобляя ее эпитетам первопредка Бортэ-Чино в «Тайной истории монголов». Кроме того, заявляя о непрерывности передачи традиции политических представлений у кочевых народов, Ш. Бира не прослеживает ход этого процесса, не пытается выяснить его динамику [Бира, 1977, с. 196, 197]. К тому же сферу сохранения традиции он ограничивает лишь религией (для древних тюрков и монголов до второй половины XIII в. — шаманизм, для периода Юань и позже — буддизм) [Бира, 1977, с. 199—204], что обедняет многообразие социально-политических отношений, ведь государственное строительство велось не только на основе религиозных норм (см. ниже, гл. 2).

Если Г. Сухбатар и И. Я. Златкин начинают историю антагонистических формаций в Центральной Азии (а стало быть, по марксистской схеме, и государственности) с хуньской эпохи, то Н. Сэр-Оджав, признавая державу шаньюев «дофеодальным государством», считает первым раннефеодальным образованием каганат *жужаней* (IV—VI вв.). Именно от них, по его мнению, через тюрков и уйгуров, начало формироваться классовое общество, окончательно сложившееся в Монгольской империи XIII в. [Сэр-Оджав, 1971, с. 15, 25; 1977, с. 157, 158].

Тема государственных традиций *древних тюрков* (тузюэ) VI—VIII вв. довольно полно отражена в литературе. Еще в 1941 г. В. А. Гордлевский писал, что «гипотеза о взаимодействии тюрков и монголов» задолго до нашествия Чингисхана и его внуков на западные страны «стоит на очереди» [Гордлевский, 1960, с. 69]. Начали исследовать ее американские и турецкие ученые¹². П. Голден разработал классификацию передававшихся традиций, выделив из них культовые (церемониал коронации; представления о священных узах кагана и всего правящего рода с божественными силами; понятие священного центра державы), политические и социальные (титулатура; деление государства на две части-крыла при старшинстве восточной; владение доменными землями по рекам Орхону и Селенге) [Golden, 1982, с. 42—65]. Избранные П. Голденом критерии анализа представляются чрезвычайно продуктивными, но данный автор намеренно ограничивает свое исследование до чингисовской эпохой, лишь изредка ссылаясь на примеры из устройства Еке Монгол улуса. Кроме того, он тоже не показывает пути и способы движения традиции от одного народа к другому, хотя и применяет вполне здесь уместное понятие из лексикона европейского средневековья — *translatio imperii* [Golden, 1982, с. 73].

В трудах историков-марксистов укоренился формационный подход, который применен и при анализе древнетюркской эпохи¹³. Выше указывалось, что некоторые советские и монгольские авторы связывают начало феодализации кочевников с периодами гегемонии хунну и жужаней. Другие исследователи

видят аналогичную роль каганатов туцзюэ и уйгуров для народов Саяно-Алтая [Маннай-оол, 1934, с. 105], Центральной Азии [Федоров-Давыдов, 1973, с. 6], а С. Г. Кляшторный прямо пишет: «Не гунны, а nasledовавшие им... тюркские племена оказали решающее влияние на формирование специфических для Центральной Азии хозяйственных типов, политических общностей и культурных традиций» [Кляшторный, 1973, с. 254—255]. Принципиальное значение социально-политической организации («вечного эля») туцзюэ для окрестных и более поздних кочевых народов подчеркивал и Л. Н. Гумилев, выдвигая на первый план притягательную для степных вождей стройность политической структуры при правителях из рода Ашина [Гумилев, 1961, с. 20]. Правда, в одной из последующих работ он высказал противоположное мнение о всеобщем неприятии той же системы вследствие ее «жестокости» [Гумилев, 1970, с. 122]. В литературе неоднократно отмечалось решающее влияние каганатов VI—IX вв. на формирование государственности у карлуков и Караханидов [Бартольд, 1968⁶, с. 112; Кадырбаев, 1977, с. 87; Кляшторный, 1970, с. 84—85; Samolin, 1964, с. 77, 78], киданей [Викторова, 1981, с. 75, 76; Ивлиев, 1981, с. 68; Kwanten, 1979, с. 94], кимаков [Кумекоев, 1972, с. 116—117; Плетнева, 1982, с. 98], хазар [Артамонов, 1962, с. 170—171; Бартольд, 1968^ж, с. 583; Магомедов, 1983, с. 178; Толстов, 1938^а, с. 187; 1948, с. 226; Golden, 1982, с. 47, 59—61] и других народов. Рассмотрим проблему древнетюркских традиций применительно к Монгольской империи.

Прежде всего следует отметить попытки сопоставления двух великих кочевых царств безотносительно к их исторической связи. Поскольку формационные критерии их сравнения уже названы и перечислены выше, упомянем о других концепциях.

Новозеландский номадист Дж. Сондерс усмотрел общность исторических судеб и особенностей внутренней структуры каганатов туцзюэ и Еке Монгол улуса в таких факторах, как чрезвычайная скорость расширения территории, использование распрей в стане противника, стремление к созданию единой империи [Saunders, 1971, с. 28]. Несмотря на то что целая глава в его «Истории монгольских завоеваний» называется «Тюркская репетиция монгольских завоеваний», Дж. Сондерс не пошел дальше пересказа известных фактов политической истории VI—VIII вв., а для сравнения взял самые абстрактные параметры, к тому же только из сферы военно-дипломатических отношений. Подобной неконкретностью страдают и выкладки американского историка Х. Мартина [Martin, 1950, с. 309, 310].

Д. Синор (США) оценивает эль тюрков и улус монголов посредством исторически иррациональных категорий: «У тюркского государства не было ни долголетия, ни мощи Монгольской империи, но оно так же либерально, как и последняя, относилось к людям и идеям и было менее разрушительным (т. е. менее агрессивным.— В. Т.)» [Sinor, 1953, с. 434]. Такой подход

едва ли может способствовать позитивному изучению вопросов историко-генетических связей кочевых держав.

П. Голден, утверждая, будто «многие из тюркских имперских форм возродились и всплыли в империи Чингис-хана» [Golden, 1982, с. 55], ограничивается двумя частными примерами — контролем над доменными территориями и сходством каганской титулатуры [Golden, 1982, с. 56, 72]. Подобное перечисление аналогов способствует накоплению материалов для решения проблемы, но не самому решению. Впрочем, П. Голден ставил задачу изучения традиций лишь у «дочингисидских номадов», о чем говорилось выше.

Почти все авторы, занимавшиеся вопросами древнетюркского государственного наследия XIII в., отмечали наличие отдельных его элементов — не более. Так, его проявление усматривали в тюркской по происхождению титулатуре монгольской знати [Бартольд, 1968^с, с. 256; Phillips, 1969, с. 24], в системе крыльев, их иерархии и цветообозначении [Армянская география, 1877, с. 83; Кононов, 1978, с. 173; Alföldy, 1943, с. 516], доктринах монархического правления [Бира, 1978, с. 30; Golden, 1982, с. 72, 73; Kvaerne, 1980, с. 94, 95; Rachewiltz, 1975, с. 28—31; Тоған, 1955, с. 82], организации гвардии [Phillips, 1969, с. 42]¹⁴, стремлении Чингисхана распространить свое господство на районы, некогда подчинявшиеся Ашинам [Тоған, 1950, с. 228].

Но обычно подобные рассуждения эпизодичны, без развернутых комментариев и аргументации. В трудах же турецких историков И. Кафесоглу и особенно А. Зеки Велиди Тогана тюрко-монгольские историко-генетические связи являются главным предметом исследования. А. Зеки Велиди Тоған выдвигает корректную посылку: «Ни один народ не может за несколько лет создать государственность; наивно было бы приписывать возникновение разветвленной государственной системы только советам уйгуров или гениальности Чингисхана» [Тоған, 1941, с. 31]. Внутреннюю и внешнюю политику, проводившуюся монгольской верхушкой в начале XIII в., А. Зеки Велиди Тоған объясняет именно «тюркскими завоевательными и государственными традициями», в числе которых перечисляются следующие: 1) простая и гибкая организация, основанная на обычном праве; 2) титул кагана, который А. Зеки Велиди Тоған считает тюркским; 3) главенство правящего рода; 4) 24-членная и вообще четырехкратная организация армии и уделов, раздача четверем Чингисовым сыновьям по четыре племени; 5) идея всемирной империи с центром в древнетюркском домене Отюкен-йыш, трактуемом А. Зеки Велиди Тоғаном как регион между Тянь-Шанем и Орхоном [Тоған, 1941, с. 30; 1946, с. 103, 106—109].

Ни один из этих пунктов не бесспорен: 1) обычное право (төрү) — вовсе не монополия древних тюрков и монголов. А. Зеки Велиди Тоған сам признает, что оно бытовало в истории с глубокой древности до позднего средневековья [Тоған,

1946, с. 109]; 2) каганом впервые назвал себя правитель сяньби или жужаней¹⁵ (оба народа монголоязычны) и только потом правитель тюрков-туцзюэ; 3) правящий род возглавлял империю не только у хуннов (Люаньди), тюрков (Ашина) и уйгуров (Яглакэр), но и у монголоязычных киданей (Елюй), у тунгусо-язычных чжурчженей (Ваньянь); 4) Чингисхан раздал сыновьям не по четыре племена, а по четыре «тысячи», что неравнозначно. Причем из четырех наследников младший получил не четыре, а более ста «тысяч» (см. [Рашид ад-Дин, 1952, кн. 1, с. 266—277]). Да и приведенная аналогия опоры древнетюркских монархов на четыре племена сомнительна [Togan, 1946, с. 108]; 5) домен рода Чингисидов располагался к востоку от Орхона — это был так называемый Коренной юрт в бассейне Онона и Керулена; 6) если идея «всемирной империи» прослеживается в политике монгольского правительства (особенно в периоды правления Гуюка и Мункэ), то нет явных сведений о существовании таковой в тюркских каганатах.

Задавшись целью выявить тюркские традиции в Монгольской империи, А. Зеки Велиди Тоган столкнулся с необходимостью объяснить причины их проникновения туда. В своих книгах «Монголы, Чингиз и тюрки» и «Введение во всеобщую историю тюрков» он попытался обосновать это генеалогическим родством Чингисидов с Ашинами, монгольского племени кият-борджигинов с древнетюркским «аристократическим» племенем кайы [Togan, 1941, с. 14—17; 1946, с. IV, 66, 67]. Разбор этнической предыстории кият-борджигинов (Чингисидов) выходит за рамки нашей темы. Отметим лишь, что все доводы А. Зеки Велиди Тогана по этому поводу были опровергнуты в обстоятельной статье И. Кафесоглу [Kafesoglu, 1953].

Связать происхождение Чингисхана с тюрками и уйгурами пытались также Г. Шмидт, раскритикованный Д. Банзаровым [Банзаров, 1849, с. 17], и Х. Ховорс. Последний идентифицировал одного из Чингисовых предков, Дува-мергена, с тюркским Тобо-каганом (573—581). Обосновал он это следующим: 1) после смерти Тобо каганат разделился на четыре части, а согласно «Тайной истории монголов», племянники Дува-мергена были главами четырех племен; 2) у Тобо был брат Секин (Сакуй), а у Дува-мергена — брат Дува-Сохор [Howorth, 1876, с. 36]. На самом же деле Тобо — это китайская транскрипция тюркского имени Таспар (Тсапар) (см. [Кляшторный, Лившиц, 1971, с. 130]). Кроме того, братья Дува были потомками Бортэ-Чино в десятом поколении, т. е. жили примерно в середине IX в. — на триста лет позже Тобо-кагана¹⁶.

Происхождение монгольской государственности нередко связывают еще с одним кочевым народом — киданями. Их империя Ляо («Железная», 907—1125) занимает в ряду средневековых держав особое место прежде всего в силу своей экономической особенности — совмещения кочевого и оседло-земледельческого укладов [Викторова, 1961]. Поскольку эта же чер-

та была позже присуща и Еке Монгол улусу, отдельные авторы, начиная с В. П. Васильева, причисляли ее к наследию киданьской державы [Васильев, 1857, с. 17; Деопик, 1978, с. 119; Таскин, 1975, с. 83; 1979, с. 16]. Кроме того, в литературе отмечалось большое влияние лясского общественного строя на формирование феодальных отношений у монголов [Пэрлээ, 1959, с. 95], на принципы комплектования административного и командного персонала, военную структуру и религиозную политику [Wittfogel, 1957, с. 184; Wittfogel, FêngChia-shêng, 1949, с. 9, 18, 533]. Среди главных инициаторов введения киданьских методов управления называют начальника канцелярии при Чингисхане и Угедэе Елюй Чуцаю. Некоторые исследователи полагают, что Чингис мнил себя наследником государей Ляо и мстить чжурчжэням за разгром «Железной» империи была одной из причин его вторжения в Северный Китай [Викторова, 1980, с. 175; Мункуев, 1965, с. 14; Grousset, 1941, с. 216]. Действительно, он заявлял Елюй Чуцаю: «[Дома] Ляо и Цзинь — извечные враги. Я отомстил им (т. е. цзиньцам. — В. Т.) за тебя!» [Иакинф, 1829, с. 106; Мункуев, 1965, с. 70]. Все же, по нашему мнению, Чингисхан мстил не за чуждое ему киданьское царство. В источниках говорится о мести Цзиням за Амбагая, предка Чингисхана, казненного чжурчжэнями [Иакинф, 1829, с. 36; Рашид ад-Дин, 1952, кн. 2, с. 263]. Но не стоит преувеличивать фактор мести в монголо-цзиньских отношениях. Вероятно, это был тактический ход, средство привлечения на свою сторону многочисленных киданьских подданных чжурчжэньского императора. Подтверждением тому служит, например, трагическая судьба марионеточного княжества Великое Ляо, сначала поддержанного Чингисханом, а затем безжалостно уничтоженного [Иакинф, 1829, с. 55, 58, 77, 86; Мелихов, 1970, с. 64—70]. К тому же, если бы Чингисхан придерживался какой-либо прокиданьской ориентации, трудно было бы объяснить стремление к союзу с ним в 1211 г. уйгурских и карлукских правителей, составлявших оппозицию как раз киданьским правителям Семиречья. В целом проблема киданьского наследия еще ждет подробного изучения.

Итак, многие историки ищут истоки формирования монгольской государственности в более или менее отдаленном от чингисовских времен прошлом, среди немонгольских или протомонгольских этносов. Но эпоха XII вв. в Центральной Азии тоже заслуживает внимания и анализа. Существует мнение, что стимулом развития социально-политических отношений у ононокуруленских номадов были их связи с окрестными племенными союзами — цзубу, керентами и др. [Гумилев, 1970, с. 171; Ишжамц, 1972, с. 10—11; Rachewiltz, 1983, с. 282—284]. Активно разрабатывается вопрос о том, какой статус имело объединение середины XII в. Хамуг Монгол, возглавлявшееся хаганами Хабулой, Амбагаем и Хутулой. Ведь именно их преемником порой называют Чингисхана, принявшего титул хагана и «вновь» на-

реки своих подданных монголами [Бартольд, 1963, с. 447; 1968^е, с. 257, 258; Викторова, 1974, с. 211; Kałużyński, 1983, с. 131].

Б. Я. Владимирцов отрицал существование доимперской государственности у монголов. Власть ханов XII в., писал Б. Я. Владимирцов, «была очень слабой и неопределенной... Это были эфемерные вожди неопределенных групп с неопределенной, всегда оспариваемой властью» [Владимирцов, 1934, с. 80]. Этому же мнения придерживаются Г. Е. Марков, Н. Ц. Мункуев, В. С. Таскин, А. М. Хазанов [Марков, 1976, с. 63; Мункуев, 1970, с. 354—355; 1970^а, с. 10, 11; Материалы, 1984, с. 31; Khazanov, 1980, с. 30, 36], к нему примыкают точки зрения Л. Крадера и Р. Груссе. Первый относит основание монгольского государства к концу XII в., когда Темучина впервые провозгласили ханом; второй, хотя и признает Хамуг Монгол «зародышем первого царства монголов», отмечает его моментальный распад после смерти Хутулы и отсутствие чьих-либо попыток «воцариться» вновь [Grousset, 1941, с. 36, 39; Krader, 1978, с. 99, 100].

В то же время некоторые историки, в том числе медиевисты МНР, выдвигают идею о том, что Хамуг Монгол — это уже государство [БНМАУын түүх, 1984, с. 147; Викторова, 1974, с. 211; Гонгор, 1973, с. 121; Ишжамц, 1972, с. 11, 12; Кычанов, 1974, с. 165—169; Пэрлээ, 1963, с. 316; Phillips, 1969, с. 25]. Их доказательства сводятся к следующему: 1) «Всеми монголами ведал Хабул-хаган. После Хабул-хагана всеми монголами стал ведасть... Амбагай-хаган» (см. [Козин, 1941, с. 84]). Слова «все монголы» (*qamıq mongγol*) расцениваются историками в качестве названия «государства»; 2) по известиям китайских хроник, один из монгольских вождей (скорее всего Хабул) в 1147 г. принял китайский титул «император-основатель династии» и назвал свое владение Великим монгольским государством [Бичурин, 1950, т. I, с. 379; Васильев, 1857, с. 80]; 3) персидские хроники тоже называют объединения того времени государствами.

Проверженцам той и другой теорий не откажешь в логике, но обеим сторонам не хватает источниковой базы, часто одни и те же высказывания из средневековых сочинений трактуются в противоположном смысле. Поэтому в последние годы эта дискуссия начала перемещаться с проблемы «государство» или «не государство» к более методологически оправданному выяснению общественно-экономического и политического характера центральноазиатских союзно-племенных объединений-улусов во главе с ханами. Одним из таких улусов, видимо, и являлся Хамуг Монгол. Наиболее плодотворно в этом направлении работают А. Ш. Кадырбаев и Е. И. Кычанов, определившие улусы XII в. как государства, но «первоначального типа» [История Казахской ССР, 1979, с. 48; Кадырбаев, 1984, с. 254—255; 1986; Кычанов, 1978, 1986].

К проблеме традиционности примыкает вопрос о влиянии оседлых соседей на кочевников и заимствовании последними социальных институтов и культурных достижений. Применительно к истории Центральной Азии эти аспекты подробнее всего разработаны в отношении монголо-китайских, монголо-чжурчженских, монголо-уйгурских, монголо-тюркских¹⁷ связей. Однако все эти связи — явления другого уровня, так как при их функционировании преемственности в полном смысле не происходило. Поэтому опускаю разбор литературы, отражающей заимствования в организации Монгольской империи и влияние на нее со стороны соседних стран.

Время от времени встречаются утверждения о полном или частичном отсутствии преемственности в процессе развития кочевых государств. Как правило, авторы этих концепций или в конце концов признают существование традиции, или ограничивают ее какой-либо определенной этнической общностью (подробнее см. [Трепавлов, 1992]).

В итоге можно отметить, что, во-первых, вопрос о государственных традициях в кочевых империях, в том числе Монгольской, в самых общих чертах поставлен в историографии и большинством историков решен положительно. Во-вторых, не решен и даже, пожалуй, еще не поднимался вопрос о природе и особенностях государственной традиции, о путях и способах ее передачи в истории. А ведь без его изучения сопоставительный анализ государственности различных кочевых народов превращается в простое сравнение по аналогии. В-третьих, углубленного рассмотрения отдельных традиций (древнетюркской, киданьской и т. д.) не предпринималось. Исследователи ограничивались констатацией существования традиции или приведением отдельных примеров ее проявления. В целом проблема государственных традиций у кочевников остается неисследованной¹⁸.

Изучение традиций кочевой государственности как во всей их исторической протяженности, так и в пределах какого-нибудь отдельно взятого образования требует привлечения всего корпуса источников по данному региону или периоду. Детальный разбор массы письменных памятников невозможно вместить в рамки одной главы. Поскольку социально-политические отношения в Еке Монгол улусе разбираются в подобном ракурсе впервые, предстоит обращение к уже выявленным и известным источникам с целью поиска в них отражения преемственности. Эти сочинения неоднократно изучались и оценивались учеными, что послужило еще одной причиной конспективности источниковедческого раздела.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ В МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ТРАДИЦИИ

Поскольку в нашей работе разбирается государственный строй державы монголов, необходимо обратиться к источникам, содержащим сведения о первоначальных учреждениях, созданных ее основателями для управления подданными. Как известно, Темучин начал борьбу за всемонгольский трон, будучи еще мелким степным князьком. Окружив себя преданным войском, он сумел образовать самостоятельное владение (сначала под протекторатом керейтского Тоорила Ван-хана). В 1180 г. соратники-нукеры провозгласили своего вожда ханом с почетным личным титулом Чингис. Таким образом, его улус был конституирован. Тогда же произошло первое распределение административных должностей: были назначены четверо «обязанных носить лук и стрелы» (хорчи), трое «кравчих» (баурчи), по одному «заведующему» отарами, кибитками, прислугой (чэрби), двое «конюших» (актачи), трое смотрителей табунов и четверо разведчиков [Козин, 1941, с. 109, 110]. Через несколько лет, после разгрома керейтов, Чингис произвел комплектование своих отрядов в десятичные подразделения (по 10, 100, 1000, 10 000 человек), увеличил число чэрби до шести и сформировал гвардейский корпус [Козин, 1941, с. 144]. Не многое изменилось в этой структуре и после каганской интронизации 1206 г.: произошло окончательное утверждение десятичной системы, были назначены командиры крыльев и воинских отрядов. Единственное крупное нововведение — учреждение поста верховного судьи (гурдерийн дзаргучи), им стал татарин Шиги-Хутуху, ведавший к тому же и раздачей уделов нойонам [Козин, 1941, с. 158—168].

Несмотря на четкую тенденцию к разветвлению и усложнению функций управленческого аппарата, сфера их приложения ограничивалась рамками кочевого улуса. Перечисленных монгольским источником должностей оказывалось достаточно для ханской ставки¹⁹ с ее повседневными заботами — обслуживанием правителя, его семьи и хозяйства, контролем над передвижением скота и зависимого населения, организацией набегов и охраной от вторжений соседей. После 1206 г. интересы знати переключились с внутренних распрей на завоевание окрестных стран, прежде всего на подготовку нашествия на Китай. Территория, управляемая из ононо-керуленской степи, должна была неизмеримо возрасти в ходе завоеваний, да еще и включить районы проживания оседлых народов, культурно и этнически

чуждых монголам. В этом случае столь примитивная кочевая администрация, окружавшая Чингиса в конце XII — начале XIII в., оказалась бы неспособной эффективно регулировать внутримперские отношения: во-первых, из-за различий в уровнях общественного развития населения будущего монгольского царства, во-вторых, из-за огромных его размеров. Следовательно, необходимость совершенствования управленческой системы была заложена уже в самой природе новорожденной империи. Поэтому представляется спорным утверждение, будто «Монгольское государство и его структура сложились до начала завоеваний, т. е. до 1211 г.» [Мерперт, Пашуто, Черепнин, 1962, с. 94], до нашествия на Цзинь. Неразвитость административных органов осознавал и сам Чингис, который накануне цзиньской кампании наставлял сыновей и младших братьев: «Изучайте разные законы; сравнивая, припоровывайтесь к ним! Для разных дел нужны опытные, ученые люди! Тот человек выше множества множеств людей, который знает законы государства» [Лубсан Данзан, 1973, с. 190].

Таким образом, с одной стороны, относительная неразвитость собственно-монгольской государственности, с другой — перспектива завоевательных войн заставляли Чингисхана обращаться к государственному опыту соседей и предшественников.

Как мы уже говорили, одним из первых внутриполитических мероприятий монгольского правительства в начале XIII в. было учреждение десятичной системы, т. е. деление армии и населения на тьмы, «тысячи» и т. д. Данная организация войска трактуется исследователями по-разному. Одни видят в ней орудие преднамеренного разрушения исторически сложившихся родо-племенных единиц [Викторова, 1980, с. 174; Лашук, 1967, с. 35—38; Федоров-Давыдов, 1973, с. 49]. Другие, напротив, считают ее лишь военно-государственным оформлением старых родов и племен [Марков, 1976, с. 76; Толыбеков, 1971, с. 182]. Третьи предлагают компромиссное решение. По их мнению, племена, предводители которых ожесточенно сопротивлялись Темучину, были после победы разделены и разверстаны по разным подразделениям, а верные союзники сохраняли свою прежнюю родственную структуру, образуя гомогенные корпуса — «тысячи», состоявшие только из урянхатов, или князев, или ойратов и т. д. [Владимирцов, 1934, с. 108—110; Jackson, 1978, с. 10].

В целом я присоединяюсь к последней точке зрения. Действительно, трудно было бы ожидать радикальной ломки институтов родового строя от монарха, который сам был «воспитан в родовых взглядах» [Владимирцов, 1934, с. 108]. Но при этом следует учитывать еще ряд обстоятельств. Политика первого кагана²⁰ диктовалась конкретной политической и социальной ситуацией, сложившейся в начале XIII в. К 1206 г. Центральная Азия уже не представляла собой конгломерата более или менее стабильных племенных союзов и улусов, как в середине —

конце XII в. после падения киданьских империй Ляо (1125 г.) и Бэй Ляо (1130 г.). Многие из этих улусов были уничтожены Темучином или рассеяны по всей степи. Собрать их население в старые родовые стойбища-курени было невозможно. Поэтому при формировании туменных и «тысячных» отрядов учитывалась не родовая принадлежность, а соображения здравого смысла, и правительство шло по наиболее легкому пути: организовывало эту разноплеменную массу в сборные военные отряды. К такому способу комплектования армии толкало и явление массового изгойства, бродяжничества, свидетельствовавшее о разрыве внутриклановых связей. Но это не значит, что Темучин преднамеренно разрушал патриархальные порядки. Поступить так — значит создать сильную оппозицию в лице «природных» аристократов, тех нойонов, которые провозгласили его каганом в 1206 г. Здесь налицо сословный союз старой «гражданской» знати, опиравшейся на древние привилегии, и новой, военной, добившейся приоритета после многолетних сражений под знаменем Чингисхана.

В более мелких масштабах такие соглашения заключались и раньше. Нойонам требовались защита кочевий, пабеги для обогащения, места для облавных охот и, конечно, порядок внутри своих владений. В ответ вождь (хаан) требовал от нойона личной службы в своих войсках и предоставления воинов из подвластных данному держателю айлов [Владимирцов, 1934, с. 82, 83, 85, 103, 104]. Следовательно, интересы нойонов и военных вождей в общих чертах совпадали, особенно когда речь шла об объединении племен, это было естественно для двух частей одного формировавшегося сословия знати — родовой и военной.

Однако в начале XIII в. положение в Монголии не оправдало ожиданий нойонства. Даже если допустить, что Чингисхан сохранил уцелевшие родо-племенные образования, то во главе их он все равно поставил своих верных сподвижников, девяносто пять тысячников²¹. Эти командиры верой и правдой служили кагану, что выгодно отличало их от родовой знати, оберегавшей свои привилегии. Родовая знать, вынужденная смириться с новым монархическим строем, не могла потребовать от правительства ортодоксального соблюдения этих прерогатив, и некоторые нойоны, даже вчерашние союзники Темучина, оттесненные на второй план, становились его потенциальными врагами. Более того, распределение военной добычи в последующих войнах попало в руки военачальников, еще раз разочаровав «белую кость». Ясно, что противоречия обострились, когда дело дошло до первого дележа награбленных у соседей богатств. А при тогдашней роли патриархальных институтов (большей частью пережиточных, но, как и везде, очень живучих) и, что более важно, патриархальной психологии массы населения Чингисхан был обязан считаться с настроением племенных аристократов. Ведь в своей античингисовской ориентации знать могла

привлечь на свою сторону харачу — рядовых монголов, которым процесс объединения нес кровь и слезы, жесткие повинности, перспективу гибели под стенами чужеземных крепостей. Каган и его окружение отдавали себе отчет в сложности обстановки и сочли за лучшее увести большинство боеспособного народа в поход на чжурчженей.

Когда Чингисхан двинулся на Северный Китай, он опасался бунта в Монголии, поэтому там была оставлена армия темника Тогачара, чтобы «тому быть... в тылу в целях безопасности от племен монгол, кераит, найман и других, большинство которых он (Чингис.— В. Т.) подчинил [себе], да чтобы и [его] орды были также в безопасности» [Рашид ад-Дин, 1952, кн. 2, с. 163]. Хотя о какой-либо попытке мятежа в то время нам неизвестно, но, вероятно, мятежные настроения в тылу были одной из причин поспешного возвращения значительной части войска домой.

Перед походом в Среднюю Азию Чингисхан был вынужден отправить карательную экспедицию против найманов и «других племен, которые бунтовали по углам его владений» [Рашид ад-Дин, 1952, кн. 2, с. 179]. Это говорит о выступлениях в самой Монголии, так как в империи Цзинь военные действия и без того шли с 1211 г., снисейские кыргызы восстали позже, а других «его владений» в то время еще не существовало.

В 1218 г. войско выступило на запад. На этот раз тумены ушли гораздо дальше от Коренного юрта, и связи с ним по обезлюдевшим караванным путям становились все призрачнее. Оппозиция вновь решила поднять голову. В 1224 г. правитель тангутов Дэ-ван направил посольство «ко всем племенам к северу от песков» (Гоби) с предложением объединиться против кагана. Но вскоре один из тангутских полководцев был разбит монгольским отрядом, а затем поступило сообщение о возвращении всей армии из похода. Заговорщики моментально разорвали союз с Дэ-ваном и в ужасе разбежались [Кычанов, 1968, с. 309; Ta'rikh, 1912, с. 110].

Постоянная угроза восстания в тылу заставляла Чингисхана искать союзников за пределами доменальных кочевий. По соседству с монголами обитали тюркоязычные народы, большая часть которых не испытала на себе трагических последствий межплеменной войны, происходившей в конце XII — начале XIII в. к востоку от Алтая. Но чтобы привлечь эти народы на свою сторону, необходимо было использовать политические идеи и лозунги, исторически близкие и понятные тюркам, и прежде всего провозгласить создание кочевой империи, в которой нашлось бы место всем народам, «живущим за войлочными степями», т. е. возродить объединительную традицию.

Таким образом, ненадежность монгольского тыла побудила правительство искать сближения с соседями-тюрками.

Победа над соперниками и воцарение Чингисхана, признание его сюзеренитета во многом ускорились внешнеполитиче-

ским фактором — соседством чжурчжэньской империи, постоянной угрозой ее экспансии или ожиданием очередного цзиньского нашествия. В период борьбы за власть Темучин, видимо, не давал повода для открытой враждебности со стороны южных соседей. Похоже, что и в первое время после курултая 1206 г. он отправлял дань в Китай [Воробьев, 1975, с. 333]. Но долго так продолжаться не могло, столкновение назревало неотвратимо. Мы не ставим задачу анализировать его причины; укажем лишь, что удачное ведение войны смягчило бы многие внутримонгольские конфликты.

Но война с Цзиньской империей — не обычный степной набег, ее исход был для Чингисхана далеко не ясен. Требовались надежная материальная база (оружие, амуниция) и крепкий тыл. Подготовка этого велась в ходе рейда царевича Джучи по землям сибирских тюрок (см. гл. 3), а чтобы тюрки предоставили все необходимое, нужно было обеспечить их добровольное подчинение (что, как мы увидим в дальнейшем, и произошло). Связи с ними налаживались во время подготовки к цзиньской кампании. Следовательно, во избежание траты сил на трех фронтах (чжурчжэни, тангуты, кыргызы) и для скорейшего снаряжения армии Чингисхан решил присоединить тюркские владения.

Мы снова вернулись к сформулированному выше положению о перспективе завоевательных войн, которая вынуждала монгольское правительство к сотрудничеству с некоторыми сопредельными владениями. Судьба Монгольской империи зависела от того, сумеет ли ее правящая верхушка опереться на опыт, материальные и людские ресурсы соседей, использовать государственное наследие предшественников, привлечь на свою сторону инонациональные военные и административные кадры.

ПУТИ И СПОСОБЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ТРАДИЦИИ

Чтобы учреждения, существовавшие в предшествующие времена, обрели новую жизнь в настоящем, нужно было хорошо знать их назначение и структуру. По каким же каналам перемещались сведения о них? В отношении кочевой государственности таких путей было по крайней мере четыре: письменная история, историческая память (фольклор), традиционные правовые нормы и государственная практика.

Информация письменных сочинений

Многовековая письменная историография имела на соседних с Монголией территориях, прежде всего в Китае. В династических хрониках содержится множество сведений по домон-

гольской истории северной степи. Значит ли это, что монголам было известно их содержание?

Прежде всего отметим, что правящие круги Китая учитывали богатый дипломатический и военный опыт прежних китайских династий, использовали его в своих отношениях с кочевниками. Для одних кочевых правителей устраивались правоучительные экскурсии в историю хунно-ханьских отношений²², другим, побежденным, навязывалось хуннское военно-административное устройство²³, владения третьих сопоставлялись с державой хунну²⁴. Есть сведения, что о державе хунну знали и кидани [Кызласов, 1984, с. 14], но так как название их города Шаньюйчэн, включавшее высший хуннский титул (шаньюй), — китайское, то, вероятно, и к монархам Ляо информация пришла от китайцев. Первое кочевое государство Центральной Азии — хуннское — в свое время оказало столь значительное влияние на внешнюю политику Поднебесной и имело столь четкую и стройную организацию, что и после своего распада и исчезновения продолжало считаться в глазах конфуцианских историков неким эталоном кочевой империи.

В 1219 г. канцелярия Чингисхана направила китайскому монаху, даосу Чан-чуню приглашение посетить походную резиденцию кагана. В послании, в частности, говорилось о Монгольской империи: «Такого [огромного] царства еще не было со времен наших шаньюев». Спутники Чан-чуня в «Описании путешествия на запад» («Си ю цзи», 20-е годы XIII в.) величание ханских повозок и шатров сравнивали с тем, что было при дворе шаньюя [Bretschneider, 1888, с. 58]. Южносибирские послы прямо называли Монгольскую империю «государством северного шаньюя» [Краткие сведения, 1960, с. 136]. «Шаньюй» — китайская передача доселе точно не идентифицированного титула правителя хунну. Поскольку в «Си ю цзи» говорится о «царях шаньюях», то здесь явно проступает стремление верховных властей Еке Монгол улуса представить себя наследниками прежних держав кочевников и не обязательно хуннской, ведь китайцы называли шаньюями и тюркских каганов (см. [Бичурин, 1950, т. I, с. 268; Кюпер, 1961, с. 327; Таскин, 1973, с. 7; Liu Mau-tsai, 1958, с. 161]). Да и сам титул «шаньюй» иногда расценивается как прототип таинственного слова «Чингис» [Байзаров, 1849, с. 18—20; Boodberg, 1979, с. 87, 89].

Разумеется, для ознакомления со столь давней историей требовалось иметь хроники. Мы не знаем, как обстояло дело со сбором исторической информации в эпоху Чингисхана, но при его преемниках эта работа приобрела целенаправленный характер. В 1236 г. по инициативе киданина чжун-шу-лина Елюй Чуцая было «учреждено Историческое общество; в пособие взяты исторические книги из городов Янь-цзин и Пхин-ян»; историографами назначили троих китайцев (судя по именам) [Иакинф, 1829, с. 259]. Позже Мункэ и Хубилай поручали китайским же ученым, проживавшим в Монгольской империи, пе-

реводить на монгольский язык исторические сочинения [Позднеев, 1906, с. 166]. В XVII в. сложилась аналогичная ситуация: маньчжуры готовились напасть на Китай и интересовались успехами предыдущих «варварских» династий на этом поприще. Истории Ляо, Цзинь и Юань были переведены на маньчжурский язык [Таскин, 1979, с. 16].

Значит, одним из источников сведений о кочевых государствах служили династийные хроники и, возможно, другие исторические произведения.

Еще одним источником стали эпиграфические памятники. Например, рассказ о падении Уйгурского каганата и о последующей истории уйгуров был нанесен на стелу, воздвигнутую в честь гаочанских князей, а позже почти без изменений списан оттуда в «Юань ши» — официальную хронику монгольской династии [Малаявкин, 1983, с. 154]. Об интересе к подобным текстам в рассматриваемую эпоху (первая половина XIII в.) свидетельствует то, что после смерти Елюй Чудая в его доме нашли «несколько тысяч древних и новейших книг, картин и древних писем на металле и камнях» [Иакинф, 1829, с. 293].

Можно предположить, что китайским и киданьским советникам, их монгольским патронам стала известна история всех крупных держав номадов, содержащаяся в указанных сочинениях. Однако источники не дают основания для такого вывода. А из имеющихся данных пока можно заключить, что до руководителей империи доходили только названия городов, титулы и имена каганов²⁵ (естественно, в китайской транскрипции) и, возможно, представления об общих пределах их владений²⁶.

Кроме иероглифических камнеписных текстов в степях Центральной Азии имеется множество стел, скал и валунов, испещренных руникой древних тюрков и уйгуров. Этот вид письма продолжал бытовать на территории Монголии и в казахских степях по крайней мере до X в. (см. [Арсланова, Кляшторный, 1973; История МНР, 1983, с. 121]), а у енисейских кыргызов, может быть, и до монгольского нашествия в начале XIII в. (см. [Кызласов, 1984, с. 143]). Монголы, конечно, встречали такие памятники. Джувейни пишет, что во время правления Мункэ (1251—1259) в развалинах столицы Уйгурского каганата VIII—IX вв. города Орду-Балыка были обнаружены камни с надписью. «Эти камни были извлечены. Под ними оказалась большая каменная плита с надписями... Приказано было найти кого-нибудь для прочтения их, но никто не мог их прочесть. Из Китая доставили людей, именуемых камами (т. е. прорицателями.— В. Т.). Известными этим людям знаками на плите той было начертано...» [Ta'rikh, 1912, с. 401] — и следует изложение версии происхождения уйгурского царства, не поддающейся идентификации ни с одной из ныне известных надписей. Монголы, несомненно, не сумели прочесть письмена, поэтому обратились к иноплеменникам. Это не обязательно могли быть китайцы. Хитай (Хатай) в XIII в. у мусульманских авторов оз-

начал еще и Семиречье с Кашгаром — район расселения каракиданей (хитаев) [История монголов, 1834, с. 19; Насави, 1973, с. 45, 50; Тизенгаузен, 1884, с. 5 и сл.; Шейбаниада, 1849, с. 43; и др.]. Камами же (прорицателями, шаманами) не называли ни конфуцианских схоластов, ни даосских мудрецов. На территории каракиданьского государства жили в то время и уйгуры. Их жрецы, пожалуй, имели представление о письменности своих предков и могли читать рунику. Очевидно, именно грамотные уйгуры и названы у Джувейни камами. К тому же этот народ пользовался собственной письменностью, широко употреблявшейся в делопроизводстве Монгольской империи²⁷.

Таким образом, кроме туманных намеков на знакомство представителей хитаев и китайцев²⁸ с содержанием тюркских эпитафий VIII—IX вв., другой информации на этот счет мы не имеем.

То же можно сказать и о тюркоязычных письменных литературных произведениях, созданных в X—XII вв. Достоверно лишь то, что поэма Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билиг» («Благодатное знание», XI в.) была известна и распространена в монгольскую эпоху [Мелиоранский, 1901, с. 21], вероятно, также стараниями уйгуров. Из этого дидактического сочинения могли быть извлечены сведения о функциях и прерогативах монарха, его отношениях с подданными и т. д.

Что касается вопроса о существовании собственно монгольской письменности в доимперские времена, то о ее отсутствии, вопреки утверждениям некоторых историков МНР [Лувсандэндэв, 1977, с. 9—11; Сухбатар, 1971; 1971^a, с. 113—114]²⁹, прямо сообщали как сунский дипломат Сюй Тян [Краткие сведения, 1960 с. 142], так и Хубилай-каан в эдикте 1269 г. [Поппе, 1941, с. 13]³⁰.

Скорее всего в передаче информации о государственности исчезнувших народов письменная историография у монголов начала XIII в. играла незначительную роль. В таком случае на первый план выступала изустная передача исторических сведений, осуществлявшаяся в эпических формах, фольклоре.

Сведения фольклора

История монгольских родов и племен, отраженная в единственном монгольском письменном источнике начала XIII в. — «Тайной истории монголов», не содержит каких-либо данных, касающихся государственного строительства до середины XII в. Тщательно сохраняемая каждым кочевником память о ветвях его генеалогического древа [Рашид ад-Дин, 1952, кн. 2, с. 8, 13, 29] обычно мифологизировалась и к перечислению непосредственных предков (иногда нескольких поколений) и к крайне фрагментарным деталям их биографий. Поэтому древние эпосы, собранные в «Тайной истории монголов», не

могут считаться сколько-нибудь представительным сводом исторической памяти населения восточной периферии Великой Степи. Изложение родословной борджигинов весьма локально прежде всего в этногенеалогическом смысле. Авторы или составители памятника сконцентрировали свое внимание в его исторической части только на происхождении «золотого рода»³¹. Но поскольку он нестари обитал в среде других монгольских и отчасти тюркских родов и племен, то Чингису и его окружению, несомненно, были известны эпизированные подробности кочевой истории, не вошедшие в данный источник.

Из «Юань ши» узнаем, что Чингис в обращении к керейтскому Ван-хану назвал местность Сань хэ (кит. «три реки») территорией, где «наши предки положили основание государству», и посему советовал вождям керейтов не покидать Сань хэ [Wittfogel, Fêng Chia-chêng, 1949, с. 111]. К. А. Виттфогель и Фэн Цзяшэн считают, что здесь имеется в виду район между хребтами Хэнтэем и Хинганом. Но там были расположены кочевья большого племени тайджиутов, к которому принадлежали и борджигины. В таком случае Сань хэ — это местность, называемая монголами «Трехречье»: бассейн Онона, Керулена и Тола, — действительно собственно монгольские земли. Однако керейты — не тайджиуты, и, советуя Ван-хану не оставлять Сань хэ, Темучин подразумевал не свою родину (неизвестно, как многочисленное племя керейтов, хотя и союзное, но чужое, да еще во главе с верховным вождем, могло там оказаться), но именно владения керейтов. Поэтому Сань хэ следует локализовать западнее, в кочевьях керейтов между двумя другими горными цепями — Хангаем и Хэнтэем. Там текут реки Орхон, Селенга и Тола, на берегах которых в свое время «положили основание государству» хуину, жужане, тюрки-туцзюе и уйгуры. «Нашими предками» Чингисхан называет скорее всего один из этих народов, так как, во-первых, у других народов — создателей империй в раннем средневековье (сяньби, кыргызов, киданей) государственность сформировалась за пределами монгольской степи. Во-вторых, говоря о «паших», т. е. общих с керейтами, предках, Чингисхан имел в виду не генеалогические построения, известные нам из «Тайной истории монголов» (там для керейтов нет места). Стало быть, говорилось не об этнических предках, а скорее о политических предшественниках. Резонно предположить, что это тюркские и Уйгурский каганаты VI—IX вв.

Данные предположения подтверждаются и свидетельствами некоторых армянских летописцев, подчеркивающих, что их информация идет от самих монголов: «Предки татар вышли из страны Туркестан и отправились на восток» [Армянские источники, 1962, с. 46]. И здесь прародиной названа страна тюрков, так что, вероятно, именно орхонских тюрков имел в виду монгольский владыка. Предположим, что какие-то сведения о каганатах VI—IX вв. оставались в народной памяти и в XIII в., но не

попали в «Тайную историю монголов». В этом случае можно попытаться поискать подобную информацию в произведениях иностранных путешественников, описывавших монгольскую историю не по официальным версиям, к которым не имели доступа, а со слов случайных собеседников.

Один из таких путешественников, венецианский коммерсант Марко Поло, дает любопытное описание разрыва Чингисхана с его покровителем Ван-ханом. Чингисхан (тогда еще звавшийся Темучином) якобы вознамерился стать зятем главы керейтов и послал к нему гонцов. Тот рассвирепел: «Каково бесстыдство Чингис-хана... Дочь мою сватает. Иль не знает, что он мой челядинец и раб! Идите к нему назад и скажите: сожгу дочь, да не выдам за него... следовало его как предателя и изменника своему государю смертью казнить!» [Книга Марко Поло, 1955, с. 85]. Данного эпизода нет в хрониках. Правда, кое в чем ситуацию напоминает предложение о браке Джучи с одной из дочерей Ван-хана. Оно встретило отказ, но совсем на другом основании: наследник керейтского правителя уговорил отца не соглашаться на брак, убедив Ван-хана в том, что в будущем Чингис усилится и станет опасен для улуса керейтов. Но этот отказ не вызвал конфликта, дело обернулось лишь «охлаждением», «размолвкой» [Иакинф, 1829, с. 23; Козин, 1941, с. 127; Палладий, 1877, с. 167]. О неравноправии брака в источниках не говорится, ведь тот же интриговавший сын Ван-хана сватал тогда дочь Чингисхана [Рашид-ад-Дин, 1952, кн. 2, с. 251]. Через год Ван-хан дал согласие на отвергнутый ранее брак (правда, «умыслив погубить» вассала) [Иакинф, 1829, с. 241]. Кроме того, Темучин не был «челядинцем и рабом»: его отец и керейтский хан были побратимами, а сам Чингис — одним из ближайших сподвижников Ван-хана. Таким образом, эта история едва ли могла послужить фактологической основой для рассказа Марко Поло.

В китайских источниках зафиксировано несколько аналогичных событий. Вождь племенного союза дунху пожелал получить в жены одну из ханш хуннского шаньюя Модэ. Несмотря на возражения придворных, Модэ отослал вождю «свою любимую янчжи» [Бичурин, 1950, т. 1, с. 47]. В «Чжоу шу» рассказывается о том, что основатель первого Тюркского каганата Бумын в 552 г. просил в жены дочь своего жужаньского сюзерена Алахуаня, на что последовал гневный ответ: «Ты ведь наш простой кузнец (у Марко Поло — челядинец и раб. — В. Т.). Как ты осмелился произнести подобные слова [о браке]!» [Liu Mau-tsai, 1958, с. 7]. Как Бумын в «Чжоу шу», так и Чингис у Марко Поло пришли в ярость от высокомерного ответа и начали с государями войну, из которой вышли победителями. Здесь уже наблюдается абсолютная идентичность сюжетов, позволяющая полагать, что купец-европеец услышал и записал версию основания кочевой державы, идущую с VI в. от туцзюэ. Схема этой версии такова: просьба о браке с дочерью верховно-

го хана — оскорбительный отказ — война — победа над верховным ханом — основание новой державы.

Воспоминания о своем каганате на Орхоне сохранили к XIII в. и уйгуры. Историки не раз анализировали их легенды, но в основном касались исторической основы сказаний, идентификации упоминаемых в них лиц [Радлов, 1893, с. 116—125; Marquart, 1912, Serine, Ross, 1899, с. 115, 116]. Нас интересуют лишь те фрагменты, где говорится о государственном строе. В одном из преданий, записанных Рашид ад-Дином, повествуется о возникновении царства. После изначального безвластия и междоусобиц уйгурские племена избрали двух правителей с титулами эльтебер и кюль-эркин. То есть показано своеобразное соправительство монархов, приблизительно равных по положению («обоих они сделали государями [всего] народа и племен. Их род царствовал в продолжение ста лет» [Рашид ад-Дин, 1952, кн. I, с. 147]). Одним из районов первоначальной консолидации уйгуров названа гора Каракорум, и это не просто совпадение с названием столицы Монгольской империи: подчеркивается, что «город, который построил Угедэй-каан... называется по имени той горы» [Рашид ад-Дин, 1952, кн. I, с. 146]³². Большое место в легендах отводится некоему Буку-хану, раздвинувшему пределы уйгурского государства; после его смерти власть перешла к одному из его сыновей [Ta'rikh, 1912, с. 53—61].

Из этих дошедших до XIII в. преданий можно было извлечь данные о существовании огромной империи Буку-хана, объединявшей не только уйгуров; об организации дуальной монархии (см. гл. 4); о династийном порядке престолонаследия; о том, что центр империи располагался в Каракоруме.

Во многих мусульманских источниках излагается пространная эпическая биография праотца тюркских народов Огуз-кагана. Легенды о нем многократно разбирались исследователями, поэтому назовем лишь компоненты общественной и политической структуры, зафиксированные в средневековых сочинениях: а) разделение владений на две части-крыла [Кононов, 1958, с. 40; Рашид ад-Дин, 1952, кн. I, с. 86; Шейбаниада, 1849, с. 23]³³; б) иерархия крыльев — главенство правого крыла³⁴ [Рашид ад-Дин, 1952, кн. I, с. 86]; в) царствование двух в принципе равноправных ханов-братьев в каждой части государства [Кононов, 1958, с. 40]; г) закрепление престола навечно за предводителем правого крыла [Рашид ад-Дин, 1952, кн. I, с. 86]; д) порядок престолонаследия [Шейбаниада, 1849; и др.]; е) Огуз-каган считался древним повелителем всех тюркских народов, и В. В. Радлов справедливо отметил: «То обстоятельство, что Рашид ад-Дин встретил сказание об Огуз-хане... и на западе у туркмен, и на востоке у уйгуров, указывает на то, что... у всех тюрков в XIII в. сохранилось еще воспоминание о большом тюркском государстве, которому было подчинено большинство тюркских племен» [Радлов, 1893, с. 20]³⁵.

Знания о принципах отношений между правителями, между ханами и их подданными можно получить и из региональных фольклорных источников, например алтайских. Здесь говорится о соправительстве, прерогативах и функциях хана, критериях и порядке определения «вассальных» кочевых владений (см. [Трепавлов, 1989]).

Следовательно, из эпических произведений, распространявшихся главным образом в устной передаче, устроители кочевых империй могли узнать об основных чертах государственного строя предыдущих царств (вернее, абстрактного, элизированного образа этих царств)³⁶. Однако сказания о героях-первopедках содержали не только их поэтические жизнеописания, но и политический императив, который служил основой регулирования социально-политических отношений в кочевом обществе. Речь идет о явлениях, объединяемых термином «төрү»

Традиционные правовые нормы

Буквальное значение төрү³⁷ — «закон», «обычай», «правило». Так его трактуют средневековые и современные словари [Будагов, 1869, с. 389; Древнетюркский словарь, 1969, с. 581; Наджип, 1979, с. 86; Радлов, 1905, стб. 1250—1251, 1254—1255; Clauson, 1972, с. 531, 532; Codex Cumanicus, 1981, с. 77, 288; Divanü, 1941, с. 221; Grønbech, 1942, с. 251] и авторы исследований и публикаций [Бартольд, 1968^a, с. 39; Бернштам, 1946, с. 102; Козин, 1941, с. 605; Кононов, 1949, с. 49; Малов, 1951, с. 433; 1959, с. 104; и др.]. Однако данное понятие употребляется в источниках в более широком смысле. Есть по крайней мере три толкования его семантики: 1) нормы обычного права, совокупность неписаных регламентаций в различных областях социальной и бытовой жизни кочевников [Агаджанов, 1969, с. 112; Гордлевский, 1960, с. 85; История Казахской ССР, 1979, с. 88; Golden, 1982, с. 106]; 2) обозначение ханской власти, управления государством [Бернштам, 1946, с. 137, 138; Материалы, 1984, с. 413, 414; Мелиоранский, 1899, с. 83; Радлов, Мелиоранский, 1897, с. 16; Giraud, 1960, с. 71]³⁸; 3) «объединенная законом народная масса» [Бартольд, 1968^a, с. 39]³⁹.

Слово «төрү» многократно встречается в рунических надписях на памятниках Кюль-тегина и Бильге-кагана. Замена этого термина словами «обычное право», «обычай» чаще всего обесмысливает текст. Предлагаемые же С. Е. Маловым, П. М. Мелиоранским и В. В. Радловым переводы төрү как «законная власть», «правительственная власть» и аналогичная трактовка его семантики Дж. Клосоном представляются наиболее адекватными. Но информация о том, что конкретно понималось под этой властью, чрезвычайно скудна и может быть почерпнута из эпитафии Кюль-тегину. Там описываются восстание Кутлуга (Эльтерес-кагана) против Тан в 680 г. и восстановление

Восточно-тюркского каганата. Эльтерес «народ... упразднивший [свой] тюркские установления (türk törüsü)... привел в порядок и наставил по установлениям моих (т. е. Бильге-кагана.— В. Т.) предков, тогда же он дал устройство народам тölis и тардуш и назначил тогда ябгу и шада» (цит. по [Малов, 1951, с. 38]). Буквальный же перевод интересующей нас фразы «народ тölis и тардуш там [же] устроил» (tölis tarduş budunı anta ätmis) [Малов, 1951, с. 30]. «Там же» — т. е. в процессе создания порядка по törü. Стало быть, данный порядок включал разделение государства и соответственно населения на правое (тардуш) и левое (тölis) крылья, назначение над ними командиров, наместников. Причем указывается, что такой порядок существовал еще у предков Эльтереса — вероятно, в первом каганате Ашина (552—630). Действительно, первые каганы «поддерживали и обустраивали эль (державу.— В. Т.) и törü» [Малов, 1951, с. 28]. Из эпиграфии следует, что «Кюль-тегин, много потрудясь и приобретя [для нас] столь большую власть (bunça tögüg qazıapır), скончался» [Малов, 1951, с. 40]. Слова «столь большую власть» поясняются в предыдущей строке: «Там, где верные племенные союзы и верные каганы, я творил по четырем углам (т. е. сторонам света.— В. Т.); народы все я принудил к миру и сделал их не враждебными [себе], все они мне подчинились» [Малов, 1951, с. 40]. Здесь törü — подчинение народов «четырех углов», приведение их в подданство.

В обоих фрагментах törü предстает как осуществление каганом своих функций, как сфера компетенции монарха. Это подтверждает и поэма «Кутадгу билиг», где «правила управления государством»⁴⁰ включают только обязанности правителя (щедрое вознаграждение войска, священная война с неверными, создание надежных и прочных законов, обеспечение безопасности торговли) (см. [Юсуф Хас-Хаджиб, 1983, с. 409—414]). Конечно, ценностные ориентации, представления о благе эля у тюркских кочевых государей VIII в. и у жителя Караханидской империи XI в. были различны; Юсуф Баласагунский излагал концепцию управления, идеальную с точки зрения зажиточного горожанина. Но важно отметить, что осуществление норм törü и через триста лет после падения древнетюркских каганатов продолжало трактоваться как царская prerogative.

Вопрос об авторстве этого института не может ставиться, если подразумевать под törü обычно-правовые нормы в целом. Но в источниках можно встретить легендарные сведения о хане, впервые использовавшем эти законы для организации подвластных владений. Выше говорилось о порядках, завещанных Огуз-каганом сыновьям. Хроника Языджиоглу Али (XV в.) называет эти порядки «тюре»: «Он (Огуз-каган.— В. Т.) сказал: „Поскольку ханом после меня станет Кайы (старший сын.— В. Т.), пусть его объявят бейлербеем правого крыла. В соответствии с тюре левое крыло тоже должно возглавляться бей-

лербеєм. Пусть им будет Байындыр» [Houtsma, 1891, с. 204]. Далее объявлялась очередность рассадки при трапезе по старшинству крыльев и их лидеров. «Звания и посты беев пусть распределяются между родами, пусть они раздаются всем из этих родов (т. е. кайы и байындыр.— В. Т.), а оставшимися постами пусть другие пользуются» [Houtsma, 1891, с. 205]. Таким образом, тюрү предусматривало: а) распределение племен по крыльям; б) иерархию крыльев; в) введение соправительства (хотя левое крыло и «младше», его предводитель носит титул бейлербея, как и глава правого крыла); г) жесткий порядок замещения командных постов (хан — только из рода кайы, бейлербей левого крыла — из байындыров, прочие должности в первую очередь давались представителям этих двух огузских подразделений).

Среднеазиатский источник XVI в. «Шейбани-наме» называет основателем тюрү (тура; в переводе И. Н. Березина — «образ обычая и царствования») Тюрка, жившего в течение 240 лет «в Дештской стране и в северных странах»; его современником был легендарный шах Каюмарс [Шейбаниада, 1849, с. 19]. Охват территории, продолжительность правления и синхронность домусульманскому Ирану, указанные в данном памятнике, позволяют представить Тюрка в качестве собирательного образа древнетюркских владетелей, чьи каганаты просуществовали около 200 лет в евразийских степях. Поскольку понятие «тюрү» было орхонским тюркам хорошо известно, а данных о более раннем его употреблении в рассматриваемом контексте нет, то, видимо, следует отнести формирование принципов управления кочевой империей в соответствии с тюрү к VI—VIII вв.⁴¹

Кроме сформулированных выше норм, устанавливаемых тюрү, историки замечали и другие сферы его применения: порядок наследования имущества, статуса и титула, церемониал интронизации, организация удельной системы [Агаджанов, 1969, с. 113; Togan, 1946, с. 106—109].

Тюрү было известно и средневековым монголам. В «Тайной истории монголов» под этим термином имеется в виду свод правил внутривулусных и межвулусных отношений (торе), что позволило С. А. Козину назвать его «Монгольской Правдой», употребив термин («правда»), обозначающий европейское раннесредневековое законодательство. Монгольское торе регулировало взаимоотношения глав улусов, ханов и подданных, иерархические степени старшинства и ритуал введения в почетные должности [Козин, 1941, с. 162, 166, 257 и др.]. Термином «торе» обозначали также государственную власть и систему связанных с ней учреждений⁴².

При анализе монгольской государственности и средневекового права неизбежно приходится столкнуться с ясой — законодательством Чингисхана. Однако, судя по изложению ее предписаний в мусульманских, китайских и армянских источниках, она в основном палагала бытовые ограничения и предусматри-

вала наказания за преступления⁴³. Управлению посвящено лишь несколько пунктов, которые предусматривают: повиновение посланцам каана любого провинившегося, какой бы пост он ни занимал; обязанность удельных правителей для решения спорных вопросов обращаться только к верховному хану; устройство ямской службы; разделение армии по десятичному принципу; налогообложение и тарханные иммунитеты; наследование домена младшим сыном [Березин, 1864, с. 404—413; Гинс, 1932, с. 12—14; Гурлянд, 1904, с. 61—66; История монголов, 1834, с. 21, 157; История монголов, 1871, с. 4; Попов, 1906, с. 152; Рашид ад-Дин, 1952, кн. 1, с. 102, 106; Рязановский, 1931, с. 122—124; Тизенгаузен, 1941, с. 83; Хатиби, 1985, с. 92; Ayalon, 1971; Ch'en, 1979, с. 6, 7; Tabakat-i-Nasiri, 1881, с. 1107, 1108; Vernadsky, 1938, с. 344—359; и др.]. Значит, все остальные аспекты административного «законодательства» оставались вне ясы и могут быть отнесены к сфере *törü*, к которой они принадлежали еще за сотни лет до складывания Монгольской империи⁴⁴. Повторим эти аспекты: а) система крыльев; б) порядок выдвижения и провозглашения кандидатов на высшие управленческие и командные должности (включая хана); в) соправительство; г) завоевание и покорение окрестных народов («четыре угла»); д) распределение доходов и трофеев (см. [Козин, 1941, с. 162]). Система *törü*, вероятно, не ограничивалась этими установками, но в той части, что касалась вопросов функционирования государственной власти, она сводилась к этим основополагающим моментам.

Для ознакомления с ней уже не обязательно было штудировать старые тексты, забытые письма. Освященная, созданная и подкреплённая многовековым опытом кочевых правительств, даже будучи облаченной в форму фольклорных повествований, эта система воспринималась не только как пример для подражания древним ханам-богатырям, но и как непреложный закон, завещанный предками. Поэтому уже к XI в. устойчивость и долговечность *törü* вошла у тюрков в поговорку: «Исчезает государство, [но] сохраняется *törü*» («El qalır töri qalmas») ⁴⁵.

Государственная практика

Государственная практика представляет собой еще один способ сохранения политических, административных институтов прошлых эпох. Государства, возникавшие в степях на протяжении полутора тысячелетий новой эры, развивали и закрепляли унаследованные от предшественников элементы внутреннего устройства. Процесс наследования мог идти в двух направлениях. Первое — это приспособление наследуемых элементов к оригинальной административной системе. Подобное происходило тогда, когда политический приоритет приобретался этносом, не родственным и в прошлом независимым от этноса, господ-

ствовавшего в распавшемся накануне государстве. Так случилось в государственности хунну, жужаней, киданей, монголов, отчасти енисейских кыргызов. Второе направление — это простое восстановление структуры распавшегося государства с постепенным ее развитием уже в недрах нового образования, что производилось этносом, непосредственно разгромившим государство и занявшим господствующее положение на его бывшей территории. Так случилось в государственности тюркок-туцзюэ, уйгуров, отчасти сяньбийцев Таныщихая. То есть одна держава сменяла другую, зачастую разгромив ее и разрушив ее государственный организм. Кроме того, для истории кочевых империй характерна этнолингвистическая неоднородность: сначала в степях к востоку от Алтая безраздельно царили тюркоязычные (по нашему мнению) хунну, затем монголоязычные сяньби и жужане, которые, в свою очередь, уступили место тюркоязычным туцзюэ, теле и кыргызам. В X в. с востока хлынули потомки сяньби — кидани и монголы. Все это затрудняло и замедляло общее развитие политического строя кочевников. В случае простого восстановления параметров государственности побежденного народа это развитие было нулевым.

В начале XIII в. в восточной части степного пояса существовало несколько объединений кочевых и полукочевых народов — кара-китаев (туркестанских киданей), карлуков, уйгуров, енисейских кыргызов, монголов, найманов, керейтов и меркитов. Три последних улуса были полностью разгромлены Темучином в ходе межплеменной борьбы, киданьское Си Ляо рухнуло под ударами хорезмшаха и беженцев-найманов. Мирные отношения Чингисхан установил с карлуками, кыргызами и уйгурами. Здесь имело место не наследование их опыта управления монгольским правительством, не государственная традиция, а заимствование (неважно, органическое или механическое). Непосредственное влияние на Монгольскую империю со стороны включенных в нее народов (особенно уйгуров, киданей, чжурчженей и китайцев) требует особого исследования. Нас они интересуют лишь как носители информации о прежних державах.

И все же практика государственной жизни была полноценным каналом распространения традиций. Какими бы новаторскими или ортодоксальными ни являлись принципы управления, они в конце концов находили отражение в других средствах трансляции государственной традиции — письменной историографии, произведениях фольклора и в указаниях тюрү.

Таким образом, в начале XIII в. правительство монгольского государства столкнулось с чрезвычайно неблагоприятными факторами: 1) управленческая структура, унаследованная от ханской орды военно-демократической эпохи, не обеспечивала функционирования государственного аппарата на всей территории будущей огромной империи; 2) пережитки имманентного кочевого сепаратизма угрожали судьбе молодой державы. Эта угроза проявилась в заговорах и бунтах нойонов, возглавляв-

ших ара́тов-соплеменников. Бунтарские настроения охватывали не только подчиненные племена, но и собственно монголов; 3) над Монголией нависала опасность чжурчжэньской экспансии. Монгольскому правительству требовалась отработанная для кочевого государства система управления. Такая система уже была создана хуннами, древними тюрками и уйгурами, киданями, а к XIII в. она существовала в форме государственных традиций.

Их развивали и по мере надобности модифицировали правители раннесредневековых государств.

Значение устного народного творчества, сохранявшего историческую информацию при отсутствии письменности, было неопределимым; даже цивилизованные уйгуры — обладатели собственного алфавита — помнили предания степной истории. Сюжеты эпосов стихийно изменялись, и, следовательно, традиция в своей фольклорной ипостаси тоже модифицировалась.

Сохранению и передаче принципов организации кочевого административного устройства способствовал свод неписаных законов *төрү*, который применялся как в «чистом» виде (узаконения и нормы поведения), так и бытовал в составе эпических сказаний. Соответственно с развитием эпоса и исторической основы его сюжетов — общественно-политической жизни — подвергалось изменениям и *төрү*.

О древних державах, существовавших до XIII в., рассказывали китайские летописи, орхонские письмена и, возможно, уйгурские сочинения. В письменных источниках царства хунну, туцзюэ и т. д. представляли в неизменном, как бы законсервированном виде, так как сведения о них были вырваны из практической (государственная жизнь) и мыслительной (фольклор, нормы *төрү*) сфер деятельности⁴⁶.

Чингисхану и его окружению понадобились дополнительные воинские силы для противостояния чжурчжэням, ведения войн, удержания в повиновении монгольских поюнов. Более других подходили для выполнения этих задач тюркские народы Южной Сибири и Восточного Туркестана. Их подчинение было реально осуществимо под видом возрождения каганата, подобного тому, в котором жили их предки. Выше приводились доводы в пользу того, что монголам были известны сведения о своих предшественниках — создателях империй. Не стоит по примеру Л. Квантена преувеличивать информированность первых самодержцев Еке Монгол улуса — вплоть до приписывания им комплекса мероприятий для сохранения своей власти во избежание трагической судьбы хуннской и древнетюркской монархий [Kwanlen, 1979, с. 5, 230]⁴⁷. Но в то же время осознание своей преемственности от них было присуще преобладающим властям новой общекочевой империи. Недаром после воцарения Чингисхана в китайских документах имя монгольского народа стало передаваться иероглифами «получить древнее» или «возвратить старое» [Васильев, 1857; с. 159—161; 1889, с. 6]. Скорее всего.

здесь не было намека на восстановление киданьской Ляо, как считал В. П. Васильев (в гл. 1 настоящей работы уже говорилось о бессмысленности для Чингиса долговременного увлечения лозунгом реставрации царства Елюев). Но подбор иероглифов показателен: это — свидетельство осведомленности китайских писателей — современников воцарения Чингисхана об ориентации кагана и его соратников на историческое прошлое, на традиции.

Таким образом, государственная традиция в Монгольской империи выполняла две функции — консолидации военных сил для завоеваний и создания механизма управления. В этих двух аспектах мы и будем дальше рассматривать Еке Монгол улус.

ТРАДИЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ МОНГОЛЬСКОЙ ДЕРЖАВЫ

Выше мы выяснили, что для осуществления завоевательных планов феодализирующейся монгольской знати, пресечения ее сепаратизма, удержания в узде зависимого населения правительствам нового государства требовались социальные и административные институты, которые могли быть переняты от предшествовавших кочевых империй. Однако монголы, только начав свою государственную жизнь, не владели достаточными навыками в применении этого опыта. Необходимо было найти тех, кто мог бы помочь построить полноценное государство. Поэтому окружение Чингисхана искало советников, в том числе среди представителей тюркских народов, расселившихся по территории Южной Сибири, Средней Азии, Казахстана и Восточной Европы⁴⁸. Кроме того, монгольское правительство привлекало людские и материальные ресурсы названных регионов как основу успешного ведения войн, прежде всего с Китаем.

ТРАДИЦИЯ «ОБЪЕДИНЕНИЯ» КОЧЕВНИКОВ

Выдвижение программы «объединения»

Объединение большей части народов евразийских степей в политический союз (позднее в государство) происходило неоднократно. Сложившаяся задолго до основания Монгольской империи культурная общность помадов служила материальной основой легкой и быстрой консолидации. Вероятно, можно говорить даже о непрерывном существовании тенденции к объединению, зародившейся еще в скифскую эпоху [Ельницкий, 1977, с. 6]. Именно материальный критерий называл хуннский шаньюй, говоря в 176 г. до н. э. ханьскому императору: «Итак, все народы, натягивающие лук, оказались объединенными [нами] (хуннами.— В. Т.) в одну семью» [Материалы, 1968, с. 43]. Конечно, не только сходство жизненного уклада и основ экономики концентрировало население тысячемильных пространств вокруг центральной ставки. Не менее важную роль играли и духовные критерии: языковые, культурные, генеалогические связи, веротерпимость и т. д. [Савинов, 1984⁴⁹, с. 34; Esedy, 1973, с. 254]. Позже, в X в., монарху Ляо удалось мирным путем подчинить племена хи, убедив их в том, что они имеют общие

с киданиями происхождение, язык и обряды [Викторова, 1980, с. 142].

В начале XIII в. тенденция к объединению кочевых племен продолжала существовать. Пайманский Даян-хан, узнав о возвышении Темучина, заявил: «Я слышал, что некто на востоке намеревается объявить себя императором... На небе нет двух солнц, может ли народ иметь двух государей?!» [Иакинф, 1829, с. 31; ср.: Рашид ад-Дин, 1952, кн. 2, с. 146]. То есть он считал себя государем всех кочевников безотносительно к их этнолингвистическим характеристикам. И монголы, и тюркоязычные найманы, и, вероятно, остальные кочевые обитатели Центральной Азии считались одним «народом», у которого должен быть один хан. Значит, в предимперские времена здесь бытовала концепция объединения, подобная хуннской, возникшая в условиях культурной общности кочевников и продиктованная необходимостью совместной защиты родовых стойбищ.

Действительно, Чингисхан стремился «направить на путь истинный всеязычное государство» (*kur ulus*) [Козин, 1941, с. 168], а его воцарение изображено в «Тайной истории монголов» как объединение народов, «живущих за войлочными стенами» [Козин, 1941, с. 168], т. е. всех кочевников. Идея консолидации всех кочевников вокруг каганского девятиконечного знамени стала известна в соседних странах и отразилась, в частности, в тибетских сочинениях: «Хорский Чингис делается Согским царем» («хоры» — монголы, «сог» — тибетское название кочевников вообще) [Васильев, 1889, с. 375].

Можно заключить, что будущая империя предполагалась как совокупность разноэтнических общностей. Чтобы создать такую империю, необходима была широкая объединительная кампания под флагом тюрко-монгольского «единства». В качестве первого шага к этому было предпринято следующее.

Приняв монарший сан, Чингисхан нарек свой народ «кёке монгол» («синие монголы») [Sagan Sechen, 1964, с. 48]. В эпитете «синие» исследователи видят то представление о господствующем положении по отношению к другим народам [Шаратуджи, 1957, с. 179; Howorth, Б. г., с. 6], то указание на упорство и твердость [Kotwitz, 1949, с. 173], то знак небесного покровительства [Martin, 1950, с. 96]. Однако семантика термина «кёке» (совр. «хөх») шире простого цветообозначения. А. П. Копопов и О. Прицак доказали, что в алтайских языках понятие «синий» синонимично понятию «восточный» [Копопов, 1978, с. 173; Pritsak, 1955, с. 260]⁵⁰. До XIII в. такой термин использовался в тюркских каганатах VI–VIII вв. для обозначения восточных тюрков. Но последние были восточными (или, что то же самое, «синими», «кёк») по отношению к населению Западного каганата. Чингисхан же объединил все монгольские племена, все они стали «кёке». Если трактовать это понятие как «восточные», то можно предположить наличие и западных подданных. В степях к западу от монгольских кочевий проживали

тюркоязычные народы, и получается, что именно их земля расценивалась в качестве второй части будущей державы.

Возникает вопрос: какие же народы могли восприниматься как носители старой степной государственности? Очевидно, те, которые в свое время на развалинах тюркских каганатов или одновременно с древними тюрками образовали свои государства. Это кыргызы, уйгуры, карлуки и кимаки. Не только исторический опыт этих народов, но и их военная сила представляла ценность для монгольского правительства. Поэтому следует учесть резонное замечание О. Латтимора: конные полчища тюрок, прекрасно знакомые с методами ведения сражений в степи, зачастую представляли собой более серьезного противника для монголов, чем ополчения оседлых государств [Lattimore, 1963, с. 7]. Именно сибирские и восточнотуркестанские народы должны были стать первыми подданными Чингисхана вне Монголии, на присоединенных территориях, обеспечить снабжение и пополнение армии и казны, предоставить опытные кадры для управления империей.

Ход «объединительной» кампании

В поход по этим территориям каган решил отправить правое крыло всемонгольской армии под командованием старшего сына, Джучи. В 1207 г. войско со среднего течения Онона отправилось на северо-запад, в сторону Байкала, прошло без потерь страну Баргуджин-Токум, населенную предками бурят, и подошло к верховьям Енисея, где начинались владения кыргызов.

Тува и Хакасия. Среди причин, которые заставили монголов отправиться в поход, последователи называли нужду монголов в металле и хлебе [Бартольд, 1963^a, с. 505; Кызласов, 1984, с. 91; Сунчугашев, 1979, с. 147], необходимость обеспечить безопасный тыл с севера [Владимирцов, 1922, с. 85; Гумилев, 1970, с. 176], продолжение объединения монгольских племен [Grousset, 1983, с. 212] (хотя за Саянами уже не было монголов), преследование врагов — найманов и меркитов [Бартольд 1963^a, с. 621], пробу сил перед более крупными завоеваниями [Майский, 1962, с. 76]; расширение международных связей правительства Еке Монгол улуса [Хүүхэнбаатар, 1964, с. 15]. Некоторые из этих доводов заслуживают внимания, но ни один из них не объясняет, почему обширный тувинско-минусинский регион подчинился без единого выстрела. Джучи был встречен кыргызской знатью, которая преподнесла ему символические дары и присягнула на верность⁵¹. Рудники и пашни кыргызов оказались в руках монгольских ханов.

Чтобы обеспечить приток железа и пшеницы в Монголию, требовалась определенная тактика в отношениях со здешними жителями, которым приходилось вооружать и кормить армии

завоевателей во время похода Чингисхана на Цзинь и последующих войн. Отсюда стремление сохранить по возможности мирные контакты с кыргызами. Чтобы закрепить за собой ресурсы Тувы и Хакасии, монголы могли присоединить этот регион непосредственно к своему государству. Что, как мы сейчас увидим, и произошло.

По древней традиции, младший сын хана от главной жены после смерти отца не участвовал в разделе завоеванных земель, а наследовал лишь отцовские родовые кочевья, домен (Коренной юрт). Поэтому естественно, что Чингисхан распределил то, что успел завоевать, между тремя старшими сыновьями, а Монголию оставил младшему — Толую. В его удел вошла и Южная Сибирь, значит, эта территория завоеванной не считалась. Как и места обитания керейтов, татар, джалаириров, она относилась к домену. К. И. Петров объясняет это тем, что кыргызы были завоеваны до раздачи улусов [Петров, 1963, с. 94]. Но его аргумент в данном случае несостоятелен: в Прииртышье Джучи приходил в том же, 1207 г., когда произошло присоединение Тувы и Хакасии, но Прииртышье так и осталось в его улусе, тогда как Южная Сибирь из улуса старшего сына Чингисхана перешла к Толуидам. Вдова Толуя передала Туву снова младшему сыну, Ариг-буге [Рашид ад-Дин, 1960, с. 201].

В юаньский период этот регион продолжал соединяться с Коренным юртом. Провинция Линбэй объединяла «Каракорум (первая столица империи.— В. Т.), Онон, Керулен, Кэм-Кэмджиут (Тува.— В. Т.), Селенгу, Баялык—до границ земель кыргызов и великий заповедник (т. е. усыпальницу Чингисхана.— В. Т.)» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 206, 207]. Здесь продолжали править местные беки, царевич Чингисид являлся лишь держателем удела. На первый взгляд такое положение аналогично игу на Руси: в городах сидели свои князья, в первые десятилетия существования Золотой Орды дань отправлялась не только в Сарай, но и в главную монгольскую ставку. И все же Русь оставалась лишь источником этой дани, объектом регулярных набегов и грабежа. В отношении же Саяно-Алтая велась совершенно другая политика.

Так, в хронике «Юань ши» среди перечня мер материальной помощи обедневшим монгольским племенам встречаются любопытные сведения. «1 сентября 1321 г. ...Ввиду бедности воинов послан чжи-чуми-юань-ши⁵² Тэмүэр Бухуа навести порядок... Пожалованы сиротам и вдовам северных племен зерно и бумажные деньги... Бедным семьям из племен у-эр-су (ура-сут.— В. Т.) и хань-хана-сы (хабханас.— В. Т.) и других выдано по две кобылицы» [Мункуев, 1970⁶, с. 397]. «17 июня 1294 г. ...По причине бедности командиров и солдат, подчиненных Е-су-дай-эр, выдано десять тысяч дин бумажных денег» [Мункуев, 1970⁶, с. 391]. Этот Е-су-дай-эр (Есудэр) был тысячником из племени салджиут [Мункуев, 1970⁶, с. 440]; а так как воины «тысяч» и их командиры обычно были соплеменниками,

то ясно, что монголы-салджиуты, перекочевавшие в Туву [Владимирцов, 1934, с. 107; Гребнев, 1960, с. 160], оказались в тяжелом положении. Следовательно, монголы в Южной Сибири хотя и были завоевателями, но вместе с коренным населением — племенами урасутов и хабханасов — бедствовали и нуждались в помощи, каковая и была тем и другим предоставлена правительством, озабоченным экономическим ослаблением источника пополнения армии.

Разумеется, случались на Енисее и бурные восстания, и карательные походы, но перечисленные факты позволяют заключить, что Южная Сибирь была не просто завоевана Чингисханом, а формально считалась «присоединенной» к его владениям в процессе «объединения народов, живущих за войлочными стенами».

Алтай. Далее к западу на пути Джучи лежали Алтайские горы. Их завоевание традиционно объясняется богатством недр. Алтай был одним из центров железорудного производства с давних времен. В XIII в. там обитали телесы и теленгуты — кочевые скотоводы и охотники, которых многие авторы считают прямыми потомками древних тюрков⁵³. Алтайцы, как и кыргызы, подчинились монголам без сопротивления⁵⁴. А ведь в конце XII в. найманское ханство охватило их владения с трех сторон, но покорить не смогло⁵⁵. Значит, дело не в слабости или боязни телесов перед пришельцами. Здесь уместно вспомнить, что племена Алтайской горной страны составили ядро первого Тюркского каганата. Именно алтайские тюрки-туцзюэ в 40—50-х годах VI в. вышли из горных долин и степных предгорий и, разгромив жужаней, положили начало державе Ашина. Именно эта местность считалась личными, заповедными землями, священной прародиной восточнотюркских каганов в VI—VII вв. Если принять выдвигаемую в этой книге идею государственных традиций (в том числе древнетюркских) в Монгольской империи, то следовало бы ожидать от монгольского правительства демонстративной оккупации Алтая как законного домена «тюрко-монгольского» кагана. Ничего необычного в этом нет. В истории тюрков-туцзюэ имеется прецедент.

Как известно, каганский род Ашина велся от хуннов, а исконной хуннской территорией считался Ордос [Бичурин, 1950, т. 1, с. 44, 45, 48, 220; Материалы, 1968, с. 127]. Поэтому китайские летописи называли его «родиной туцзюэ», «древней страной туцзюэ» [Грач, Потапов, 1964, с. 69]. Алтайские тюрки, разбив жужаней, сразу заняли Ордос, подчеркивая тем самым преемственность своего каганата от государства шаньюев. В Ордосе было постоянное местопребывание Мухана — фактического создателя тюркской кочевой империи, там же находятся могилы первых каганов [Liu Mau-tsai, 1958, с. 119, 153, 204]. Однако доменом оставался Алтай.

Аналогичным образом поступили в XIII в. и монголы. Доменом «золотого рода» оставалась Монголия, но одной из пер-

воначальных внешних акций было присоединение к империи домена предшествующей державы, объединявшей всех кочевников, т. е. Тюркского каганата. В таком случае невозможно допустить мысли, чтобы Алтай воспринимался монголами как чуждые, завоеванные земли. И в самом деле, он имел в империи статус «фули», т. е. «внутренней территории» [Далай, 1975, с. 200]⁵⁶. Дальнейшая судьба телесских кочевий демонстрирует их особый статус в Монгольской империи.

Если царевицы Джучи и Чагатай получили от отца громадные уделы с обширными пастбищами, богатыми городами, оживленной торговлей, а Толуй, как мы уже говорили, унаследовал родные монгольские степи, то наследнику престола Угедэю Чингисхан выделил сравнительно небольшой и бедный алтайский регион⁵⁷. А ведь Угедэй как сын от главной ханши мог бы рассчитывать на большую долю. Полагаю, что отдача Алтая в управление будущему каану может трактоваться как символическая демонстрация восприятия Чингисханом древнетюркского наследия. Ведь и «у тюрков был закон предоставлять Золотую гору (т. е. Алтай.—В. Т.) в распоряжение главного кагана» [Феофилакт Симокатта, 1957, с. 161]. Как только Угедэй вступил в 1229 г. на престол, его удел автоматически вошел в Коренной юрт [Kałużyński, 1970, с. 154; Ta'rikh, 1912, с. 31], где и превратился в «фули», домен⁵⁸. После этого на Алтай распространился прямой сюзеренитет центрального правительства, которое рассматривало эту территорию в качестве пограничной области [Кычанов, 1963, с. 62; Рашид ад-Дин, 1960, с. 162; Hsiao Ch'i-ch'ing, 1978, с. 58].

Итак, в 1208 г. Джучи присоединил второй (после Хакасии) исторический очаг центральноазиатской государственности.

Приртышье. За Алтаем лежала иртышская лесостепь (Восточный Казахстан, юг Западной Сибири) — бывшее местопребывание последнего по времени государства, сложившегося непосредственно после распада древнетюркской державы — Кимаковского каганата. Утратив ведущее положение в XI в., кимакки попали в подчинение к кыпчакам, но не растворились в их среде. Имеются сведения источников о событиях XII—XIII вв., где неоднократно фигурирует племя йемеков (имаков, яньмо, т. е. собственно кимаков) [Агаджанов, 1969, с. 162; Ахинжанов, 1970, с. 49; 1976, с. 88, 89; История Казахской ССР, 1979, с. 53; Насави, 1973, с. 87; Tabakat-i-Nasiri, 1881, с. 1172]. Именно племя йемеков являлось основным в кимаковском государстве [Кумеков, 1972, с. 39—41]. После развала каганата одна часть йемеков откочевала с кыпчаками на запад и с тех пор фигурировала в источниках как одно из кыпчакских племен, другая же продолжала жить на Иртыше [Кумеков, 1972, с. 128—129].

Территория бывшей страны кимаков, их каганского домена (будущего домена Джучи) тоже была бескровно включена в состав Монгольской империи. Ни один источник не сообщает о боях с йемеками. Но население Верхнего и Среднего При-

пртышья все же было составной частью этнокультурной общности племен Дешт-и Кыпчака, которые (особенно южные кыпчаки) были тесно связаны с Хорезмом. Поэтому смена йемеками политической ориентации могла послужить одной из причин карательного похода хорезмшаха Мухаммеда на север в 1218 г.⁵⁹

Поставленные перед Джучи задачи были успешно реализованы. В результате его рейда в Еке Монгол улус вошли земли некоторых кочевых и полукочевых государств (кыргызов, кимаков и др.), располагавшихся ранее на этой территории, а также домен каганов Ашина — Алтай.

Восточный Туркестан. Следующим объектом монгольской внешней политики стали восточнотуркестанские тюрки, прежде всего уйгуры Турфанского княжества, в прошлом — создатели собственного каганата, посетители древнетюркских государственных традиций. С племенами монгольской степи, в частности с татарами, они имели связи с раннего средневековья [Кляшторный, 1964, с. 42]. В XII—XIII вв. уйгурская культура продолжала влиять на обитателей Центральной Азии: найманы пользовались уйгурской письменностью, чиновник Даян-хана, уйгур Тата-туна, был хранителем золотой печати и «ведал деньгами и хлебом», т. е., видимо, налогами [Мункуев, 1970, с. 376]. Уйгуры держали в руках важнейшие караванные пути, накапливали значительные торговые капиталы, были искусными политиками. Поэтому понятие стремление окрестных владык подчинить Турфан. Монгольскую знать привлекали в уйгурах и близость их цивилизации к кочевникам, и то, что уйгуры сохраняли степные предания и обычаи, помнили о своем царстве на Орхоне и его столице Каракоруме — «городе Буку-хана»⁶⁰. Этот фактор представляется наиболее существенным, особенно если рассмотреть монголо-уйгурские отношения с учетом необходимости использования государственной традиции.

Лояльное отношение Чингисхана к уйгурам порой объясняется его показной щедростью и покровительством для привлечения в подданство других государей [Тихонов, 1966, с. 57—58]. Это резонный довод. Однако посмотрим, правителей каких стран могла привлечь такая политика. Бессмысленно было бы демонстрировать щедрость перед чжурчжэнями, которые ожидали скорого вторжения, справедливо предчувствуя ожесточенную схватку. Бесплезно было бы убеждать в милосердии тангутов, в чьи владения уже не однажды вторгались монгольские отряды. А могущественному хорезмшаху, который замыслил собственный поход на Китай, и подавно были безразличны щедрость или скупость Чингисхана. Вероятно, правительство Еке Монгол улуса стремилось заверить в своем миролюбии и справедливости лишь тюркских хапов, кочевое население западных степей.

Уйгуры тоже стремились извлечь выгоду из подчинения Чингисхану. Когда Елюй Даши⁶¹ со своими киданями обосновался

в Туркестане, местные владетели решили признать его сюзеренитет, предпочитая выплачивать легкую дань и тем самым избавиться от забот по охране своих границ, предоставив это кара-китаям. Даши избегал ссор с тюркскими правителями и предоставлял автономию «вассальным» государствам. Уйгурский князь (идикут) сразу признал себя подданным Даши и помог ему утвердиться на вновь завоеванных территориях [Тихонов, 1966, с. 56]. Зависимость турфанцев выражалась главным образом в том, что наместник гур-хана следил за своевременным отправлением дани и старался предотвратить создание антикиданьских союзов.

Однако в начале XIII в. ситуация изменилась. Найманский хан Кучлук захватил власть в государстве кара-китаев и принялся притеснять местное население. Его отряды разъезжали по стране, ни о какой автономии и безопасной торговле не могло быть и речи. Начались религиозные гонения на мусульман, к каковым принадлежала большая часть среднеазиатских тюрок. Понятно, что в этих условиях уйгурская верхушка постаралась найти сильного покровителя, который смог бы защитить ее от найманского произвола. «Чтобы избавиться от кара-китайского правления и замыслив восстание против Кучлука», идикут Барчук пошел на союз с Чингисханом [Ta'rikh, 1912, с. 57]. По тем же причинам обратились к монголам за помощью и карлукские ханы [Ta'rikh, 1912, с. 57].

Монголо-уйгурский союз был оформлен в 1211 г. на Керулене. Барчук преподнес кагану богатые дары и признал свою зависимость от него, Чингисхан обещал выдать за него свою дочь [Иакинф, 1829, с. 116; Козин, 1941, с. 174; Рашид ад-Дин, 1952, кн. 2, с. 153, 154; Ta'rikh, с. 32, 33].

Одновременно признали главенство Чингисхана над собой и карлуки Алмалыкского княжества под предводительством Бузара. Также порвав с гур-ханом, он прибыл в Монголию и получил в жены Чингисидку [Ta'rikh, 1912, с. 57, 58]. В 1211 г. и карлукский Арслан-хан отказался от службы кара-китаям, найманам и признал себя подданным Чингисхана, который женил его на девушке из своего рода [Козин, 1941, с. 174]. Присягнули на верность и ферганские карлуки Кадар-мелика [Кадырбаев, 1977, с. 88]. Заклячая «союзы мира и родства», династические браки, Чингисхан, таким образом, установил тесные связи с лидерами западных тюркских ханств.

Вернувшись из Китая в 1217 г., Чингисхан решил завершить разгром найманов и меркитов, тем более что теперь он мог опереться на союзников. Узнав о приближении монгольской армии, население Кашгара и Алмалыка начало избивать воннов Кучлука, размещенных на постой. В Восточном Туркестане и Семиречье монголы не грабили мирных жителей, на занятых территориях восстановили публичные богослужения в мечетях. Проезжая по селениям, они требовали лишь сведений о местонахождении гур-хана. Неудивительно, что их приход рас-

ценивался как «милость божия» [Бартольд, 1963, с. 470; Рашид ад-Дин, 1952, кн. 2, с. 183]. «Объединительная» политика оправдала себя: тюрки признали власть Чингисхана, все города покорились ему, в том числе и кара-китайская столица Кара-балгасун, прозванная монголами «Гобалыком» («хорошим городом») [Бартольд, 1963, с. 470]. Отряды туркестанских правителей присоединились к монгольской армии и отправились с ней на завоевание западных стран. Источники сообщают об участии в хорезмийской и позже тангутской войнах уйгурского Барчука, алмалыкского Согнак-тегина, карлукских Арслан-хана и Кадар-мелика [Кадырбаев, 1977, с. 88; 1982^a, с. 27; Рашид ад-Дин, 1952, кн. 1, с. 148; кн. 2, с. 153; Ta'rikh, 1912, с. 33, 58, 63].

Таким образом, выдвинутая перед началом завоеваний идея объединения кочевников в империю нашла сторонников не только в лагере завоевателей (что естественно), но и среди правителей некоторых тюркских народов⁶².

Дешт-и Кыпчак. Завершающим этапом завоевания тюркских народов должно было стать вторжение в Дешт-и Кыпчак, территория которого простиралась от Иртыша до Дуная. В начале XIII в. там расселялись 11 кыпчакских племен. Южными соседями тюрков Казахстана были государства Средней Азии, где правили арабские и тюркские династии, в том числе хорезмшахи-Ануштегиниды. Эти государства оказывали значительное идеологическое, а зачастую и политическое воздействие на степняков. В XII—XIII вв. земля кыпчаков к юго-востоку от Яика (р. Урал) находилась в сфере влияния соседнего мусульманского мира, хотя многие из них тогда отвергали ислам как неприемлемую для кочевников религию купцов и горожан. Те, для кого это неприятие могло вызвать конфликт с султанами, переселялись подальше от Хорезма [Ахинжанов, 1980, с. 51]. Главной внешнеполитической проблемой домонопольского Дешт-и Кыпчака были торговые и политические отношения с государями Ургенча. Северянам приходилось сдерживать хорезмийскую экспансию и защищать свою самостоятельность [История Казахской ССР, 1979, с. 66]. Стойки особенно участились с начала XI в., когда произошло усиление кыпчаков. Часть их поселилась по соседству с Хорезмом, образовала владения в Дженде и Сыгнаке. Некоторые ханы приобрели большое влияние в государстве и при шахском дворе, дружины кыпчакских лидеров превратились в военную опору Ануштегинидов [Бартольд, 1963, с. 442; Бунятов, 1986, с. 46]. Однако, оказавшись у кормила власти, тюрки, обосновавшиеся в Хорезме, повели войну с соплеменниками, отняли у них Дженд и Сыгнак и сделали их базой для дальнейшей агрессии [Ахинжанов, 1970, с. 49]. Ханы-воепачальники хорезмшахов Текеша и Мухаммеда стремились прибрать к рукам все родственные племена, раздувая неутихавшие раздоры в Деште. Впрочем, отношения между независимыми ханами и ургенчскими падишахами сводились

не только к непримиримой вражде. Традиционно гарем шахского дворца Кушк-и Ахджук пополнялся женами из кыпчакских родов баят и урани, из «аристократического» племени канглы. Сам хорезмшах Алла ад-Дин Мухаммед II причислял себя к тюркам [Буниятов, 1986, с. 85] и доверял своей канглы-кыпчакской гвардии больше, чем туземным чиновникам-таджикам. И все же кыпчакская конница полководцев-сепаратистов, все заметнее выходивших из подчинения центральной власти, не могла стать и не стала щитом султана для отражения Чингисова нашествия.

Что касается населения западного Дешт-и Кыпчака, то племена южнорусских степей (кыпчаки-половцы) находились под воздействием соседней древнерусской культуры [Бартольд, 1968 г., с. 551; Федоров-Давыдов, 1966, с. 201]. Кыпчаки же, обитавшие в глубине степи, более всего ценили свою независимость и не желали ни с кем вступать в «вассальные» отношения.

Чингисхан не стремился наладить дружественные связи с Дешт-и Кыпчаком. Его отряды взяли штурмом и разрушили старый кыпчакский торговый город Отрар. Хан Хулусумань хотел было подчиниться монголам, но те не пожелали этого и разграбили его улус [Кадырбаев, 1982, с. 134; Кычанов, 1963, с. 62—63].

Но монгольский лозунг «единства» продолжал действовать и в период вторжения Чингиса в Мавераннахр⁶³. Слух о милостивом отношении кагана к уйгурам и карлукам докатился, очевидно, и до шахских гвардейцев-кыпчаков. Поверив в идею «общности кочевников» и предпочитая сменить сюзерена и тем избежать гибели, они сдавали монголам среднеазиатские города и вскоре подвергались истреблению. Так произошло, например, в Самарканде с его 60-тысячным тюркским гарнизоном [Рашид ад-Дин, 1952, кн. 1, с. 206—208]⁶⁴. Таджикско-тюркские разногласия повлияли и на неудачный исход борьбы последнего хорезмшаха против завоевателей. Рассказав об оставлении союзниками Джелалъ ад-Дина, хронист заключает: «Государи этого дома [хорезмшахов] совершили ошибку, взяв на помощь тюрков против такого же племени из числа безбожников» [Насави, 1973, с. 126]. Конечно, пропаганда «единства» была направлена главным образом на привлечение на сторону монголов части знати Хорезмского царства — наместников, военачальников, предводителей кыпчакских племен. Именно знать выступала инициатором губительных «союзов» с завоевателями. Простой же народ повсеместно брался за оружие, не желая отдавать родину на разграбление «родственникам»-монголам.

Идея тюрко-монгольского «единства», как видим, в период монголо-хорезмийской войны уже потеряла свою актуальность и выдвигалась в качестве лицемерного лозунга для раскола вражеских сил — шахских войск. Но что интересно: в среде кыпчаков она находила отклик. Это ярко проявилось в ходе рейда

Чингисовых полководцев-темников Субедэя и Джебе по Северному Ирану, Закавказью, Северному Кавказу и южнорусским степям в 1222—1223 гг.

Когда войско Субедэя и Джебе вступило в Азербайджан, то некий тюрк Акуш, «собрав жителей этих (азербайджанских.— В. Т.) гор и степей, тюркмен, курдов и других», присоединился к монголам, которые были «расположены к нему вследствие сродства» [Тизенгаузен, 1884, с. 15]. Но в первом же бою с грузинами рать Акуша была назначена в авангард, и множество доверчивых «тюркмен» полегло. Оказавшись на Северном Кавказе, в Дагестане, монгольские тумены встретили объединившиеся против них войска половцев и алан. Темники обратились к кыпчакам: «Мы и вы один народ и из одного племени, алапы же нам чужие, мы заключим с вами договор, и вам нечего помогать им» [Тизенгаузен, 1884, с. 32—33]⁶⁵. Субедэй и Джебе разбили покинутых кыпчаками алан, а затем напали на своих «соплеменников» и дочиста их ограбили [Тизенгаузен, 1884, с. 33].

Кочевники воочию убедились в жестокости и коварстве военачальников Чингисхана. Неудивительно, что половцев Дикого поля охватила паника при появлении в южнорусских степях Субедэя и Джебе, которые в переговорах с Киевом уже не скрывали своих притязаний на «поганные половче» как на своих холопов и конюхов [Летопись 1856, с. 130; Новгородская..., 1950, с. 62; Патриаршая летопись, 1965, с. 90; Рогожский летописец, 1965, стб. 27; Тверской сборник, 1965, стб. 340]. Монгольские послы в 1223 г. говорили русским князьям: «Слышахом, яко (половцы.— В. Т.) и вам много зла створиша; того же дьяля и мы (их.— В. Т.) бием» [Новгородская..., 1950, с. 62]. Эти слова свидетельствует о том, что монгольское командование трактовало отношения с кыпчаками как акт возмездия. Но поскольку на Северном Кавказе непосредственно перед этим поведение кыпчаков не давало повода для отмщения, то повод для мести следует искать в более ранних событиях, а именно в периоде поддержки дештскими ханами античингисовской оппозиции (см. [Ахинжанов, 1970, с. 48; Кычанов, 1963, с. 62]).

После дагестанских событий разговор о монголо-кыпчакском «родстве» или «единстве» уже не заходил. Восточный Дешт-и Кыпчак был молниеносно оккупирован отрядами Джучи. В западной же части кыпчакских степей сопротивление монголам носило локальный характер, сводилось к отдельным стычкам с войсками Чингисидов⁶⁶. Раздробленные и враждующие между собой, местные племена не приобрели даже мнимого статуса «союзников» Чингисхана.

Видимо, достижение ими такого статуса было просто неосуществимо. Кыпчаки не были родственны монголам ни по происхождению, ни по языку. Косвенные свидетельства о родственных и свойственных связях некоторых племен Дешта с центральноазиатскими пришельцами (см. [Ахинжанов, 1986; Куме-

ков, 1986] в принципе не опровергают тезиса о превращении «объединительной» программы в инструмент прямого завоевания.

У кыпчакских и монгольских ханов не было и не могло быть общих внешнеполитических интересов, как это было в Восточном Туркестане, в отношениях монголов с уйгурами и карлуками. Выше указывалось на разноречивых ориентациях различных групп аристократии Дешт-и Кыпчака в начале XIII в.: одна ее часть тяготела к Хорезму, другая — к Руси, третья стремилась сохранить полную независимость.

Существовало и другое объективное препятствие для безболезненного включения кыпчаков в Монгольскую империю. Уйгуры, карлуки и кыргызы являлись носителями государственности, создателями собственных государственных образований. А именно на историческом этапе образования государства, т. е. социально ближе к ним, находились в начале XIII в. монголы, хотя их держава пока не имела таких разветвленных административного аппарата, податной системы, социальной градации населения, которые существовали в феодальных тюркских владениях. У кыпчаков же в то время формировались предгосударственные структуры с использованием сильных родо-племенных институтов. Но этим процессом не был охвачен весь Дешт. Лишь отдельные кыпчакские общности создали небольшие объединения: донские Кончакиды [Плетнева, 1958, с. 195—196, 225, 226; Федоров-Давыдов, 1966, с. 226, 227], западноказахстанская конфедерация ильбари [Ахинжанов, 1976, с. 88, 89], «государство первоначального типа» кашгылы [Кадырбаев, 1986, с. 70—74].

Общекыпчакское ханство так никогда и не сложилось. Ясно, что в этих условиях кыпчаки не представляли себе существования без своих родов и племен, а победа Чингисхана грозила им разрушением привычного социального механизма и разверткой по десятичным подразделениям, находящимся во власти монгольских темников. К тому же половцы справедливо опасались, что их родные просторы, вызвавшие восторг у Джучи (см. [Тизенгаузен, 1941, с. 14]), покажутся для алчных походов более приемлемым объектом прямого захвата, чем горная тайга Енисея и торговые города Уйгурии. Так и произошло: владения союзников Чингисхана — уйгурских, карлукских, кыргызских ханов и беков — сохранили определенную автономию, и преемники основателя империи в целом оставили за тюрками этот статус.

В отношениях же с половецкими номадами создатели Монгольского государства могли найти гораздо меньше точек соприкосновения, чем с другими тюркскими народами. В 30-х годах XIII в. Дешт-и Кыпчак был окончательно завоеван, местная аристократия была изгнана или истреблена.

Результаты «объединительной» политики. Ее периодизация

На определенной стадии программа «объединения» — покорения кочевников превратилась в лицемерный лозунг тюрко-монгольского «единства». Она перестала действовать при вступлении армии Чингисхана во владения хорезмшаха. Таким образом, начало хорезмской войны знаменует собой кардинальное изменение политики правителей Еке Монгол улуса по отношению к западным соседям. Косвенное подтверждение находим в источниках: «Татары, сделав воззвание по всем местам, где жили их племена, бросились на персов, победили их...» [История монголов, 1871, с. 5]. В этом тексте «персами» названы хорезмийцы, так как ниже рассказывается о походе Субедэя и Джебе, состоявшемся после завоевания Хорезма. Значит, «воззвание» появилось до 1219 г., т. е. в период «присоединения» к Монгольской империи народов Южной Сибири, уйгуров и карлуков (это и есть «их племена»). Следует отметить различие: если монголы к степным племенам «сделали воззвание», то на хорезмийцев они «бросились». Эту же разницу заметили китайские хронисты: карлуки «поддались» Чингису, Турфанское княжество «вступило в подданство монгольское», а «владение Киньча» (кыпчаков) было уничтожено после «великих грабежей» и народ его «вырублен» [Иакинф, 1829, с. 41, 126, 273—274].

Столь серьезная перемена курса требовала, вероятно, совещания всех монгольских предводителей. Действительно, в 1218 г. после победы над Кучлуком собрался курултай. На нем состоялось назначение новых темников, тысячников и сотников. В источнике это не детализируется, поэтому напомним, что в монгольских войсках назначение на командные должности состоялось за 12 лет до того. А теперь в армию вливались отряды тюркских князей, и десятичное деление распространялось на них. Были подтверждены принятые ранее законы и решено выступить в поход против хорезмшаха [Рашид ад-Дин, 1952, кн. 2, с. 197]. Видимо, именно здесь было выработано и оглашено новое направление политики — дальнейшее подчинение тюркских и прочих народов путем силы, прямого завоевания.

К чингисовским войскам, двинувшимся против Мухаммеда II, присоединились карлуки и уйгуры [Рашид ад-Дин, 1952, кн. 2, с. 198]. Произошел поворот от «союза» с тюрками к войне с туркменами и кыпчаками Хорезма и Дешта. С 1218 г. войска покоренных народов Восточного Туркестана были привлечены к дальнейшим завоеваниям Чингисхана. Именно тогда было направлено монгольское посольство и к енисейским кыргызам с требованием воинских отрядов для подавления внутримперских мятежей, что вызвало возмущение и восстание в Южной Сибири [Рашид ад-Дин, 1952, кн. 1, с. 151].

Периодизация политики монгольского правительства по от-

ношению к соседним с монголами кочевым народам во время правления Чингисхана представляется в таком виде.

Первый период, 1207—1218 гг. Тактика «объединения народов, живущих за войлочными стенами» как дипломатического средства консолидации окрестных номадов в рамках единой империи. Критерий выбора объекта для присоединения к империи — номадизм. Форма отношений с «присоединившимися» подданными — заключение с ними союзных договоров. В этом периоде выделяются три этапа: 1207 г. — поход Джучи в Южную Сибирь и Северо-Восточный Казахстан, подчинение кыргызов, алтайцев и кимаков; 1211 г. — заключение «союзов мира и родства» с восточнотуркестанскими правителями, подчинение уйгуров и карлуков; 1218 г. — разгром найманов Кучлука монголами.

Второй период, 1218—1223 гг. Пропаганда тюрко-монгольского «единства» как средство раскола вражеских сил — кыпчаков и их союзников. Критерий выбора объекта пропаганды — общность генеалогических истоков, происхождения (неважно, действительная или фальсифицированная). Форма отношений с «присоединившимися» ранее подданными — прямое участие их в войнах. Разгром и завоевание туркмен, канглы, части кыпчаков⁶⁷.

После 1223 г. лозунг «единства», видимо, потерял актуальность и уже не использовался. Субедэй и Джебе увели войска из Восточной Европы. Все тюркские народы, что позднее оказывались на пути монгольских армий, расценивались лишь как объекты покорения, а не потенциальные союзники⁶⁸.

При исследовании дипломатических и идеологических факторов внешней политики Чингисхана пришлось оставить в стороне ее социально-классовую основу. Разумеется, каким бы ни было обоснование той или иной международной акции, исходившее из главной ханской ставки, — провозглашалось ли единение кочевников или месть за убийство послов, — социальная сущность политики не менялась. Все договоры и походы имели целью подчинение соседних владений монгольской знати.

В целом можно сказать, что тактика «объединения», которая должна была обеспечить по возможности бескровное завоевание кочевых народов, применялась успешно. Правителям империи удалось обеспечить добровольное признание подданства целым рядом тюркских князей. В ходе этого «объединения» велась подготовка к войнам с чжурчжэнями и Хорезмом, росла армия, укреплялось государство. Таким образом, использование древнетюркской государственной традиции в 1207—1223 гг. позволило Чингисхану и его соратникам приобрести дополнительную социальную и военную опору за пределами Монголии. К началу 20-х годов XIII в. оседлым государствам противостоял уже не маленький монгольский улус, а огромный и могущественный каганат — кочевая империя, населенная монголами и присоединившимися к ним тюрками.

Для изучения организации управления в государстве необходимо прежде всего рассмотреть, кем и каким образом осуществлялась верховная власть. Во главе Монгольской империи стоял монарх-Чингисид. Основными компонентами концепции монархического правления являются, вероятно, следующие: внешнее оформление власти монарха (титулатура и придворный церемониал), обоснование ее (легитимизм) и осуществление (компетенция государя). Рассмотрим по порядку все эти пункты.

Титулы правителей

Каан (хаган) — монархический титул у монголов XIII—XIV вв. — пришел в Еке Монгол улус из раннего средневековья. В форме «каган» этот титул существовал у сяньби, жужаней, авар, тюрков-туцзюэ, сеяньто, уйгуров, кыргызов, хазар, ранних киданей и других тюркоязычных и монголоязычных народов IV (V?) — XI вв. Судя по «Тайной истории монголов» и «Джами ат-таварих», в XII в. звания «хаган» и «каан» носили предки Чингисхана — Хабул, Амбагай, Хутула [Козин, 1941, с. 84—86] и изредка предводители других племен [Рашид ад-Дин, 1952, кн. 1, с. 136, 137]. В литературе нет единого мнения по поводу того, отражает ли эта информация действительно применявшуюся тогда титулатуру или же является следствием позднейшего переосмысления. В пользу первого мнения свидетельствует упоминание титула в источниках. В пользу второго — контексты его употребления и некоторые дополнительные сведения, а именно следующие. Государями найманов в первой половине XII в. были братья Наркыш-Таян (старший) и Эннати-каан (младший). Наркыш-Таян был выше рангом, чем младший брат, обязанный делиться с ним военными трофеями [Рашид ад-Дин, 1952, кн. 1, с. 136—137]. Налицо зависимость «каана» от вышестоящего вождя. Монгольских предводителей середины XII в. каганское звание не привлекало. В 1147 г. глава монгольского улуса отверг предложенный чжурчженями княжеский титул ва-на как недостаточно высокий, но провозгласил себя не каганом, а цзю-юань хуанди (т. е. на китайский манер — «император-основатель династии») и объявил девиз правления [Бичурин, 1950, т. 1, с. 379; Васильев, 1857, с. 90]. Однако этот акт не имел далеко идущих последствий, и монгольские лидеры дочингисовской поры не обладали императорским званием. Ни у одного из них не было достаточно владений и военной силы, чтобы уравнивать себя с могучими монархами соседних стран. Это выглядело еще отчетливее позже, когда появилась возможность сравнить примитивные улусные структуры с имперской государственностью XIII в. Поэтому хронисты и заявляли, будто до воцарения Темучина у монголов не было единого, общего

для всех правителя [Е. Дунли, 1979, с. 305; Chronography, 1976, с. 352; Ta'rikh, 1912, с. 15], да и сам Чингисхан придерживался такого мнения [Иакниф, 1829, с. 28]. Правда, можно допустить, что произошла девальвация древнего титула, причем настолько, что и мелкие степные князьки считали возможным присваивать его себе. Но это не так, поскольку всемогущие самодержцы-Чингисиды пользовались им⁶⁹. Скорее всего Хабул, Амбагай, Хутула и предводители окрестных племен были ханами, что вполне согласуется со званием вана, периодически предоставлявшимся некоторым из них цзиньским двором.

Кто же был первым кааном Монгольской империи? По этому поводу есть две точки зрения. Одни исследователи называют Чингисхана, другие — его сына и преемника Угедэя. Сторонники второй версии [Boyle, 1956, с. 152; 1977, с. 52; Kotwitz, 1934, с. 186; Lister, 1969, с. 186; Rachewiltz, 1983, с. 284—285; и др.], как правило, основываются на том, что Чингисхана немонгольские источники не называют Чингис-кааном или Чингис-хаганом. Титул «каана» употребляется всегда с именем Угедэя. Они единодушны в том, что преемник Чингисхана сам припаял этот титул (иногда даже уточняют: по наущению уйгуров-несториан). Однако Бар Эбрей, Джувейни, Рашид ад-Дин сообщают о паделении Угедэя каанским званием на курултае по инициативе сородичей и знати. Причем в сценах интронизации Угедэя нет ни единого намека на то, что каанство вводится впервые [Рашид ад-Дин, 1960, с. 95; Chronography, 1976, с. 303; Ta'rikh, 1912, с. 146—147]. Вероятно, термин «каан» был известен и ранее. Не в период ли правления Чингисхана? «Тайная история монголов» называет основателя империи «Чингис-хаганом». Р. Груссе считал этот титул посмертным. Но наречение храмовым именем, т. е. посмертным титулом, принадлежит китайской политической традиции. Чингисхан действительно удостоился посмертных обозначений «Тай-цзэ» и «шэн-у хуаши», однако произошло это уже при Юанях в китайской части империи. При жизни же он довольствовался хаанским достоинством [Grousset, 1941, с. 180].

В «Тайной истории монголов», в повествовании о событиях 1200—1203 гг., говорится о том, что после победы над меркитами и Джамухой соратники «Тэмуджина Чингис-хаганом нарекли, ханом сделали» (*temujin-i čingis qaqaп keep nereitču qan bolqaba*) [Козин, 1941, с. 230]. По мнению Р. Груссе, авторы «Тайной истории монголов» соединили несоединимое — прижизненную и посмертную титулатуру государя [Grousset, 1941, с. 180].

Обратимся к тексту монгольской хроники. Выражение «*qan bel*» («стать ханом») встречается в нем несколько раз и, похоже, выступает как терминологический трафарет для обозначения акта венчания на царство⁷⁰. В таком случае следовало бы ожидать различий в употреблении фраз, применяемых для обозначения коронационной церемонии и для реального воцаре-

ния. В самом деле, около 1180 г. соратники Темучина его «Чингис-хаганом нарекли». После этого состоялось распределение новым государем административных должностей. «Тайная история монголов» пишет, что это произошло, когда «Чингис стал хаганом» (*čingis qaqaṇ boluatal...*) [Козин, 1941, с. 230]. Здесь речь идет уже не о ритуале, а о начале отправления государем своих функций⁷¹, тем более что выше в том же источнике написано: «когда Темуджин станет ханом» (*temuǰin-i qaṇ boluasū*) [Козин, 1941, с. 229], т. е. выражение «qaṇ bol-» использовано по традиции, в данном случае для обозначения принятия кочевым вождем титула кагана. Ведь Темучин, судя по данным источника, стал все же не ханом, а каганом. Характеристики и нюансы подобного рода в предсмертной речи Джамухи, который обращается к побратиму то «хан-анда», то «хаган-анда», но о провозглашении его правителем говорит: «место хана тебе вручили» (*qaṇ oǰo čimadur joriṇa*) [Козин, 1941, с. 275]. Видимо, каганский ранг Темучина признавался в конце XII в. только его немногочисленными дружинниками и подданными. В глазах же соседних степных лидеров Темучин оставался обычным предводителем улуса и являлся улусным ханом. Каганом кочевой империи его пока никто не признавал.

Сторонники признания титула «хаган» позднейшей, посмертной интерполяцией ссылаются на то, что при жизни Чингисхана его так не называли. Но следует помнить, что устойчивое сочетание «Чингисхан» служило личным тронным именем (что, в отличие от невероятных посмертных прозвищ, знакомо кочевой государственности, прежде всего древнетюркской), а ведь должен был быть еще и титул. Чтобы отыскать его, нужно пойти в монгольском источнике такие высказывания подданных о государе, где о нем говорилось бы без слова «Чингисхан». Сыновья обращаются к нему со словами «хан-эчиге» и «хаган-эчиге» — «хаган-отец» [Козин, 1941, с. 304, 306, 312]. Но это в кругу семьи, где не обязательно использовалась официальная титулатура. А вот Шиги-Хутуху, один из высших иерархов Монголии начала XIII в., и уйгурский идикут называли Чингиса просто «хаган» [Козин, 1941, с. 278; Лубсан Данзан, 1973, с. 183]. Следовательно, это и был титул Темучина, употреблявшийся наряду с тронным именем⁷². К тому же в армянской «Истории народа стрелков» (XIII в.) Акнерци рассказывает о том, что к Чингису явился некогда ангел и, продиктовав ему ясу, нарек кааном и «с тех пор стал [он] называться Чангыз-Каан» (История монголов, 1871, с. 4). Акнерци особо оговаривает, что данные сведения поступили «от самих татар» [История монголов, 1871, с. 3], т. е. здесь мы имеем дело тоже с монгольской информацией, но уже из вторых уст.

Таким образом, титул «каган» впервые был принят Чингисханом. Вопрос о времени этого события для нас несуществен, но все-таки выскажем такое соображение. Каган в степных державах обычно возглавлял независимое государство. Поэтому

му можно предположить, что в период признания монгольскими ханами номинального «вассалитета» от Цзинь такой титул у Чингисхана появиться не мог. Вероятно, лишь официальный разрыв Чингисхана с пекинским двором в 1210 г. [Иакинф, 1829, с. 43] положил начало подлинной государственной самостоятельности монголов, послужил основанием для превращения ханства-улуса в каганат. Китайские источники прямо связывают конституирование Монгольской империи с началом конфликта степняков с Цзинями [Васильев, 1889, с. 379, 380; Мэн-гу-ю-му-цзи, 1895, с. 54; Мэн-да бэй-лу, 1975, с. 93, 100, 123—125]. В середине XIII в. при написании «Тайной истории монголов» ее авторы умышленно отнесли принятие Темучином каганского звания к 1180 г.

Идеологические основы монархического правления

Любая власть должна иметь идеологическое обоснование. Было бы ошибочным полагать, будто правители Монгольской империи не ставили перед собой проблемы легитимации своей власти (см. [Franke, 1978, с. 15, 16]). Ведь оправдать и узаконить царствование Чингисидов требовалось в глазах не только многочисленных жертв завоеваний, но и кочевого населения Центральной Азии, привыкшего подчиняться своим «природным» ханам, и в глазах сородичей-борджигинов, оттесненных от трона.

Материальные причины появления власти, стоящей над народом, долго были скрыты от сознания людей. Они явились лишь позднейшим исследователям, а современниками оставались абсолютно не познанными. Генезис ханского достоинства трактовался идеалистически, в виде стихийно оформлявшейся концепции харизмы. Для человека средневековья законность власти означала ее санкционированность божественными силами.

Прежде всего освящение прерогатив кагана проступало в формуле его полной титулатуры. Так, суверен хунну во II в. до н. э. титуловался «Поставленный Небом великий шаньюй». Позднее, по рекомендации китайского перебежчика, более пространно: «Рожденный Небом и Землею, поставленный Солнцем и Луною хуннский великий шаньюй» [Бичурин, 1950, т. 1, с. 54, 58; Материалы, 1968, с. 43, 45]. В документах, относящихся к I в. до н. э., нет упоминаний о столь длинном наименовании, но дается словосочетание «чэнли гуту», где первое слово означает «небо», второе — «сын» [Бичурин, 1950, т. 1, с. 120]. Это созвучно монгольскому «тэнгэрийн хүүд» («сыновья неба») [Сухбатар, 1971^a, с. 102; 1973, с. 112; см. также: Пуллиблэнк, 1986, с. 36] или тюркскому *täŋri qut(y)* («порождение неба, дух неба, благодать неба») [Фасеев, 1978, с. 131; Mori, 1981, с. 74;

Müller, 1920, с. 316]. Пока отметим лишь, что во всех этих вариантах присутствует выражение «Рожденный/Поставленный Небом».

Полное звание правителя древних тюрков было приведено в послании 584 г. кагана суйскому императору. Каган назвал себя «Рожденный Небом великий Тукюе, мудрейший и святейший в Поднебесной Сын Неба» Или Гюйлу Шэ Мохэ Шиболо-каган [Бичурин, 1950, т. 1, с. 237] или «Рожденный Небом, мудрый Сын Неба, каган тюркского государства» Или Гюйлу Шэ Мохэ Шиболо-каган [Bombaci, 1965, с. 287]. Едва ли это дословно переданный действительный титул. Вероятно, здесь объединение самого титула с его китайским переводом. Оригинал же попробуем реконструировать так: *täŋri dä bolmıš el qutluγ šad türk bilgä baγa išbara qaγan*, т. е. «Небом рожденный (букв. „на небе ставший [живым]“), счастливый (или священный) князь державы, тюркский мудрый (или: великий, облеченный властью) Бага Ышбара-каган»⁷³. Первая и последняя части формулы совпадают с развернутым вариантом титулатуры шаньюя: «Рожденный/Поставленный Небом... хуннский/тюркский шаньюй/каган». Характерно, что китайские императоры, признавая за государями второго Восточно-тюркского каганата (680—745) царское достоинство, называли их именно этим общим выражением (частично модифицированным): «Дэ-цзинь Гйедемиши Да Шаньюй» [Бичурин, 1950, т. 1, с. 268]. По-древнетюркски это звучало, видимо, так: *täŋri jaratmıš bilgä šarγuγ* — «Небом поставленный мудрый (великий — кит. „да“) шаньюй/каган». Иногда к хану обращались и просто «дымил-хан» [Бичурин, 1950, т. 1, с. 277] (древнетюркское *täŋri qaγan*⁷⁴; ср. хунское «чэнли гуту»). Полностью большой титул начертан в рунических надписях-эпитафиях, сочиненных в VIII в. в честь кагана Могиляна и его брата, военачальника Кюль-Тегина: *täŋri läg täŋri jaratmıš* (или *täŋri dä bolmıš*) *türk bilgä qaγan*, т. е. «Небу подобный, Небом поставленный (или Небом рожденный) тюркский мудрый каган» [Малов, 1951, с. 27, 33; 1959, с. 16].

Сведения о хуннской концепции верховной власти мы черпаем из сочинений китайских хронистов, для которых связь с Небом мыслилась только через персону своего императора; звания же кочевников представлялись им проявлением «варварского» высокомерия⁷⁵. А вот пасчет древнетюркских доктрин имеются данные из орхонских текстов, «Рожденный Небом» — не просто автоматически повторяемое клише; в рунических надписях оно многократно расшифровывается: «По милости Неба и потому, что у меня самого было счастье, я сел [на царство] каганом»; «Небо, дарующее [ханам] государства, посадило меня самого... каганом, чтобы не пропало имя и слава тюркского народа»; «Небо... сказала: я дало тебе (тюркскому народу.— В. Т.) хана»; «по воле тюркского Неба и тюркской священной родины (букв. „земли и воды“.— В. Т.) я стал ханом»;

«я, благодаря благодати Неба, сам воссел на трон» и т. п. [Малов, 1951, с. 35, 39, 65; 1959, с. 20, 23]⁷⁶.

Совпадение титульных выражений и присутствие одних и тех же космогонических персонажей наталкивает на мысль о близком сходстве, если не идентичности, идеологических построений в сфере легитимизма у хунну и туцзюэ. Согласно этой общей для них концепции: 1) каган рожден Небом, т. е. Небо вручает ему царство (поскольку существует синонимичное выражение «поставленный Небом», то ясно, что подразумевается не физическое рождение, а именно воцарение); 2) на этом поприще с Небом сотрудничает Земля (у хуннов еще Солнце с Луной, у тюрков — Вода); 3) цель этих акций потусторонних сил — благоденствие народа, о чем неоднократно говорится в орхонских эпитафиях.

Уйгуры, построившие свой каганат (745—840) на развалинах Тюркского, сохранили эти воззрения, видимо, без особых изменений. Так же как и у туцзюэ, Небо и Земля в декларациях их правителей трактовались как первопричина создания державы-эля и ее закона-төрү, как гарант процветания народа [Малов, 1959, с. 42; Klyashtorny, 1982, с. 344]. Реконструированный В. В. Радловым каганский титул уйгуров демонстрирует продолжение хуннской традиции: «Кят кутлук айдынлык äди улук куч мунмиш кят кучлук пак каган» («Очень счастливый, блестящий, очень высокая сила, воссевший очень сильный государь хан» [Радлов, 1891, с. 266—267]⁷⁷. Кроме того, уйгурского правителя называли и малым титулом — «дэнли-хан/тэнгри-каган» и «тянь-хан» («небесный государь») [Бичурин, 1950, т. 1, с. 331; Васильев, 1897, с. 24, 25; Супруненко, 1963, с. 76].

О том, как представляли себе верховную власть кыргызы, сменившие главенствовавших в Центральной Азии уйгуров, информации нет. Титулы кыргызских правителей, переданные нероглифами (см. [Бичурин, 1950, т. 1, с. 352, 355, 357]), не идентифицируются с хуннскими и тюрко-уйгурскими. В начале X в. пространство от Алтая до Ляодуна подчинили себе кидани. Сначала их предводитель именовался каганом [Ивлиев, 1981, с. 67—69; Материалы, 1968, с. 128], но с развитием государственности этот титул перестали употреблять. Уже основатель династии Ляо Елюй Амбагай объявил себя по китайскому образцу императором (тяньхуан-ван); так же поступали его преемники [Е Луили, 1979, с. 42, 55, 241]. Причем Небо в киданьских воззрениях выступало уже в другой ипостаси: Амбагай считался императором Неба, его супруга — царицей Земли, которая теперь персонифицировалась в образе старухи [Викторова, 1974, с. 262; 1980, с. 147]. Следовательно, с падением Уйгурского каганата (середина IX в.) хунно-тюркская традиция трактовки верховной власти пресеклась.

За разгромом Ляо последовала 80-летняя хаотичная междоусобица между монгольскими и тюркскими племенами Центральной Азии. Но когда на исторической арене появился Еке

Монгол улус, представления его правителей о монархическом правлении выглядели настолько стройными, что поневоле усомнишься в их конвергентном образовании в среде родов и племен Трехречья. Имеются сведения об отсутствии пространного титулования каана. Бар Эбрей писал: «Монголы не дают своим царям и знати пышных имен и титулов, как другие народы... А что касается [имени] того, кто восседает на престоле, они только прибавляют одно имя, а именно „хан“ или „кан“». И братья, и его родичи зовут его первым именем, данным ему при рождении» [Chronography, 1976, с. 354]; Джувеини свидетельствует: «Когда один из них (царевичей-Чингисидов.— В. Т.) наследует трон державы, он получает одно добавочное имя „хан“, или „каан“, кроме которого ничего не пишется» [Ta'rikh, 1912, с. 19]. К братьям же и сыновьям каана «обращаются по именам, полученным при рождении,— как в присутствии их, так и в отсутствие; и это применяется и к простолюдинам, и к знати» [Ta'rikh, 1912, с. 19]. Но здесь говорится о ситуации обращения подданных к кагану, и правильность наблюдений сирийского и персидского авторов подтверждается материалами «Тайной истории монголов». А ведь полный титул у хуннов, тюрков и уйгуров назывался лишь в торжественных декларациях государя, написанных от первого лица, к своему народу или к соседним монархам. Именно в такой ситуации Чингисхан провозгласил: *muṣke teṣkeri-yin küčün-tur teṣkeri qajar-a küču zoqa neṣekdeju kur ulus-i šidurqutqaju* (букв. «Вечного Неба силою, посредством Неба и Земли величие я умножил, многоплеменную державу подчинил своей власти» [Козин, 1941, с. 287]). Ссылка на божественное покровительство («Вечного Неба силою») оформлена в эпической традиции — по образцу старой каганской титулатуры. Лишь указание на небесное происхождение или уподобление Небу здесь заменено заявлением о небесном источнике могущества кагана и обладании «силой», необходимой для создания «кур-улуса»⁷⁸.

На печати каана Гуюка, поставленной на послании папе Иннокентию IV (1246), имеются слова: *mönkä täwri-yin küčün-dür yеke mongṡol ulus-un dalaу-yin qan-u jarliq* [Pelliot, 1923, с. 22] («Силою вечного Неба, беспредельной великой Монгольской державы хана ярлык») ⁷⁹. Эта надпись еще ближе к старым степным формулировкам титулатуры (см. таблицу). Другие документы столь высокого ранга, как послание каана главе христианского мира, неизвестны.

Как видим из таблицы, структура титулов выдержана в строгом каноне. Полная идентичность монгольской схемы титулатуры хунно-тюркской позволяет, во-первых, рассматривать фразу на печати Гуюка в качестве полного титула монгольского государя; во-вторых, предполагать сходство в объяснении хуннами, древними тюрками и монголами сакральной связи монарха с высшими силами. Посмотрим, что предлагают на этот счет другие источники.

Сопоставление титулов верховных правителей
в кочевых империях*

Государство	Элементы полного титула верховного правителя			
	Указание на не- зависимость покрови- тельства	Этнополитиче- ское определение	Почетный эпитет	Собственно титул
Хунну	Поставленный Небом	Хуннский	Великий	Шаньюй
Тюркский каганат	Небу Подоб- ный или Не- бом Рожде- нный (Постав- ленный)	Тюркский	Мудрый или правлящий	Каган
Монгольская империя	Силою Вечно- го Неба (По- ставленный)	Великой Мон- гольской дер- жавы	Океана ⁸⁰	Хан ⁸¹

* Составлено по: [Козин, 1941; Малов, 1952; 1959; Материалы, 1968; 1973; и др.].

Придворный Хорчи пересказывает Чингисхану вещей сон: «Небо с Землей сговорились, нарекли Тэмуджина царем царства (ulus-un ejen. букв. „господин народа, или державы“.— В. Т.). Пусть, говорят, возьмет в управление царство!» [Козин, 1941, с. 107]. То есть сверхъестественная помощь заключается прежде всего в совещании Неба и Земли по поводу кандидатуры кагана и в избрании его. На каком основании избирается ими тот или иной человек? «Не оттого, что у меня есть какие-либо доблести,— писали советники Чингисхана от его имени даосу Чан-чуню,— а оттого, что у Гиньцев (цзиньцев.— В. Т.) правление непостоянно, я получил от Неба помощь и достиг престола» [Си ю цзи, 1886, с. 370]. Эта конфуцианская казуистика могла исходить от киданьских окитаившихся советников, но не от монгольского персонала ханской ставки. С китайским адресатом и разговаривать нужно было «по-китайски», поэтому на монгольскую харизматическую концепцию наслонились здесь чуждые ей категории праведности-неправедности. Реальнее выглядит аргументация кагана в отношении своей избранности перед монгольским окружением в монгольском же источнике: «От восхода до заката я трудился до тех пор, пока не пожаловали Небо и Земля [мне] силы» [Лубсан Данзан, 1973, с. 188]. Активность и целосоупрежденность представлялись критериями для получения монаршего сана; «труды» дают «силу»⁸².

В избрании государя и вручении ему власти участвуют Небо и Земля (как бы в подтверждение сна Хорчи Чингис позднее скажет: «Я теперь усилился в своей власти волею Неба и Зем-

ли, могуществом Вечного Неба» [Козин, 1941, с. 104]). Но чаще Небо выступает самостоятельно как высшая субстанция. А каковы функции Земли? И на этот вопрос отвечает Чингисхан: «Меня Тэнгри могучий призвал, а Земля-Мать-Этуген на груди пронесла» [Козин, 1941, с. 104—105]. Значит, Земля — первая инстанция, через которую начинается осуществление небесной воли. Породив (доставив в мир) кагана, Мать-Земля в дальнейших событиях активного участия не принимает. Правда, по некоторым отголоскам кочевой харизматики в фольклоре можно судить, что она «отвечает» за личную безопасность и здоровье кагана (см. [Трепавлов, 1989, с. 130—131; ср.: Традиционное мировоззрение, 1989, с. 40, 41]). Далее Небо указывает помазаннику владения и подданных — объекты его будущей власти, помогает осуществить завоевания. «Вечное Небо оказало помощь, раскрылись небесные створы, собрал я свои народы», — изрекает Чингисхан [Лубсан Данзан, 1973, с. 188; см. также: Рашид ад-Дин, 1952, кн. 2, с. 232]. Аналогичная идея видится в письме Гуюка Иннокентию IV: «Посредством могущества Неба все царства от восхода до заката были вручены нам, и мы владеем ими» (цит. по [Spuler, 1972, с. 69]). Выполнив волю божественных сил и воспользовавшись их благосклонностью, каган-завоеватель вручает им плоды своих «трудов». «Владыке Небу, — говорит Чингис младшей родне, — я вверился совершенно и доверил [ему] все государство!» [Лубсан Данзан, 1973, с. 189].

Сведем воедино ступени осуществления каганской харизмы в понимании средневековых монголов: 1) Небо и Земля избирают достойного кандидата на царство; 2) Небо назначает его, Земля порождает (доставляет в мир) и охраняет; 3) Небо вручает кагану силу и предоставляет возможности для осуществления возложенных на него задач; 4) Небо помогает кагану во всех его начинаниях; 5) Небо служит гарантом могущества государя и его преемников; 6) каган, создав государство, вручает судьбы его и свою Небу. Все это вполне сопоставимо с идеями хуннов и тюрков. Мифологическими построениями концепция верховной власти, конечно, не ограничивалась.

Представления о функциях правителя

В. С. Таскин на основе сведений китайских источников перечислил прерогативы шашьюя хунну: представление своей державы в сношениях с другими государствами; верховное командование войсками; охрана территории хуннов; вероятно, высшая судебная инстанция [Таскин, 1968, с. 9—11]. По справедливому заключению С. Г. Кляшторного, основанному главным образом на информации рунических текстов, функции кагана туцзюэ сводились к исполнению примерно тех же обязанностей. К ним добавлялись расселение подданных и переселение в слу-

чае необходимости побежденных племен; обустройство доминирующей территории Отиукен [Кляшторный, 1977, с. 15; 1986, с. 320—321]. В целом каган выступает, во-первых, как глава гражданского управления (в качестве лидера правящего рода, верховного вождя, судьи и жреца), во-вторых, как глава политической организации (в качестве военного предводителя) [Кляшторный, 1977, с. 14; ср.: Мелниоранский, 1899, с. 83].

Имея в виду эти характеристики, обратимся к ситуации в Монгольской империи. Еще до ее создания центральноазиатские степняки имели четкие представления о функциях правителя. Когда началось возвышение Темучина, верхушка племени джурьят рассудила: это именно «тот человек, который мог бы заботиться о войске и хорошо содержать улус» [Рашид ад-Дин, 1952, кн. 2, с. 90]. Здесь мы имеем дело с очередным трафаретом, взятым из раннего средневековья, так как, согласно енисейским рунам, кыргызский хап тоже «держал эль и возглавлял бодун» [Малов, 1952, с. 81]. Наиболее компетентное мнение принадлежит, конечно, самому кагану. В «Алтан тобчи» приведены слова Чингисхана: «Став опорой [государства], я принял на себя трудное дело охраны народа» [Лубсан Данзан, 1973, с. 189]. Таким образом, власть государя осуществлялась по трем основным направлениям: охрана целостности и укрепление державы (эль, улуса); забота о ее населении, народе (тут следует вспомнить слова орхонских эпитафий о каганских благодеяниях для всех тюрков); ведение завоевательных войн, забота об армии. К этим же пунктам сводятся и Чингисовы поучения сыновьям. Здесь вновь акцентируется внимание на поддержании благосостояния народа и боеспособности войска [Котвич, 1923, с. 95—96]⁸³.

Мы ставили проблему определения концептуальной основы верховной власти, поэтому на конкретных проявлениях прерогатив кагана, описанных почти во всех исследованиях по монгольской истории XIII в., останавливаться не будем. Но власть кагана имела еще одну сторону, слабо освещенную в литературе, — ритуальное оформление.

Традиционные элементы придворного церемониала

Концепция верховной власти находила свое воплощение, кроме всего прочего, в церемонии коронации. Довольно подробная информация о ней поступает из нескольких источников. Для цельности картины не станем разбирать эти сведения одно за другим, но попытаемся соединить их в одну схему. Нужно учесть, что, несмотря на очевидную стабильность ритуалов, некоторые их детали варьировались на различных коронационных курултаях, поэтому ниже будут указываться имена провозглашаемых в каждом отдельном случае каганов. Из всех информаторов, видимо, только Плано Карпини со своими спут-

никами был очевидцем венчания на царство; остальные авторы описывали это событие с чужих слов, но наиболее детально оно отражено у Бар Эбрея и Джувеини. Приводя эти данные, мы имеем в виду, что наша цель остается прежней — найти соответствия с предыдущими государствами кочевников⁸⁴. Итак, интронизация очередного каана происходила в следующем порядке.

1. Шаманы назначают благоприятный день (это отмечено в описаниях коронации Угедэя, Гуюка и Мункэ) [Ta'rikh, 1912, с. 146, 206; 1936, с. 28—29].

2. Присутствующие обнажают головы и развязывают пояса, демонстрируя покорность воле Неба (Угедэй, Гуюк, Мункэ) [Рашид ад-Дин, 1960, с. 119; Ta'rikh, 1912, с. 146, 206; 1936, с. 30]. Аналогичная церемония происходила при коронации ильхана Аргуна [Рашид ад-Дин, 1946, с. 113].

3. Участники курултая просят избранника занять место каана, на что следует символический отказ в пользу старших родственников (Угедэй, Гуюк) [Chronography, 1976, с. 393, 411; Ta'rikh, 1912, с. 147, 205]⁸⁵.

4. Приближенные «силой», под руки усаживают каана на трон (Угедэй, Гуюк, Мункэ) [Путешествия, 1957, с. 219; Тизенгаузен, 1941, с. 16; Chronography, 1976, с. 186; Ta'rikh, 1912, с. 147, 207]. Аналогичная церемония отмечена у древних тюрков [Бичурин, 1950, т. 1, с. 229], сельджуков Рума [Гордлевский, 1960, с. 88], при воцарении ильханов Текудер-Ахмеда и Аргуна [Рашид ад-Дин, 1946, с. 100, 113].

5. Знать и военачальники приносят присягу в верности (Гуюк, Хубилай) [Путешествия, 1957, с. 219; Рашид ад-Дин, 1960, с. 119, 160]; то же у румских сельджуков [Гордлевский, 1960, с. 88]. Источники не конкретизируют содержания присяги, но можно предположить, что раз вся церемония была отработана и практически неизменна, то и клятва содержала некие стандартные сентенции. Мы располагаем текстом присяги соратников Темучина, данной своему лидеру в конце XII в. [Козин, 1941, с. 108], но это типичный договор вождя и дружины. Среди различных заверений в преданности, о которых сообщают монгольские источники, обращают на себя внимание однотипные выражения. Так, тайджигуты во главе с Наяя говорили Темучину: «Мы, с полной верою в тебя, пришли отдать свои силы» [Козин, 1941, с. 121]; уйгурский идикут — Чингисхану: «Если бы хаган соблаговолил... всю силу отдал бы тебе» [Лубсан Данзан, 1973, с. 183]; военачальник Мэнгэту-сэчэн — Чингисхану: «Будем трудиться, отдавая тебе свою силу» [Лубсан Данзан, 1973, с. 192]; военачальник Богурчи, стыдя некоего Чуумергена, бегущего от тайджигутского войска, говорил: «Так-то ты, убегая, отдаешь силу владыке» (Чингисхану) [Лубсан Данзан, 1973, с. 121]; кравчий Чингиса баурчи Сараман — Чагатаю: «Ты... еще не родился, и еще не собралось множество подданных, а я уже отдавал свою силу хану, твоему отцу» [Лубсан

Данзан, 1973, с. 213]; и т. д. То же выражение в орхонских памятниках обозначало верную службу тюрок государю: «Пятьдесят лет отдавали [они ему] свои труды и силы... Какому кагану отдаю я мои труды и силы?» [Малов, 1951, с. 37]. Слияние «силы» подданных и осуществляемых ее посредством «трудо» с магической «силой» кагана (*qut/küčü*), с его «трудами» являлось, вероятно, одним из центральных пунктов присяги как у туцзюэ, так и у монголов. Вновь проступил терминологический трафарет, сохранившийся от древнетюркской эпохи.

6. Участники курултая поднимают каана на войлоке (Угедэй, Гуюк) [Путешествия, 1957, с. 219; Saint Quentin, 1965, с. 93]⁸⁶; то же у сяньби [Сухбатар, 1971^a, с. 132], древних тюрок [Бичурин, 1950, т. 1, с. 229], уйгуров⁸⁷.

7. Каана заставляют взглянуть на небо и берут обещание царствовать справедливо под угрозой свержения (Гуюк) [Путешествия, 1957, с. 219; Saint Quentin, 1965, с. 93]. Описание ритуальной угрозы монарху у Сен-Кантена печетко, но все же заставляет вспомнить имитацию убийства коронуемого государя у древних тюрок и хазар [Артамонов, 1962, с. 410; Бичурин, 1950, т. 1, с. 229; Григорьев, 1876, с. 72].

8. Девятикратное поклонение перед кааном (Угедэй, Гуюк, Хубилай) [Рашид ад-Дин, 1960, с. 160; Chronography, 1976, с. 393, 411; Ta'rikh, 1912, с. 147; 207]; то же у древних тюрок [Бичурин, 1950, т. 1, с. 229], сельджуков Рума [Гордлевский, 1960, с. 88], ильханов Аргуна и Газана [Рашид ад-Дин, 1946, с. 114, 166].

9. По выходе из шатра — тоекратное поклонение солнцу (Угедэй, Гуюк, Мункэ) [Chronography, 1976, с. 393; Ta'rikh, 1912, с. 147, 207; 1936, с. 31].

Как видим, монгольская церемония во многом дублирует древнетюркскую. Существенная разница лишь в том, что в возведении на престол каганов Ашина фигурировал конь, на которого сажали кагана после поднятия на войлоке [Бичурин, 1950, т. 1, с. 229]⁸⁸. Есть сведения об этом ритуале и у киданей [Е. Лунли, 1979, с. 55]⁸⁹, но в Ляо кандидатуру императора всегда определяли, ставя перед ним знамя и барабан⁹⁰. Последний, судя по имеющимся данным, к выполнению обряда коронации у монголов не привлекался, а знамя упомянуто только в связи с курултаем 1206 г.: «Здесь воздвигли девятибунчужное белое знамя и нарекли ханом — Чингис-хана» [Козин, 1941, с. 158; см. также: Иакинф, 1829, с. 39—40; Мэн-да бэй-лу, 1975, с. 76; Палладий, 1877, с. 180]. Х. Ховорс видел в девятиконечности стяга пережиток эпохи девятиплеменного союза шивэй [Howorth, 1876, с. 28]. Д. Банзаров — влияние иранской мифологии (девять гениев у бога Хормусты-Ахурамазды) [Банзаров, 1955, с. 60, 80]. Ниже мы еще вернемся к этому вопросу.

Вопрос о происхождении монгольской концепции верховной власти

До Чингисхана каганами на монгольской территории, как говорилось, были правители тюрков, уйгуров и кыргызов. У киданей же царствовали монархи с китайскими титулами. У центральноазиатских народов в XII — начале XIII в. было престижным еще одно звание — гур-хан (приблизительно с тем же смыслом, что и «каган» (см. [Ta'rikh, 1916, с. 86])). Его носили кара-киданьские правители Западного Ляо в Туркестане и соперник Темучина Джамуха-сэчэн [Козин, 1941, с. 116]. Одно время данный титул употреблялся у кереситов, имевших тесные политические и культурные связи с киданями [Викторова, 1980, с. 168—171; Рашид ад-Дин, 1952, кн. 1, с. 130]. Как уже отмечалось, монгольские вожди XII в. являлись скорее всего ханами. Таким образом, к началу XIII в. у кочевников Восточной Евразии сложились три традиции титулования сюзеренов — тюрко-уйгурская (каган), киданьская (гур-хан) и китайская (хуанди, ван). В провозглашении Темучина каганом можно видеть демонстрацию противостояния Джамухе (с его киданьским титулом) и гур-ханам Семиречья, куда стекались недобитые противники Чингисхана. Чингисидов в доюаньские времена не именовали «хуанди», что говорит о равнодушии монгольской верхушки к политическим традициям Ляо и Китая. Поскольку киданьская и уйгурская традиции исключаются, остается наследие туцзюэ и уйгуров. Следовательно, титул кагана пришел в Еке Монгол улус, вероятно, из каганатов VI—IX вв.

Многие историки полагают, что взгляды хуннов, тюрков и монголов на связь кагана с Небом заимствованы из китайских доктрин «Сына Неба», «небесного мандата» и т. д., причем это представляется им настолько очевидным, что они не приводят каких-либо аргументов, подтверждающих их мнение [Бернштам, 1940, с. 70; Franke, 1978, с. 18—19; Lattimore, 1940, с. 450; Reischauer, Fairbank, 1960, с. 264; Shiratoru, 1926, с. 11; и др.]. Утверждения О. Латтимора и К. Сиратори о калькировании формулы «тянь-цзы хуанди» хуннскими шаньюями требуют исторического объяснения. Но какое может быть объяснение, если держава хунну возникла всего лишь на 18 лет позже первой китайской империи Цинь, где было установлено звание «Сына Неба властителя-императора» [Сыма Цянь, 1975, с. 62]? Этот срок для мощного идеологического воздействия слишком мал. К тому же расширение шаньюева титула по подсказке китайца-мигранта (о чем мы рассказывали выше) происходило за счет использования персонажей «варварского» пантеона, а не харизматических абстракций, применявшихся в Поднебесной. Различия между китайскими и степными государями четко осознавали и та и другая стороны. В VII в. танский император отверг предложенный вассалами вакантный после падения первого Восточно-тюркского каганата каганский трон,

подчеркивая: «Я являюсь Великим Танским Сыном Неба, кроме того, не веду дел кагана» (цит. по [Кюннер, 1961, с. 195]). Подобные настроения царили и к северу от Великой стены. Порядки, нравы и идеология императорского двора вызывали у лидеров туцзюэ стойкую неприязнь. Тюркские предводители опасались дестабилизирующего влияния китайской культуры на их подданных (см. [Малов, 1951, с. 34]). Расхождения в идейных установках помадов и Китая сквозят в обращении Чингисхана к Чап-чуню: «Небо отвергло Китай за его чрезмерную роскошь и гордость. Я же, обитая в северных степях, не имею в себе распутных наклонностей» [Си ю цзи, 1866, с. 370]. В этой парадоксальной фразе налицо убежденность в принципиальной неприемлемости (неудобности Небу) китайского влияния, но выраженная в конфуцианских, т. е. все-таки китайских, формулировках. Представляется, что сознательного заимствования из Китая монархических концепций в государствах кочевников все же не было, по крайней мере в период полного суверенитета кочевых империй.

Историки МНР выводят происхождение доктрин сакральных небесно-земных уз из общекочевнических шаманистских воззрений на предопределенность бытия всего сущего волей Неба [Гаадамба, 1976, с. 29; Сухбатар, 1973, с. 112], а начальное применение этих идей относят к эпохе прототюркских и протомонгольских общностей [Бира, 1977, с. 196—197; Сухбатар, 1973, с. 117; 1978, с. 262]. Такие изыскания вполне плодотворны, но необходимо учитывать, что до III в. до н. э. в Центральной Азии не было государственных образований, поэтому в дохуннский период «идея о единохаганстве» (Ш. Бира) едва ли могла сформироваться. Реальнее возводить монгольскую концепцию не к племенным союзам I тысячелетия до н. э., а к одной из первых кочевых держав. Совпадение тюркской и монгольской формул титулования монарха, разобранные выше, конечно, не ускользнуло от внимания исследователей [Бира, 1978, с. 30; Неклюдов, 1981, с. 189—198; Скрынникова, 1987, с. 128; Golden, 1982, с. 72—73; Kvaerne, 1980, с. 94—95; Rachewiltz, 1975, с. 28—31; Tigan, 1955, с. 82; и др.]. Такой идентичности не обнаруживается ни с киданьской, ни с китайской титулатурами. Поэтому данный аспект концепции верховной власти в Еке улусе приходится признать происходящим из древнетюркской государственности, в которую он перешел из державы хунну.

Владыка Китая рассматривался своими соотечественниками как единственный законный повелитель народов (в силу «небесного мандата»). Немыслимо представить, чтобы придворные законотворцы признали существование еще какого-нибудь императора-хуанди. У древних тюрков и монголов такого этноцентризма не было: орхонские надписи называют, кроме тюркского, табгачского (китайского), тюркешского, кыргызского и других каганов; «Тайная история монголов» — чжурчжэньского Алтан-хагана. Соответственно и в сфере власти кочевых вла-

стелинов включался не весь мир, а лишь подвластные территории (правда, с задачей их непрерывного расширения). Мы не находим у монгольских каанов номинальных обязанностей первосвященника, как у государей туцзюэ, китайцев и киданей Ляо, но все остальные функции в целом совпадают с привилегиями тюркского кагана.

Китайские авторы утверждали, будто церемония коронации Чингисидов была разработана Елюй Чуцаем — киданьским советником Чингисхана и Угедэя [Иакинф, 1829, с. 149—150; Мункуев, 1965, с. 72, 188]. Однако соответствия этому обряду у других кочевых народов заставляют предполагать, что заслуга советника скорее не в изобретении нового, а в восстановлении старого степного церемониала (вероятно, по хроникам). Собственно, неортодоксальной-то была всего лишь одна деталь — персональное (а не традиционно групповое) поклонение каждого участника курултая перед избранником, на чем особенно настаивал Елюй Чуцай [Мункуев, 1965, с. 72, 188].

Выше высказывалось суждение о возрождении в этом смысле древнетюркских ритуалов. Обращает на себя внимание девятиконечный туг — знамя Чингиса. Махмуд Кашгарский писал о девяти знаменах, которые выставлялись самыми могущественными ханами (см. [Divanī, 1941, с. 127]). Это опять приводит к заключению о древнетюркском наследии, так как ко времени составления «Дивана и дугат-ит-тюрк» (XI в.) еще не существовало монгольских могущественных ханов, а глава монголоязычных киданей не являлся «ханом». К тому же термин, которым Махмуд Кашгарский обозначает таких сюзеренов, чисто тюркский: «токуз туглук-хан» («девятнадцатый хан»). Таким ханом и стал Темучин в 1206 г.

К общим придворным церемониям туцзюэ и монголов относятся и поклонение иноземцев очистительному огню в главных ставках [Путешествия, 1957, с. 29—31, 70, 76; ср.: Пигулевская, 1941, с. 76], и, возможно, другие обряды, сведения о которых предстоит отыскать в источниках.

Итак, в формировании государственно-идеологических основ монгольской державы четко выделяются традиционные элементы. Прежде всего это касается первоначальных завоеваний за пределами Коренного юрта. Насильственное присоединение тюркских народов Южной Сибири, Прииртышья и Восточного Туркестана носило завуалированный характер, сопровождалось военно-дипломатическими интригами, заигрыванием с местной аристократией, пробуждением «этнородственных» чувств в населении кочевых степей. Монгольское правительство стремилось придать внешнеполитическим кампаниям 1207—1208, 1211 и 1218 гг. видимость традиционной консолидации кочевников в единой империи. Созданию нового, очередного «тюрко-монгольского каганата», каковым пытались представить Еке Монгол улус идеологи завоеваний, сопутствовало и теоретическое обоснование владычества Чингисидов над своим и покоренными

(«присоединенными») народами. Понимание власти степного государя в общем совпадало с представлениями номадов раннего средневековья. Доктрины верховной власти в Монгольской империи сложились в основном на базе древнетюркской концепции: был восстановлен титул кагана⁹¹, возродилась полная формула титулатуры, отражающая связь кагана с Небом. Представления монголов об этой связи соответствовали воззрениям правителей каганатов VI—IX вв. Роль и место кагана в государстве в мире понимались монголами так же, как и их историческими предшественниками. Все эти идеологические традиции дополнялись общим для кочевых империй порядком исполнения важнейших дворцовых ритуалов.

ДУАЛИЗМ УПРАВЛЕНИЯ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В ТЕРРИТОРИАЛЬНО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ СТРУКТУРЕ

В гл. 2 мы говорили о том, что принципы организации одних государств передавались по различным каналам к другим. Наиболее устойчивой оказывалась информация об основных компонентах военно-административной структуры. К таким компонентам относятся этнотерриториальное деление (система крыльев), взаимоотношения между правителями-главнокомандующими крыльев (соправительство), порядок замещения поста главного хана. Данная глава посвящена выяснению вопросов: каким образом традиционные элементы государственности помогов отразились в устройстве империи Чингисидов? Каковы исторические прецеденты и источники происхождения этих институтов в монгольской державе XIII в.?

В государствах, созданных народами евразийского степного пояса, часто имело место «раздвоение» территории. Она делилась на две части-крыла (обычно западную и восточную) с особым правителем в каждой из них. Феномен деления на крылья уже неоднократно подвергался анализу, отмечалось широкое распространение этого явления в истории — и не только кочевников. Среди факторов, приведших к возникновению такой дуально-фратриальной системы. Историческую стадию родового строя прошло в свое время большинство средневековых народов — создателей государств, чем и объясняется широкая распространенность двухкрылой структуры (см., например, [Агаджанов, 1969, с. 103—104; Гуляев, 1976, с. 201—202; Золотарев, 1964, с. 119, 121, 148, 220, 291; Исапов, 1969, с. 113—114; История первобытного общества, 1988, с. 424; Сухбаттар, 1973, с. 111; Толстов, 1935, с. 32; 1938, с. 76—77]). Кроме того, выдвинуто еще несколько версий происхождения крыльев: деление территории государства на два крыла родилось из военно-организационных форм — разделения племенных ополчений на правое и левое крылья [Бернштам, 1946, с. 112; Жуковская, Стратанович, 1985, с. 274; Стратанович, 1974, с. 230]; раздел территории на несколько частей был вызван необходимостью управления огромными завоеванными территориями, что было не под силу одному центральному правительству [Golden, 1980, с. 100—101]; формирование системы крыльев явилось результатом противоречия между династическим наследованием трона (от отца к сыну) и родовым, когда престол переходил к

старшему члену правящего рода [Гумилев, 1967, с. 58; Насонов, 1940, с. 29—30]; система крыльев была заимствована у оседлых соседей [Samolin, 1957, с. 147]; образование двухполовинной конструкции государства являлось следствием межродовой и межплеменной борьбы. Более слабые племена, попадая в зависимость от сильных, занимали в улусе положение младшего, левого крыла; соответственно господствующее племя и его ближайшие союзники составляли правое крыло [Карагодин, 1984, с. 26—27; Успенский, 1880, с. 75]; наконец, назывался географический фактор образования крыльев: если на территории расселения племени находилась какая-нибудь естественная преграда (река, овраг и т. п.), то это могло породить его раздвоение [Alföldy, 1943, с. 512].

Обозначающие двухкрыльную структуру термины, вводимые различными авторами, концентрируются вокруг понятий «двойной», «дуальный»: двойная монархия (А. Альфёльди, П. Голден, Р. Груссе, Д. Данлоп, О. Прицак, Б. Шпулер и др.), дуализм (В. В. Бартольд, Х. Франке⁹², Э. Шаванн), двосвластие (В. А. Гордлевский, А. И. Насонов, С. А. Плетнева), двойственность власти (А. М. Золотарев). Отношения между предводителями крыльев мы обозначим понятием «соправительство», которое отражает факт одновременного правления двух государей в разных частях державы⁹³.

СОПРАВИТЕЛЬСТВО

Во всех касавшихся соправительства работах рассматривалось действие данного института до XIII в. О Монгольской империи упоминалось вскользь, и авторы, как правило, ограничивались общей констатацией наличия в ней признаков соправительства. Из авторов, специально посвящавших свои труды средневековой монгольской истории, вероятно, только Б. Шпулер уделит внимание этому институту государственности. Он признавал, что соправительство, часто практиковавшееся в ранних тюркских ханствах, встречалось и у Чингисидов, но лишь как спорадическое, эпизодическое явление в улусах Джучидов и Хулагуидов XIV—XV вв. [Spuler, 1943, с. 64—65]. Поскольку соправительственные отношения имели место в большинстве крупных политических образований номадов (см. Приложения, табл. I), то мы вправе считать такие отношения присущими государственному строю кочевников, традиционными для него. И эта традиционность соправительства побуждает искать признаки его в державе Чингисхана и ее улусах.

Ханствование равновеликих по значению государей каждый раз объясняется в источниках стечением обстоятельств, перипетиями борьбы в правящем роде, победами и поражениями враждовавших группировок Чингисидов. При отсутствии непосредственной информации об интересующем нас институте оста-

ется другой путь — выявить в истории монгольского государства XIII в. период сосуществования нескольких сюзеренов, два из которых признавались бы старшими над остальными. А затем определить общие черты отношений между этими парами правителей и сравнить с подобными явлениями в предыдущих кочевых державах.

Соправительство каана и старшего хана западных улусов

Естественно было бы ожидать первых акций по установлению соправительства от основателя империи. Действительно, в источниках есть сведения об этом.

Чингисхан — Джучи, 1225—1227. В «Алтан тобчи» Лубсан Данзана описывается раздача уделов Чингисханом сыновьям и восначальникам в 1225 г., по возвращении из западного похода. К Джучи и Чагатаю отец обращается со словами: «Я отправляю вас, отделяя так, как отделил бы половину своего дома, половину своего тела» [Лубсан Данзан, 1973, с. 229]. Джучи были отданы в управление Хорезм и Кыпчакская степь, Чагатаю — Мавераннахр и Семиречье; все это расценивалось как «половина дома». Другая «половина», стало быть, — Монголия, Маньчжурия, Уйгурия и Южная Сибирь. Право наместника над западными землями предоставлялось Чингисову первенцу, Джучи. Каган говорил ему: «В чем согласие между отцом и сыном? Ведь не тайком отправляю я тебя [так] далеко, [а для того], чтобы ты управлял тем, чем я овладел. Чтобы сохранил ты то, над чем я трудился. Отделяю тебя, чтобы стал ты опорой половины моего дома, половины моей особы» [Лубсан Данзан, 1973, с. 232]. Чагатаю же, судя по «Алтан тобчи», ничего подобного сказано не было. Значит, Джучи признан старшим правителем западной части государства, обязанным сохранять завоеванные земли и управлять ими. А Чагатай подчинен брату, поскольку также выделен в западную «половину дома»⁹⁴.

Джучи скончался в 1227 г., незадолго до смерти Чингиса. Перед каганом снова встал вопрос о соправителях. Но теперь, уже смертельно больной, он исключил себя из их числа и на будущее определил соуправление двух старших царевичей⁹⁵. Об этом известно из сочинения Хондемира «Хабиб ас-сийар».

Угедэй — Чагатай, 1229—1241. Назначив Угедэя своим преемником и выделив Чагатаю удел, Чингисхан вручил Чагатаю же «договор Кабул-хана с Каджули-бахадуром, скрепленный алой тамгою Тумене-хана» [Хондемир, 1954, с. 47]. Комментариев к этой сцене Хондемир не дает и в последующем описании истории Чагатаидов на этот договор не ссылается. Но суть его изложена в повествовании о предках Чингисхана. Прадед его, Кабул (Хабул в монгольских источниках), со своим братом-близнецом Каджули (Сэмсэчүлэ, Хам Ханула) заключили до-

говор, по которому «ханствование будет, бесспорно, закреплено за Кабулом и потомками его, а Каджули с потомством станет эмиром и предводителем войск. По этому поводу подписали договор, который заверили тамгой Тумене-хана», их отца [Тумбишай-сэчэн] [Хондемир, 1954, с. 14]. Напрашивается параллель между этими полубогатырскими событиями и инвеститурой Чагатая и Угедэя. Угедэй назначается кааном, а Чагатай получает удел, видимо, так же, как и Каджули. Несмотря на то что последний становился «предводителем войск», Тумене предрекал, что потомки близнецов долгое время будут править «каждый на своей земле» [Хондемир, 1954, с. 14]. Получается, что Чингис, вручив сыновьям договор-завещание предков, санкционировал раздвоение империи при подчинении западной ее части как каану, так и наместнику.

В 1229 г. Угедэй при активном содействии старшего брата встал во главе империи. Чагатай же в своих среднеазиатских владениях был полновластным государем, но не помышлял об отделении, сообщал каану о всех делах своего улуса. Более того: «Каан... совещался с Чагатаем о всех значительных делах и не начинал их без его совета и одобрения» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 96].

Выделим общие моменты в сообщениях Лубсан Данзана, Хондемира и Рашид ад-Дина: а) государство разделяется на восточную и западную части, половины; б) правитель западной части подчинен правителю восточной (Джучи — Чингисхану, Чагатай — Угедэю); в) функции западного правителя — управление населением и командование войсками; г) у западного наместника нет права на трон; д) соправители являются близкими родственниками (отец и сын, затем родные братья). Такое положение сохранялось до смерти Угедэя в 1241 г., т. е. длилось 12 лет. Но если соправительство не только было завещано Чингисханом, но и коренилось в самой кочевой государственности, то должны были найтись новые соправители.

После Чагатая сюзеренитет над западными землями по старшинству перешел к потомству покойного Джучи⁹⁶: в улусе воцарился его сын Бату. Косвенным подтверждением тому служит свидетельство русской летописи: во время нашествия на Южную Русь «Куякъ... возвратися вспять, увѣдѣвъ смерть канову. Канъ же бысть не от роду Батыева, но (Батый.— В. Т.) пръвый бѣ и великий воевода его» [Патриаршая летопись, 1965, с. 116]⁹⁷. На примере Каджули-бахадуря мы показали и в дальнейшем еще не раз убедимся, что соправители действительно считались «первыми и великими воеводами», главными военачальниками, фактически не являясь таковыми. Ведь и Бату был вовсе не главнокомандующим при верховном правителе, но формально одним из улусных ханов.

Гуюк — Бату, 1246—1248. В Каракоруме с 1246 г. стал царствовать Гуюк. Отношения между ним и Бату сложились враждебные, тем не менее по некоторым данным можно судить, что

соправительство осуществлялось именно этими двумя ханами. Так, Плано Карпини передавал, будто «Бату наиболее могуществен по сравнению со всеми князьями Татар, за исключением императора, которому обязан повиноваться» [Путешествия, 1957, с. 69]. И доминиканцы миссии Асцелина были убеждены, что, несмотря на наличие в империи полновластного каана, хан-Джучид являлся «правителем татар главнейшим» [Saint Quentin, 1965, с. 93]. Имя его почиталось в далеком от Сарая Хорасане, где из всего множества Чингисидов европейским послам называли в качестве верховных, с точки зрения монголов информаторов, владельцев Гуюка и Бату (да еще местного военачальника-нойона) (см. [Собрание, 1825, с. 223; Saint Quentin, 1965, с. 95]).

О времени правления Гуюка пишет Джузджани: «Все вельможи и вожди мугальских войск повиновались Бату и обычно смотрели на него так же, как на отца его Туши (т. е. Джучи.— В. Т.)» [Tabakat-i-Nasiri, 1964, с. 176]. Более определенно статус Бату выражен Киракосом Гандзакецци. Хронист рассказывает о посольстве грузинской царицы Русудан с предложением своего подданства к татарскому военачальнику, «которого звали Бату, командовавшему войсками, находившимися на Руси, в Осетии и Дербенте, поскольку тот (т. е. Бату.— В. Т.) был вторым после каана лицом. И он велел ей воссесть в Тифлисе, и [татары] не стали противодействовать этому, так как в эти дни умер хан» [Киракос, 1976, с. 181]. Умершим ханом (Русудан называет его «хака») мог быть только Гуюк, потому что во время смерти Угедэя Бату отсутствовал в улусе, так как восеял в Центральной Европе, а во время смерти Мункэ (1259 г.) его самого уже не было в живых.

Даже из этих отрывочных данных можно сделать выводы об особом статусе джучидского хана, его подчиненности только каану и распространении его власти и влияния на определенную часть западных территорий империи. Источники умалчивают о том, признавался ли Чагатай старшим государем в землях Джучидов, а Бату позднее — в Чагатаевом улусе. Известно, что при Угедэе ставленники каана и Чагатая, хорезмийцы Махмуд Ялавач с сыном и Куркуз, управляли Китаем, Мавераннахром и покоренными к тому времени областями Ирана «от Хорасана до границ Рума и Диярбекра» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 64]. Но их полномочия не распространялись на территории Джучидов за Джейхун (Амударью). Более определенные отношения между соправителями вырисовываются в период царствования Мункэ.

Мункэ — Бату, 1251—1255. После смерти Гуюка монгольская знать в соответствии с ритуалом предложила престол Бату как старшему Чингисиду (о подобных предложениях как части обряда упоминалось в разделе о порядке воцарения). Тот церемонно отказался, ссылаясь на то, что у него и без того достаточно земель и «управлять ими, да еще владеть и править

государствами Чина, Туркестана и Аджама было бы невозможно» [Tabakat-i-Nasiri, 1964, с. 179]. Поэтому он предложил посадить на царство своего младшего кузена — Мункэ. «Мангу-хан... взошел на престол Чина и верхнего Туркестана» [Tabakat-i-Nasiri, 1964, с. 180], т. е., во-первых, стал управлять странами, от которых «отказался» джучидский хан; во-вторых, «престол» Мункэ не считался престолом Дешт-и Кыпчака и других западных регионов. Таким образом, вновь возникает мысль о существовании двух престолов монархов-соправителей.

Конечно, полностью суверенным ханом Батый не был: каан назначал в русские княжества своих фискальных чиновников, регламентировал финансовые расходы сарайского двора (см. [Иакинф, 1829, с. 319—320, 331]). Насколько можно судить по сообщениям Г. Рубрука, Золотая Орда не имела права устанавливать дипломатические отношения без ведома центрального правительства, задерживать послов в Монголию, так как «Мангу-хан есть главный в мире Моалов» [Путешествия, 1957, с. 120, 180]. Но тот же Рубрук цитирует каана: «Как солнце распространяет повсюду лучи свои, так повсюду распространяется владычество мое и Бату» [Путешествия, 1957, с. 141]. Путешественник заметил, что во владениях Мункэ посланцам Бату оказывалось даже больше почета, чем каанским эмиссарам в землях Джучидов [Путешествия, 1957, с. 126]. Именно свидетельство этого источника позволили П. Джексону увидеть в отношениях двух ханов «нечто вроде condominiumа» [Jackson, 1978, с. 186], а В. В. Бартольд назвал 50-е годы XIII в. «эпохой дуализма» в Монгольской империи [Бартольд 1963, с. 561]⁹⁸.

Мы видели, что Бату не причислял к своим владениям чагатайский Туркестан и Аджам (иранские территории, управлявшиеся тогда эмиссарами из Каракорума). Значит, к 1251 г. его приоритет распространялся лишь на улус Джучи. Однако начало каанствования Мункэ отмечено расправой с царевичами-Чагатаидами. Их земли были поделены между верховным ханом и Золотой Ордой. После этого в империи оказалось не только два государя, но и два территориальных подразделения, две половины.

Для вступления каанского приказа в силу на западе требовался его дубликат от Бату. По данным Киракоса, Мункэ даровал армянскому царю Гетуму I «указ с печатью, дабы никто не смел притеснять его и страну его», а Гетум послал гонца с этим указом к Бату, «дабы и тот написал указ в соответствии с грамотами [хана]» [Киракос, 1976, с. 224, 225]⁹⁹. И это естественно: Армения принадлежала к западной части империи и потому находилась в подчинении правителя западных земель. Сельджукские принцы в 1240—1250 гг. тоже обменивались послами с Сарасем, использовали тамошнего правителя в качестве арбитра при своих междоусобных спорах, хотя за ярлыками ездили в Каракорум [Ibn Bibi, 1959, с. 236—237, 253, 258, 262,

279—280 и сл.; Ta'rikh, 1912, с. 22]. Сведения об активных связях Бату с иноземными владетелями в общем противоречат данным Рубрука о внешнеполитической несамостоятельности джучидского хана.

Существование двух частей империи отражалось и в фискальной политике. По сообщению Киракоса, в 1254 г. Мункэ поручил одному из своих приближенных, Аргуноу, вместе с представителем «рода Батыя» Тора-агой произвести перепись податного населения империи [Киракос, 1976, с. 221]. Рашид ад-Дин тоже упоминает об этом событии, и хотя умалчивает о золотоордынском коллеге Аргуна, но пишет, что главному переписчику был придан в помощь Али-Мелик, наместник Исфахана и Нишапура, т. е. все же деятель из региона к западу от Джейхуна [Рашид ад-Дин, 1960, с. 141]. Эта река уже дважды упомянута мною в разговоре о соправительстве — и не случайно.

Принципиальность проведения рубежа по Джейхуну была продемонстрирована в начале войны против халифа. Бату по наущению брата, мусульманина Берке, остановил посланные кааном в Ирак войска Хулагу на правом берегу Амударьи. Два года они не двигались с места: возвратиться не позволял приказ Мункэ, а переправу запретил посол из Сарая. Только после смерти Батыя (1255), вняв настоятельным просьбам Хулагу, каан распорядился продолжать поход [Mongolische Weltreich, 1958, с. 101—102]. В этой потенциально конфликтной ситуации верховный хан в течение нескольких лет не вмешивался в ход событий, признавая тем самым законность действий соправителя, его созеренитет на всех землях за Джейхуном.

Я умышленно привожу сведения о диархии Мункэ—Бату без комментариев относительно функций соправителя, потому что они четко изложены в армянских источниках о Сартаке — сыне и преемнике Бату на джучидском престоле.

Мункэ — Сартак, 1255. Киракос пишет: Мункэ «возвеличил его (Сартака.— В. Т.) и воздал ему великие почести: передал ему власть отца его — командование всеми войсками, а также [владение] всеми покоренными им (Батыем.— В. Т.) княжествами; затем, назначив его вторым [человеком государства] и дав право издавать указы как властелину, отпустил его воевать» [Киракос, 1976, с. 226]. В летописи Себастиана говорится: Мункэ «почтил его (Сартака.— В. Т.) и отдал ему власть отца, признав вторым правителем после себя» [Армянские источники, 1962, с. 27]. В «Истории Вардапа»: «По повелению Мангу Хана к нему (Сартаку.— В. Т.) перешли все владения отца его, даже с прибавлениями» [История монголов, 1873, с. 11]. Во всех этих источниках подтверждается статус западного хана; сначала таковым был Бату, теперь стал Сартак. Данный статус предусматривал: положение второго правителя после каана (лично Сартаком ничем не заслуженное, в отличие от отца); управление западной частью империи; командование

тамошними вооруженными силами; право автономного законодательства. Вероятно, хан-Джучид мог издавать указы по любому вопросу внутренней жизни подвластных ему регионов, лишь бы они не противоречили ясе и распоряжениям столичной администрации.

Как известно, Сартак умер, едва успев воспользоваться этими прерогативами. В Сарая воцарился его дядя Берке.

Мункэ — Берке, 1255—1259. В эти годы начал складываться улус Хулагу в Иране и Месопотамии, в 1258 г. монголы захватили Багдад. Хулагу был родным братом Мункэ и именно им был поставлен во главе армий в Иране с присвоением титула ильхана. Однако с географической точки зрения будущее царство ильханов принадлежало к западной половине монгольской державы и, следуя логике предыдущих событий и разобранных выше отношений, должно было подчиняться еще и Берке. На этот счет в источниках есть следующие данные. Рашид ад-Дин передает, что Берке «непрестанно слал гонцов к Хулагу-хану, проявляя свою власть. Оттого что Берке был старшим братом, Хулагу-хан терпел» [Рашид ад-Дин, 1946, с. 59]. Едва ли только пиететом перед старшим родственником объясняется такая покладистость Хулагу, ведь в источнике говорится о власти Джучида над ним, что дает основание считать монгольских правителей на Среднем Востоке подданными не только каана, но и золотоордынского хана. К той же мысли приводит и распределение аббасидских сокровищ после разгрома Багдада: часть их увезли в Каракорум, часть должна была отправиться на Волгу, остальное поступало в распоряжение Хулагу (см. [Tabakat-i-Nasiri, 1881, с. 1256—1257])¹⁰⁰. Значит, главенство Берке проявлялось в распоряжениях, передаваемых младшему Чингисиду, и в праве на долю трофеев. Но признавался ли сюзеренитет правителя Сарая в ильханских землях? По сообщению Джузджани, «в странах Аджама, Мавераннахра и Хорасана хутбу читают Барка-хану» [Tabakat-i-Nasiri, 1964, с. 218]. А так как хутба (торжественное произнесение имени правителя в молитве) провозглашалась только в честь верховного государя, то ясно, что перечисленные Джузджани регионы (территории Чагатаидов и Хулагу) признавали таковым Берке. Причем такая хутба читалась в ильханском улусе и позже. По сообщению арабского историка XIII в. Ибн Халдуна, «Хулагу и те, кто был после него, считали себя наместниками царя Сарая, а когда утвердился стопа Газана (т. е. с 1295 г. — В. Т.), то он (Газан. — В. Т.) прекратил [доставлять] то, что доставлялось им, посвятил себя зикру и хутбе, отчеканил монету со своим именем...» (цит. по [аль-Холи, 1962, с. 36])¹⁰¹. Аль-Холи считает, будто еще до взятия Багдада у Берке с Хулагу началась вражда, поэтому последний никак не мог быть «наместником царя Сарая», и «высказывание Ибн Халдуна ничего не дает для понимания взаимоотношений между двумя татарскими государствами» [аль-Холи, 1962, с. 36—37]. Од-

нако с учетом всех приведенных сведений представляется, что это высказывание как раз подтверждает формально-вассальный характер связи ильханов с Джучидами (формально — потому что Берке и Хулагу на самом деле стали смертельными врагами). И наконец, судя по словам Джузджани, Берке считался сюзереном не только своих и ильханских земель, но и чагатайского Мавераннахра.

Таким образом, в 50-е годы XIII в. соправительство осуществлялось кааном и домом Джучи по линии Бату и Берке, и «до конца его (Батыя.— В. Т.) жизни, а после смерти во времена Сартака и Улагчи¹⁰² и большую часть времени Берке между домами Тулуй-хана и Бату был проторен путь единения и дружбы» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 81].

Хубилай — Алгу — Хулагу — Берке, 1260—1265 (1266?). В 1260 г. новый каан, Хубилай, только что одержавший победу над братом-соперником Арыг-бугой, поддержанным Берке, обратился с посланием к ханам улусов: «В областях смута. От берегов Джейхуна до ворот Мисра (Египта.— В. Т.) войском монголов и областями тазиков должно тебе, Хулагу, ведавать и хорошо охранять... С той стороны Алтая и до Джейхуна пусть охраняет и ведает улусом и племенами Алгу (внук Чагатай.— В. Т.), а с этой стороны от Алтая и до берегов моря-океана я буду охранять» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 162]. Это не просто подтверждение незыблемости улусной системы, поскольку Хубилай не оговаривает свою верховную власть над империей. Ее территория делится на «зоны охраны», одну из которых оставляет за собой каан. Хубилай не упоминает золотоордынского правителя, господство которого в северо-западной части державы прочно и неоспоримо. Но налицо попытка изъять из-под юрисдикции Берке земли ильханов (Иран, Месопотамию и Армению), а также Мавераннахр, утвердив Алгу в правах улусного хана. При этом разделение «половин» остается прежним — к востоку от Алтая царствует каан, а на западе, по его предложению, оказывается двое равных соправителей, да еще ханствовавший в улусе Джучи Берке. Такая ситуация сохранялась, видимо, пять лет — до смерти Алгу (1265 или 1266), так как следующий чагатайский хан был избран без каанского ярлыка, а свергнувший его ставленник Хубилая Барак сразу начал войну с Каракорумом.

Уже из неординарного числа соправителей (четыре вместо двух) можно сделать вывод о разложении империи. В последней трети XIII в. происходило необратимое центробежное отделение улусов, оформление их самостоятельной государственности. Вскоре Еке Монгол улус прекратил существовать как единое целое, и вести речь о соправительстве в рамках всей державы Чингисидов после 1260 г. не имеет смысла.

Получило ли соправительство терминологическое оформление, специальную титулатуру? По словам Лубсан Данзана, Чингисхан поставил Джучи «главным даругачи над кыпча-

ками» [Лубсан Данзан, 1973, с. 230]. Армянские средневековые историки приписывали Бату звания «великого военачальника», «главного военачальника Севера», «великого властителя Севера»; Киракос однажды обмолвился о нем так: «носивший титул царского отца» [Армянские источники, 1962, с. 27; Киракос, 1976, с. 217, 221, 222]. Все эти титулы и эпитеты употреблены по отношению к конкретным лицам и не встречаются у их преемников, поэтому нельзя видеть в приведенных словах термины, обозначающие соправительство¹⁰³. Вероятно, таких терминов просто не было: выше приводились высказывания Бар Эбрея и Джувеини об отсутствии у монголов развитой титулатуры. Категорично отрицать факт ее применения, конечно, не следует — среди монгольской знати мы встречаем мергенов и багатуров, гованов и ильханов. Но, может быть, в отношении «второго человека государства» такие ограничения имели смысл во избежание сепаратизма на западе. Получается, что соправители в империи были, но особых званий, отражающих эту функцию, не имели¹⁰⁴. Поэтому мы введем для них понятие «старший хан западных улусов», каковыми действительно являлись один за другим Джучи, Чагатай, Бату, Сартак, Берке и, возможно, Алгу вместе с Хулагу.

Соправительство в улусах

Улус Хулагуидов. Источники не упоминают соправителей ни у Хулагу, ни у его преемников. Может быть, на улусном уровне их и не могло быть? Но вот что рассказывает Марко Поло. Перед сражением со своим племянником и претендентом на престол Аргуном ильхан Текудер-Ахмед обратился к войску: «Вы знаете, почему я должен быть владыкою всего того, чем Абага (прежний ильхан. — В. Т.) владел: потому что я сын того же отца (имеется в виду Хулагу. — В. Т.), что и он, и покорял те области и царства, чем он владел. Правда, Аргон — сын брата моего Абага, но никто не скажет, что ему принадлежит владительство... Отец его владел всем этим, как вы знаете; справедливо, чтобы после его смерти стало моим и все то, половиною чего и при жизни его я должен был бы владеть, но по доброте отдал я ему все владительство» [Книга Марко Поло, 1955, с. 217].

В ханской речи выделим следующие моменты: ильханы Абага и Текудер-Ахмед — родные братья; Текудер, не царствуя, имел право на половину улуса («должен был бы владеть»); Текудер отказался от нее «по доброте». Следовательно, о соправительстве знали и помнили, но не реализовали. По доброте ли? Сомнительно: как мы видели, соправители на главный престол не допускались, довольствуясь владычеством в своей половине государства. Видимо, Текудер-Ахмед отказался от законных прав, стремясь стать ильханом после смерти стар-

шего брата. Следует учесть еще одно обстоятельство. Ведь этот улус до Газан-хана был формально включен в систему соправительства каана и старшего хана западных улусов. Двойное подчинение не позволило ильханам оформить свои владения по старым традициям кочевого суверенитета, т. е. учредить институт двух правящих ханов.

Юань. В Юаньской империи — обособившейся в 60—70-х годах XIII в. части державы Чингисидов в Монголии, Китае, Тибете и Корее — соправительство было заметнее. Император-каан имел резиденцию в Ханбалыке (Китай), а Монголия отдавалась в управление двум лицам — наследнику престола (хуан-тайцзы) и «князю по происхождению» (цзинь-ван). Назначение будущего правителя в домон диктовалось практическими соображениями — приучением его к управлению и предотвращением попыток борьбы за престол со стороны местных Чингисидов (см. [Далай, 1983, с. 62]). Присмотримся ко второй фигуре — цзинь-вану («джинонг» в монгольском произношении). Именно он являлся реальным правителем Монголии, хотя был рангом ниже наследника. Первым джинонгом стал назначенный в 1292 г. на этот пост Хубилаем его внук Гаммала, о котором Рашид ад-Дин сообщает как о наместнике Монголии (Каракорума, Онона, Керулена, Кэм-Кэмджиута, Селенги, Баялыка, «великого заповедника Чингиз-хана») [Рашид ад-Дин, 1960, с. 206—207]. Примерно то же говорится в «Юань ши»: «Вы (Гаммала.— В. Т.) по положению цзинь-вана управляли четырьмя великими орду Чингис-хана и всей территорией государства, где ступали копыта коней [наших] воинов, и совершили десять тысяч подвигов» (цит. по [Далай, 1983, с. 63]). Джинонгами за всю юаньскую историю были только три человека: Гаммала, его сын Есун-Тэмур и сын последнего, Бади-ма-иргэлбу (или Бадам-рэгджибу) [Gombojab, 1978, с. 298—299]. Есун-Тэмур, пережив в своей должности четырех императоров, сам сел на престол (1324—1328). После его таинственной смерти, одновременной с кончиной сына-джинонга, соправители в «Юань ши» не упоминаются.

Итак, джинонг — это наследственная должность; он управлял северной частью империи и подчинялся каану; первый джинонг был младшим родственником государя-основателя империи. Должность джинонга не давала права на наследование престола; для этого был принц хуан-тайцзы, а воцарение Есун-Тэмюра — узурпация. Статус джинонга совпадает со статусом общемперских западных соправителей. Существенное отличие между джинонгом и старшими западными ханами заключалось в том, что под властью цзинь-вана находился северный, а не западный регион. Но это кажется юаньской модификацией, так как позже, в XV—XVII вв., в Монголии джинонги являлись владельцами западных земель (правого крыла) ханств, подчиненными хаганам — восточным правителям, начальникам левого крыла (см. [Владимирцов, 1934, с. 143—144]).

Улус Джучи. Лубсан Данзан пишет, что при определении удела для Джучи, кроме провозглашения его правителем западной половины государства, Чингисхан назначил «[для управления] землею оросутов и чэркисутов Хукин-нойона... [со словами]: „Отдели западную сторону владения Джочи!“» [Лубсан Данзан, 1973, с. 232]. Далее о судьбе Хукин-нойона ничего не говорится. Скорее всего приказ Чингиса тогда не был реализован: в 1225 г., когда он отдавался, Северный Кавказ (чэркисуты) и русские княжества еще не покорились монголам, а начавшиеся в середине 30-х годов XIII в. войны в Восточной Европе велись под руководством сыновей Джучи и полководца Субедэя¹⁰⁵. Но сейчас важно отметить, что сам Чингис заложил основы раздвоения Джучиева улуса. В восточной его части предполагалось ханствование царевича со ставкой «в пределах Ирдыша» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 78], в западной же — правление наместника, подчиненного держателю улуса (так как речь шла не о наделении Хукин-нойона самостоятельным уделом, а лишь об отделении части владения старшего Чингисида)¹⁰⁶. Эта же система закрепились среди потомков Джучи.

Улус был поделен между старшими сыновьями Джучи — Орду-эдженом и Бату. Остальные Джучиды оказались распределенными между этими крыльями — правым, западным (Ак, т. е. Белая Орда) и левым, восточным (Кок, т. е. Синяя Орда)¹⁰⁷. В каждой из Орд был свой хан. Отношения между ними мы и попытаемся рассмотреть.

Прежде всего следует отметить фактическое равноправие этих линий Джучидов: правители обоих крыльев являлись каждый «самостоятельным государем своего улуса» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 66]. Это же отмечал Марко Поло, упоминая о Кончи, влике Орду-эджена: «Царь их (т. е. татар Синей Орды. — В. Т.) никому не подвластен, хотя он из рода Чингисхана, то есть императорского, и близкий родственник великого хана (каана)» [Книга Марко Поло, 1955, с. 225]. Как эта неподвластность воспринималась, например, первыми ханами Сарая, которые, кроме управления западными Джучиевыми землями, были признаны старшими ханами всех западных улусов? Выше приводилась информация Джузджани об отказе Бату от каанского трона в 1251 г. Цитирую: «Я и мой брат, который есть Барка, обладаем [уже] столь большой властью и уделом в этой части [империи]...» и т. д. [Tabakat-i-Nasiri, 1964, с. 179]. Ссылка на Берке выглядит неестественно, так как, насколько известно, последний не претендовал на какое-либо исключительное место в Золотой Орде в период ханствования старшего брата, являясь одним из «рядовых» царевичей-Джучидов. Резоннее было бы видеть на его месте в данном тексте Орду-эджена. Едва ли Джузджани разбирался в тонкостях структуры улусов и крыльев монгольского государства, и пояснение: «который есть Барка» — представляется домыслом автора, считавшего Берке

могучим владыкой еще до его воцарения. О существовании соправителя в лице Орду-эджена Джузджани, судя по его сочинению, и не подозревал.

И Рашид ад-Дин, и Марко Поло называют правителей левого крыла государями, ханами, уравнивая их в статусе с домом Бату. Самостоятельность восточных Джучидов проявлялась и во внешнеполитических (точнее, междулусных) отношениях. Во времена жестокой борьбы Берке и его преемников с Хулагуидами внук Орду-эджена, Кончи, и правнук Баян не только не враждовали с ильханами, но и «беспрестанно» слали к ним гонцов «с изъявлением любви и искренней дружбы» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 67].

По обычной схеме западная половина державы должна быть «младше». Действительно, Мункэ, направляя ярлыки Джучидам, писал имя Орду впереди, признавая его старшинство [Рашид ад-Дин, 1960, с. 66]. То же, вероятно, имел в виду и Карпини, пазывая Орду-эджена «старшим над Бату» [Путешествия, 1957, с. 73]. Но в северо-западном улусе Монгольской империи произошло смещение понятий о старшинстве ханов настолько, что у потомков Орду «был такой обычай, что они признают царями и правителями своими преемников Бату и имя их пишут на ярлыках своих сверху» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 66]. По мнению Г. А. Федорова-Давыдова, это свидетельствует, с одной стороны, о вассальной зависимости одной линии Джучидов от другой, но выражавшейся лишь во внешнем почитании золотоордынского хана, с другой — о фактической неподчиненности восточного удела Ак-Орде [Федоров-Давыдов, 1973, с. 57]. Причина — в конкретной ситуации усиления Батыя и приобретения им статуса старшего хана западных улусов. И после прекращения каанско-джучидского соправительства Кок-Орда «по инерции» оставалась подвассальной Сараю. Это выражалось, в частности, в утверждении восточных ханов белоордынским ярлыком, приездах их по вызову в волжскую столицу, участии в курултаях; все это у Натанзи названо «большой дорогой службы», «повиновением и подчинением» государям Ак-Орды [Рашид ад-Дин, 1960, с. 68, 130; Тизенгаузен, 1941, с. 129].

В разобранные выше параметры соправительства вполне укладывается сосуществование ханов Белой и Сипей Орд. Но и оно не было последней ступенью раздвоения улусного управления у Джучидов.

Хан и беклярибек в Белой Орде улуса Джучи. В исследованиях последнего времени утвердилось мнение о беклярибеке как о главе военно-улусного ведомства Золотой Орды, главнокомандующем ее армией. Кроме того, являясь вторым после хана лицом, он ведал дипломатическими сношениями и был наделен высшей судебной властью (см. [Егоров, 1985, с. 170—171; Федоров-Давыдов, 1978, с. 29]). Беклярибек — старый титул; у огузов в IX—X вв. его давали командирам крыльев (бег-

дер-бег), он существовал в государстве Великих Сельджуков (бейлербей, амир ал-умара). В XIII—XIV вв. это звание носил старший из четырех улусных эмиров хулагуидского Ирана, распорядившийся «единолично в деле войсковом» (см. [Тизенгаузен, 1884, с. 249; Хатиби, 1985, с. 22; Mongolische Weltreich, 1958, с. 153; Spuler, 1955, с. 400]).

О Ногае, первом обладателе этого титула в Ак-Орде, источники пишут как о главном предводителе войск при Берке (см. [Тизенгаузен, 1884, с. 101, 360, 434]). Но что характерно — только при Берке. Информация Казвини о том, что Ногай был начальником войска (эмир-и лашикар) улуса до Тохты и при нем [Тизенгаузен, 1941, с. 91], вовсе не подразумевает общеполномочий (тогда Ногай был бы назван «амир ал-умара»). Едва ли можно утверждать, что Ногай, как и его «коллега» в Иране, реально имел под началом все вооруженные силы улуса. Хан Тула-буга в 1285 г. «отправился с войсками своими в землю Краковскую... Он послал также к Ногаю, приказав ему двинуться с находящимися у него войсками... Ногай отправился с теми десятками тысяч, которые были у него» [Тизенгаузен, 1884, с. 106, 156]. Постоянные ли это воинские формирования или же выделенные Ногаю перед походом? Постоянные, так как Ногай ведал правым крылом белоордынского улуса (см. [Рашид ад-Дин, 1960, с. 105]). На этот факт обратил внимание уже Г. А. Федоров-Давыдов. Он обнаружил разделение Ак-Орды при хане Мункэ-Тэмуре (1266—1282) на крылья — левое, восточное, во главе с ханом (значит, старшее), с главным военачальником Маву, командиром армии крыла, и правое, западное, во главе с Ногаем и его военачальником, командиром армии крыла Тайра [Федоров-Давыдов, 1973, с. 58—60]. Спрашивается: зачем главнокомандующему улусных войск, каковым якобы являлся Ногай, еще один военачальник? Зачем военачальник хану, у которого армией будто бы командовал беклярибек?

В том-то и дело, что в Белой Орде, скорее всего при развале империи — как раз в период ханствования Мункэ-Тэмуре, сформировалось соправительство. А при отсутствии особой титулатуры соправитель довольствовался не совсем уместным званием главного ханского полководца. Такое же положение было у хондемировых Кубль-хана и Каджули-бахадур, а также у Бату в 1241—1242 гг., у первых ханов джучидских крыльев, первых Джучидов: по словам Вассафа, «Бату сделался наследником царства отцовского, а четыре личные тысячи Джучиевы... составлявшие более одного тумана живого войска, находились под ведением старшего брата, Хорду» (цит. по [Тизенгаузен, 1941, с. 84—85]). Хотя, как мы видели, Орду-эджен в равной степени мог быть назван наследником главы улуса¹⁰⁸.

Раз Ногай был главой правого крыла, то он должен был иметь удел «справа» — на западе. Западные границы Золотой Орды примыкали к Византии, поэтому именно ромейские писа-

тели обрисовали пределы владений Ногай. Эта информация была обработана Н. И. Веселовским и В. Л. Егоровым; по их мнению, под управлением первого беклярибека находились Крым, заднепровские области и левобережье Дуная (см. [Веселовский, 1922, с. 23; Егоров, 1974, с. 40]). Причем Георгий Пахимер прямо называет подданных Ногай западными тохарцами, в отличие от просто тохарцев во главе с ханом [Георгий Пахимера история, 1862, с. 165, 211]. Другие источники также упоминают территории и подданных, находившихся под управлением Ногай. Эмиры, недовольные ханом Тохтой, ушли к Ногаю, который отвел им места «на своей земле»; для обсуждения ханских приказов он собирал «старейшин своего народа и советников своих». Значит, у Ногай были свой улус и своя армия. Он и сам говорил о своем царстве и войске [Рашид ад-Дин, 1960, с. 86; Тизенгаузен, 1884, с. 110].

Теперь посмотрим, каким образом пост беклярибека, начальника правого крыла, соотносился со званием хана. Напомним, что Ногай — Чингисид по линии Мувала, седьмого сына Джучи. Исследователи вслед за Н. И. Веселовским отказывают Ногаю в праве на престол из-за того, что его прадед Мувал был якобы побочным сыном [Веселовский, 1922, с. 39; Греков, Якубовский, 1950, с. 86; Егоров, 1974, с. 40—41; Закиров, 1966, с. 63]¹⁰⁹. Только С. Закиров обосновал свое мнение ссылкой на источник (Рашид ад-Дина). Но в указанном С. Закировым месте «Джами ат-таварих» хронист просто перечисляет потомков Джучи, ни слова не говоря об ущемлении в правах кого-либо из них, не разделяет царевичей на «законных» и «незаконных» (см. [Рашид ад-Дин, 1960, с. 75—76]). Другое дело, что престол был закреплен за домом Бату, однако в таком случае надежды на царствование не было не только у ветви Мувала, но и у других Джучидов, кроме Орду-эджена и его потомства в Сирий Орде. Может быть, Мувалу и отпрыскам его было поручено управление западными кочевьями Ак-Орды и эта функция перешла к Ногаю по наследству? Такая мысль уже высказывалась М. Г. Сафаргалиевым, хотя для ее подтверждения, по справедливому замечанию Г. А. Федорова-Давыдова, требуется доказать тождественность Мувала и Мауцы, который, как пишет Карпини, кочевал у Днепра (см. [Путешествия. 1957, с. 70; Сафаргалиев, 1960, с. 42; Федоров-Давыдов, 1973, с. 53]).

Но и без доказательства этого частного положения ясно, что отношения хана и беклярибека подобны связям каанов и старших западных ханов, «белых» и «синих» Джучидов, которые не претендовали на троны друг друга. С одной стороны, беклярибек подчинялся хану, о чем заявлял и сам Ногай (см. [Рашид ад-Дин, 1960, с. 86]). Хан по своему усмотрению мог направить армию западного «вассала» на военные действия, чему пример — польские походы 1285 и 1287 гг.¹¹⁰. В перечне адресатов, получавших подарки и принимавших посольства от

дружественного Золотой Орде египетского султана, Ногай всегда называют после хана [Тизенгаузен, 1884, с. 67, 69, 155]. Полную подчиненность «князя князей» сюзерену мы видим в первой половине XIV в. при ханах Узбеке и Джаибеке. С другой стороны, беклярибек выглядит как равновеликий с ханом правитель. Ногай называют царем не только восточные, русские и западноевропейские наблюдатели [Владимирский летописец, 1965, с. 97; Книга Марко Поло, 1955, с. 232, 234; Летопись, 1856, с. 176—178; Московский свод, 1949, с. 154—156; Новгородская..., 1950, с. 327—328; Патриаршая летопись, 1965, с. 161—164, 169; Тизенгаузен, 1884, с. 195], но и его антагонист хан Тохта, приказывая казнить убийцу Ногай: «Простой народ да не убивает царей!» [Тизенгаузен, 1884, с. 383]. Ногай самостоятельно обменивался посольствами с иностранными державами, воевал с Литвой, предоставлял русским князьям свои отряды [Веселовский, 1922, с. 27], во время распри улусных владетелей поддерживал дружественные отношения с Хулагуидами, а в ходе своего конфликта с Тохтой пожелал перейти в подданство к ильхану Газану [Рашид ад-Дин, 1960, с. 86—87]. С. Закиров видит в самостоятельной внешней политике первого беклярибека знак непризнания им законности ханов после Берке, в том числе и Тохты [Закиров, 1966, с. 63—65]. Но ведь сам «Ногай вручил ему (Тохте.— В. Т.) царство и утвердил его на нем» [Тизенгаузен, 1884, с. 108]. Вопрос о легитимизме обладания престолом решался вековыми обычаями, установками *төрү* и, возможно, *ясой*; утверждение государя в правах происходило на совещаниях улусной аристократии. Для разрешения споров вокруг трона после свержения Туда-Мункэ (1287) Ногай дважды предлагал собрать курултай [Рашид ад-Дин, 1960, с. 84, 85], что было бы страшно для сепаратиста. Его действия диктовались не оппозицией законным ханам, а полученным в свое время от Бату указом, «что если кто-либо в его (Бату.— В. Т.) улусе совершит непутевое и расстроит улус, то чтобы я (Ногай.— В. Т.) расследовал это [дело] и склонил их сердца к согласию друг с другом» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 84]. Руководствуясь этим приказом, Ногай пытался «устанавливать всякую справедливость», т. е., похоже, отвечал, кроме всего прочего, и за соблюдение законов *ясы* на территории Ак-Орды. А если мы присовокупим к этому и наличие у него своего удела с войском, и автономию, граничащую с независимостью, и командование правым крылом, и близкое родство с местной династией, и положение «старшего в роде» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 83; Федоров-Давыдов, 1973, с. 73]¹¹, то обнаружится идентичность его статуса положению Чагатая при Угедэс, но в пределах одного из улусов. Позиция Ногай в улусе была такой же, как и положение Бату в империи 50-х годов: соправитель не мог нарушить традицию и занять место государя. Предводительство над правым крылом закрывало и Ногаю и Бату путь к вершине государственной иерархии.

Испытав всеилие беклярибека, Тохта и наследовавшие ему ханы, судя по всему, более не помышляли о назначении «эмира эмиров» западным наместником. Исчезло ли после этого соправительство? Ведь оно было сопряжено с расчленением армии «белых» Джучидов на крылья. Посмотрим на события после разгрома Ногая (1300). Тохта разделил улус с братом Сарай-бугой («поставил на место Ногая»), который оказал покровительство «ногаевичу» Тураю и приютил его. Поддавшись на уговоры Турая, соправитель восстал против Тохты, погиб в бою и был замещен абсолютно лояльным ханским сыном Ильбарсом (Ирбысаром). Этот царевич стал, вероятно, беклярибеком, так как «исполнял при отце должность командующего войсками» [Тизенгаузен, 1884, с. 118, 161—162]. Позже беклярибеки до «взлета» Мамай не посягали на соправительство.

На основании вышеприведенного материала можно сделать вывод, что отношения ханов Белой Орды с беклярибеком строились по тем же канонам, что и у соправителей в имперском масштабе (ближайшие соответствия — Чагатай и Угедэй, Бату и Мункэ).

Если такой институт существовал у западных Джучидов, мы вправе искать его и в уделе Орду-эджена.

Кок-Орда. Сведения по ранней истории восточной части улуса Джучи очень фрагментарны. О ее внутреннем делении никаких данных нет. Рашид ад-Дин сообщает, что Орду-эджен составил левое крыло вместе с тремя или, по другому списку рукописи, четырьмя братьями — Удуром, Туга-Тэмуром, Шингкурор и Сингкумом [Рашид ад-Дин, 1960, с. 66; Тизенгаузен, 1941, с. 41]. Не известны ни территории уделов названных царевичей, ни их отношения с ханом Синей Орды. Зато известен владелец-держатель улуса, примыкавшего к ней «справа», с запада. — пятый сын Джучи, Шибан.

По возвращении из европейского похода Бату выделил ему земли «между моим юртом и юртом старшего брата моего Ичана», т. е. Орду-эджена, с летними кочевьями на восток от Яика до Южного Урала, зимними — в Южном Казахстане, к северу от Сырдарьи [Путешествия, 1957, с. 73; Родословное древо, 1906, с. 160]. Долгое время Шибаниды считались князьями левого крыла Джучисва улуса [Ахмедов, 1965, с. 32; Гресков, Якубовский, 1950, с. 310, 408; Савельев, 1858, с. 355, 357; Spuler, 1943, с. 25; и др.]. Какой-либо аргументации для обоснования этого предположения не привлекалось, если не считать указания Н. Н. Мингулова на то, что владения Шибана, как и удел Орду-эджена, у Абулгази и других восточных авторов назван Ак-Ордой [История Казахской ССР, 1979, с. 150]¹¹². Г. А. Федоров-Давыдов и В. Л. Егоров отнесли Шибанидов к правому крылу. Доказательства таковы: имени Шибана нет среди Джучидов, состоявших, по словам Рашид ад-Дина, в крыле Орду-эджена; в источниках XVI—XVII вв. узбекские ханы-Шейбаниды отнесены к Ак-Орде; в сочинении Махмуда ибн Эмир

Вали «Бахр ал-асар» (XVII в.) говорится, что Шибан командовал правым крылом войска Бату; часть улуса Шибана — Ибир-Сибир — названа в «Анониме Искандера» Муин ад-Дина Натанзи (XV в.) среди территорий правого крыла; внук Шибана, как сообщает Рашид ад-Дин, возглавлял караульные отряды татар под Дербентом [Егоров, 1985, с. 164; Федоров-Давыдов, 1968, с. 227, 229; 1973, с. 57, 144].

Итак, сообщения источников сводятся к следующему: Шибан был командиром правого крыла; население его улуса, получившее позднее имя узбеков, относилось к правому крылу, территория его улуса (Ибир-Сибир) — тоже. Район, народ и начальник правого крыла по тюрко-монгольской традиции должны находиться на западе улуса. Западные же территории Белой Орды до начала XIV в. пребывали, как мы убедились, под верховенством Ногая и, позже, Сарай-буги и Ильбарса — отнюдь не Шибанидов. Ногай являлся и главой правого крыла удельной половины Бату. Выходит, в Ак-Орде был еще один такой военачальник? Тогда непонятно, почему хан выделил Шибану самый «левый» регион — на восточной границе с Орду-эдженом. Ведь в соответствии с рангом полководца правого крыла кочевья Шибана должны были располагаться где-нибудь за Доном. Действительно, сразу после европейского похода во владение Шибана было включено западное пограничье Монгольской империи — Венгрия [Родословное древо, 1906, с. 159; Rasonyi, 1983, с. 82]¹¹³, но позже этот царевич получил земли в противоположном краю улуса. Тем более неуместно на первый взгляд отнесение в «Анониме Искандера» Западной Сибири — крайних восточных пределов улуса Джучи — к западному, правому крылу. Да и В. Л. Егоров, исследователь золотоордынской исторической географии, резонно предположил, что межкрыльевой границей был Яик [Егоров, 1985, с. 161; см. также: Грумм-Гржимайло, 1926, с. 502].

По словам Абулгази, Мункэ-Тэмур «владение в Белой Орде отдал... Багадур-хану, сыну Шибан-ханову» [Родословное древо, 1906, с. 151]¹¹⁴. Но Мункэ-Тэмур сам являлся ак-ордынским правителем! Если отбросить мысль о том, что он уступил трон Багадуру или отправил его в Причерноморье (там кочевал Ногай), то остается искать в Деште еще одну Белую Орду. Абулгази также сообщает, будто хан наделил Багадура «согласно распоряжениям Бату». Поскольку Абулгази приводит только один указ Батия об определении границ данного им Шибану владения, то можно считать, что имеются в виду именно эти «распоряжения Бату». И Мункэ-Тэмур лишь подтвердил ярлык деда, а Белая Орда — это улус Шибана.

В труде Натанзи цветообозначения крыльев и имена их правителей смешаны и перепутаны. Некоторые аспекты этих несоответствий объяснены Г. А. Федоровым-Давыдовым как слияние представлений о первичном (Бату — Орду) и вторичном (хан — беклярибек) делении на крылья [Федоров-Давыдов, 1968; 1973,

с. 141—144]. Содержание «Анонима Искандера» показывает, что его автор был больше осведомлен в истории восточных Джучидов, нежели западных. Поэтому он должен был бы лучше разбираться в структуре именно левого крыла. Натанзи локализует крылья так: левое — Улуг-таг, Секиз-ягач, Каратал, Дженд, Баркченд, «границы Луса» — все это города и местности в Юго-Восточном Казахстане; правое — Ибир-Сибир, Рус, Либка (вероятно, Литва), Укек (город в Среднем Поволжье), Маджар (город на Северном Кавказе) Булгар, Башгирд, Сарай, Казань (см. [Тизенгаузен, 1941, с. 127]). Если принять положение о вторичном раздвоении Кок-Орды, а также гипотезу Г. Е. Грумм-Гржимайло и В. Л. Егорова о границе по Янку, то версия Натанзи оказывается правильной. Ибир-Сибир и Башкирия (владения Шибанидов) в самом деле сформировали правое крыло, но в государстве Орду-эджена. Все же прочие регионы в списке правого крыла (Поволжье, Северный Кавказ и вассальные государства) есть не что иное, как первичное большое правое крыло улуса Джучи. Западных вторичных подразделений улуса (т. е. владений хана Белой Орды и беклярибека) хронист в данном случае не касается. Соответственно южные казахские степи — левое крыло только Синей Орды, в которое, вероятно, и вошли владения перечисленных Рашид ад-Дином четырех царевичей — Удура, Туга-Тэмюра, Сингкума и Шингкура.

Как известно, старший Джучид получил в удел доменальные владения отца — Прииртышье [Путешествия, 1957, с. 73; Рашид ад-Дин, 1960, с. 78; Родословное древо, 1906, с. 159]. Резиденция Джучи, по словам Абулгази, именовалась Кок-Ордой [Родословное древо, 1906, с. 151]. Земли по Иртышу действительно включались в первичное левое крыло улуса Джучи, но принадлежали Шибанидам (Ибир-Сибир). То есть существовали и две Синие Орды: большая — улусное крыло, охватывавшее и Ак-Орду Шибана, и малая — вторичное крыльевое образование, подчиненное непосредственно Орду-эджену и его потомкам¹¹⁵.

Таким образом, если отвести информацию средневековых писателей о Шибанидах не ко всей Золотой Орде, а только к Синей, то картина, кажется, проясняется. Как Ногай возглавил правое крыло у Мункэ-Тэмюра и других государей из дома Бату, так и Шибан был правым полководцем при ханах, происходивших от Орду-эджена, и юрт Шибана был западным, «белым» (Ак-Ордой), по отношению не к сарайским ханам, а к владетелям Сыгнака. В таком случае уже не наблюдается явной несоразмерности территорий левого и правого крыльев Золотой Орды¹¹⁶. Кроме того, восполняется пробел в схеме военно-административного устройства государства Джучидов: Кок-Орда оказывается так же поделенной пополам, как и ее соседка Ак-Орда¹¹⁷. Не случайно при очередном междоусобии в начале XV в. Шибаниды оказались ближайшими и са-

мыми сильными претендентами на сыгнакский трон: «Так как держава Орды (имеется в виду Орду-эджен.— В. Т.) вследствие брани между детьми Токтамыша совсем ослабла, то некоторые из потомков Шибана... найдя случай удобным, склонили на свою сторону некоторых и восстали» [Тизенгаузен, 1941, с. 212] и, добавив, захватили власть в Кок-Орде.

Командование правым крылом, наличие собственных кочевий и войск, улус на западе государства, близкое родство с сюзереном, «белая» номенклатура — все это позволяет отнести Шибанидов к соправителям ханов Синей Орды¹¹⁸. Бытование традиционного кочевого института соправительства в ней тем более объяснимо, если учесть отмеченную Г. А. Федоровым-Давыдовым большую архаичность социальных отношений в восточной половине улуса Джучи [Федоров-Давыдов, 1973, с. 138—141].

Улус Чагатай. Чагатай фактически передоверил управление Мавераннахром хорезмийцу Махмуду Ялавачу, а сам постоянно находился при имперском дворе. О правлении же его сына существует интересное свидетельство Джамала Карши: главой улуса являлся «Есу-Мункэ ибн Чагатай, а во главе войска [состоял] сын... его (Есу-Мункэ.— В. Т.) брата Бури» [Материалы, 1988, с. 112]. Прерогативы верховного военачальника у ханского брата или племянника уже не должны вызывать у нас удивления. Бури, сын Мутугана, внук Чагатай, в этом смысле становится в один ряд с Бату в 1241—1242 гг., Орду (при Бату), Погаем и Шибаном. А хронист не оставляет сомнений в стабильном соправительственном положении Бури, описывая улус как достояние именно этих двоих Чагатайдов: «У них, Есу-Мункэ и Бури, в то время была и [достаточная] территория, и спокойствие, и возвышение, и полновластие, оружие, и снаряжение, и бесчисленное войско» [Материалы, 1988, с. 112].

Позднейшие алмалыкские государи, Хара-Хулагу и Алгу, ханствовали единолично, являясь, в сущности, ставленниками каапов, использовавшимися для борьбы с противниками имперского правительства. Именно это обстоятельство породило довольно неожиданную ситуацию с двумя правителями. В 1265 г. вдова Хара-Хулагу, могущественная ханша Эргэнэ, посадила на улусный трон своего сына Мубарек-шаха. Хубилай же выдал ярлык другому Чагатайду — Бараку, «чтобы Мубарек-шах и он ведали [вместе] тем улусом» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 91]. Однако Барак сначала не посягал на престол, даже утаил ярлык и притворился одержимым идеей «собрания» своего личного удела, рассеявшегося в ходе войн. Вскоре он накопил достаточно войск и сверг хана [Рашид ад-Дин, 1960, с. 98]. Мы не можем расценивать эту интригу как акт установления соправительств, так как Барак по приезде в Среднюю Азию не был воспринят как равный Мубарек-шаху династ и не получил, судя по свидетельству Рашид ад-Дина, половинного удела и армейского крыла. Однако обратим внимание, что предложение Ху-

билая о совместном сюзеренитете двух Чагатаидов расценивалось как вполне возможный и приемлемый вариант политической жизни улуса. Упоминаний о еще каких-либо попытках введения здесь соправительства мною не обнаружено, если не считать нескольких глухих фраз об отношениях сыновей Дува-хана — Эсен-буги и Кебека — в «Апоиме Искандера» Натанзи (см. [Материалы, 1973, с. 116]). Собственно, tandem монархов в империях устанавливался во времена их внутренней стабильности, а как раз ее у чагатаев на протяжении XIII в. почти не было.

Завершая рассмотрение конкретных материалов по соправительству в Монгольской империи, кратко укажем на факты подобного рода в вассальных владениях. Известно, что монголы учредили в 1249 г. более чем десятилетнее правление двух царевичей — дяди и племянника — в покоренной Грузии; Хулагу узаконил разделение султанской власти между сельджукскими принцами в Румском государстве. Может быть, именно традиционными степными административными установками, а не только расчетом на раскол подданных — потенциальных мятежников диктовалась золотоордынская практика выдачи ярлыков на великое княжение сразу нескольким русским князьям.

Сопоставление признаков соправительства у кочевников III в. до н. э. — XIII в.

Теперь попытаемся сопоставить выявленные выше закономерности соправительства в Монгольской империи и ее улусах в XIII в. с аналогичными явлениями в государствах и предгосударственных структурах, созданных кочевниками в древности и раннем средневековье. Для сравнения выделим те общие параметры отношений двух соправителей, которые проявились во всех или в большинстве разобранных выше случаев. Такое сопоставление требует привлечения обширного исторического материала. Но изложение и анализ его заняли бы слишком много места, поэтому более целесообразным представляется сведение всех данных в общую таблицу (см. Приложение, табл. 1).

Из таблицы явствует, что наибольшее сходство с монгольским (имперским и улусным) соправительством обнаруживают Жужаньский, древнетюркские и Караханидский каганаты. Все они связаны между собой: тюрки в VI в. построили свой «вечный эль» на развалинах жужаньского государства, а Караханиды (карлуки, чигили, ягма) воспользовались традициями распологавшегося на их территории Западно-тюркского каганата.

Общими признаками почти для всех кочевых империй, таким образом, являются: а) разделение державы на две части; б) сюзеренитет над каждой из них особого правителя; в) принадлежность соправителя к одному роду с верховным каганом; г) соправители не наследовали каганский престол; д) чаще все-

го соправительство устанавливалось после раздела отцовских владений между двумя старшими сыновьями; е) соправительство передавалось по наследству в роде первого соправителя; ж) западная часть державы номинально подчинялась восточной (улус Джучи — исключение, но и там линия Орду-эджена в родственном отношении была старше Батыевой). Л. Квантен установил несколько пунктов парадигмы соотношения главного кагана и ябгу (начальника правого крыла) в тюркских каганацах VI—VIII вв.: ябгу всегда подчинен кагану; он всегда брат кагана; всегда правит западной частью государства [Kwanlen, 1979, с. 44]. Л. Н. Гумилев обратил внимание на то, что обычно ябгу не являлся наследником престола, исключая случаи узурпации [Гумилев, 1967, с. 53]. Следовательно, самые близкие соответствия монгольское соправительство находит в монархии древних тюрков.

Только для монгольской государственности представляются характерными отсутствие особого титула у младшего соправителя и номинальное замещение им поста главного военачальника¹¹⁹.

Вторичное разделение крыльев с появлением соправителей (соответственно меньшего ранга) характерно лишь для огромных империй — древнетюркских и Монгольской¹²⁰.

Все сказанное позволяет заключить, что отношения соправителей в Монгольской империи и ее улусах можно считать традиционным институтом, унаследованным монголами от предыдущих держав.

КРЫЛЬЯ И УЛУСЫ

В военно-административном отношении Монгольская империя состояла из крыльев и улусов. Улусная система уже столь часто анализировалась историками, что я решил не выделять для нее специального раздела в книге, но остановиться на категории более высокого порядка — крыле, состоящем из нескольких улусов.

Как уже говорилось, монгольское государство делилось на центр и крылья — правое (барунгар) и левое (джунгар) при формальном старшинстве восточных (левых) ханов над западными (правыми). Теперь поставим вопрос: ранг какого из крыльев у монголов считался выше? Обратимся к мнению авторитетных авторов. Абулгази: «По понятиям монголов, левая сторона почетнее правой, потому что сердце есть царь в государстве тела, а сердце бог устроил на левом боку» [Родословное древо, 1906, с. 163]¹²¹. Пэн Дая: «Самым почетным считается центр, за ним идет правая [сторона], а левая [сторона] считается еще ниже» [Краткие сведения, 1960, с. 141]. Между данными констатациями нет противоречия. Для монголов и некоторых тюркских народов традиционной была южная ориен-

тировка, при которой восток оказывается слева, а запад — справа; у китайцев же, ориентировавшихся на север, наоборот — справа восток, слева запад (см. [Мэн-гу-ю-му-цзи, 1895, с. 31]¹²². Значит, более высокий статус — у джунгара. Но был еще и центр.

Центр и крылья в Монголии в начале XIII в.

По словам Рашид ад-Дина, центр (гол, или кул) — это личная «тысяча» Чингисхана под командованием его приемного сына Чагатая. Причем «тысяча» не условная, как подобные подразделения в туменах, а реальная: она «не должна превышать тысячу человек» [Рашид ад-Дин, 1952, кн. 2, с. 266]. Персидский хронист говорит о сугубо военном формировании, привилегированном корпусе. Но понятие центра не ограничивалось обозначением десяти сотен гвардейцев. Оно имело и территориальное значение. По воцарении Темучин распределил ополчения монгольских племен и соответственно племенные кочевья по двум крыльям (тогда они назывались туменами) — правому, приалтайскому, и левому, хинганскому, или хараун-жидаунскому. Между крыльями-туменами помещался срединный тумен в бассейне Онона, Керулена и Толы (см. [Гонгор, 1970, с. 94—95; 1973, с. 121; 1978, с. 15—24]). Все три тумена объединялись в удел центра — Голун улус — и представляли собой Коренной юрт, фамильные владения Чингисидов. В качестве домена они должны были перейти к младшему сыну Чингисхана. Действительно, Толуй стал «господином Коренного (монгольского. — В. Т.) юрта» и, кроме того, получил «те из войск Чингиз-хана, что относились к центру, правой руке и левой» [Рашид ад-Дин, 1952, кн. 2, с. 274]. Но это не означает, что младший царевич превратился в командира всех армий империи. Когда шли завоевательные войны и крылья неимоверно разрослись, на исконно монгольской территории сохранялись небольшие подразделения — три тумена, созданные Чингисханом в начале XIII в.¹²³. Только они и достались Толую.

Таким образом, гол охватывал скромную по размерам доменальную область и фактически представлял собой один из улусов Чингисидов первого колена.

Крылья Монгольской империи

Разделение кочевых армий и населения на крылья спроецировалось на административное устройство всей монгольской державы. К 60-м годам XIII в. образовалось четыре больших улуса — Джучи, Чагатай, Хулагу и каана. Попробуем определить их крыльевую принадлежность (см. Приложение, табл. 2).

Из таблицы видно, что источники согласно относят улусы двух старших сыновей Чингисхана к правому крылу; столь же единодушно отмечается расположение уделов братьев Чингисхана в джунгаре империи; удел центра — под началом Толуя. После воцарения Угедэя о центре не упоминается. Создается впечатление, что гол как удельная единица был ликвидирован. В самом деле, на коронационном курултае 1229 г. Чагатай «передал во власть Огодая... Голун улус» вместе с гвардией [Козин, 1941, с. 191]. То есть центр фактически слился с уделом Угедэя, сформировав вместе с ним единый каанский улус. С этих пор имеет смысл вести речь только о двух крыльях и Угедэидов с Толуидами приходится отнести к князьям левого крыла¹²⁴.

Четкое распределение родичей первого кагана между западным и восточным регионами до воцарения Мункэ выдерживалось строго. Но для 50-х годов XIII в. у Рашид ад-Дина отмечена другая ситуация: к правому, несомненно джучидско-чагатайскому, крылу приписаны сыновья Угедэя (и внук его) и Толуя. Однако Угедэй единственный раз (в 1213 г.) участвовал в сражениях на правом фланге (см. Приложение, табл. 2), а позднее получил улус, гол и примкнул к левому крылу. У Толуидов же вообще не было никаких оснований причислять себя к западной половине империи. Дело, видимо, заключалось в следующем.

Пятидесятые годы — период наиболее стабильных соправительственных отношений между кааном (Мункэ) и старшим ханом западных улусов (Бату, Сартак, Берке). Каракорумский государь, не имея в полновластном распоряжении территорий, над которыми господствовали Джучиды, стремился организовать управление подчиненной ему областью по обычному образцу, т. е. поделить ее на джунгар и барунгар. По данным «Джами ат-таварих» видно, что из этих вторичных крыльев правое являлось сферой господства Толуидов¹²⁵ (Хулагу, Ариг-буга, Хубилай¹²⁶), а левое оставалось под управлением племянников Чингисхана. Следовательно, в каанском улусе, т. е. в левом крыле империи (улус Угедэя+Коренной юрт+Северный Китай с Маньчжурией), образовались вторичные крылья. В барунгаре империи их роль играли Белая и Синяя Орды Джучидов, так как земли чагатаев в это время были распределены между соправителями¹²⁷.

Вторичные крылья (военно-административное деление улусов)

Дуальная структура племени не ограничивалась раздвоением на фратрии, которые у многих народов продолжали делиться пополам (см., например, [Золотарев, 1964, с. 51; Толстов, 1935; Hocart, 1936, с. 175—176, 261, 266, 267])¹²⁸. Соот-

ветственно и на государства, созданные кочевыми народами — посетителями сильных родо-племенных пережитков, наложилась отпечаток этих явлений: на вторичные крылья распадалась тюркские каганаты, дорбэтские княжества и др.

Улус Джучи. Двухкрылая структура здесь начала складываться в середине — конце 20-х годов XIII в., когда Чингисхан приказал Хукин-нойону отделить «западную сторону владения Джочи». По завещанию, старший царевич получил 4-тысячный корпус, в котором один тысячник, Мункур, «в эпоху Бату... ведал [войском] левой руки», а другой, Хушитай-Байку, «ведал барунгаром» [Рашид ад-Дин, 1952, кн. 2, с. 274]. В первом случае мы видим разделение улуса Джучи, во втором — разделение его армии. Но поскольку западный Дешт-и Кыпчак был захвачен после смерти Джучи уже в 30-е годы, то, пожалуй, к этому времени нужно отнести и окончательное оформление двух общеулусных крыльев. Оно произошло, когда старшие Джучиды — Орду-эджен и Бату — воцарились в своих уделах.

Улус Чагатай. Источники по бурной истории чагатайского царства XIII в. не дают сведений о его системе крыльев. Правда, известно, что Чагатаю тоже были выделены 4 тыс. воинов [Рашид ад-Дин, 1952, кн. 2, с. 275], а Чагатаиды Есу-Мункэ и Бури ханствовали совместно. Но неясна принадлежность войска и ханов к джунгару или барунгару улуса. Распад этого государства на Мавераннахр и Моголистан в первой половине XIV в. был вызван не реформами управления, а сепаратизмом тюрко-монгольских правителей восточных районов [Строева, 1958, с. 216—217; Oliver, 1888, с. 106—108].

То же можно сказать и о *юрте Угедэя*. Вероятно, хронисты не успели собрать данных насчет системы крыльев: в начале своего правления Мункэ раздал личные войска Угедэя своим союзникам, а армия Угедэя Хайду была набрана из воинов разных улусов [Рашид ад-Дин, 1952, кн. 2, с. 276].

Улус Хулагуидов. В 1270 г. перед сражением с Чагатаидом Бараком ильхан Абага «вверил правое крыло рати Тубшин-огулу (сыну Хулагу.— В. Т.), а левое крыло — Юшумуну», брату Абага и Тубшина [Рашид ад-Дин, 1946, с. 77, 80]. Юшумун по приказу Хулагу управлял Арраном и Азербайджаном — западом улуса, оставался он там и при Абаге. Тубшин же находился со своими войсками «слева», на востоке — в Хорасане и Мазендеране «до берегов Амуйе» [Рашид ад-Дин, 1946, с. 61, 67]¹²⁹. Видимо, система крыльев была не такой жесткой и устоявшейся, как разграничение Золотой Орды на Белую и Синюю, поскольку позже ильхан Газан назначил наместником Хорасана сына Юшумуна, переместив его, таким образом, из правого крыла в левое [Рашид ад-Дин, 1946, с. 167].

Упомянутый в истории Хулагуидов «великий центр» (кул-и бузург) функционировал в военное время, так как объединял личные войска улусного хана и находился под его непо-

средственным командованием. Административная должность начальника центра (чарик-и кул) предполагала контроль за обеспечением, боеспособностью и численностью воинов этого подразделения [Рашид ад-Дин, 1946, с. 183, 285].

Улус каана. Выше отмечалось, что в регионе джунгара империи возникли вторичные крылья. Есть основание полагать, что на этом не закончилось дробление. Мункэ, поручив братьям командование армиями, послал их на запад и на восток, «чтобы оба они с ратями, которые у них имелись, были бы его правым и левым крылом». Хулагу предназначались «Иранские земли, Сирия, Миср, Рум и Армения», Хубилаю — «Хитай, Мачин, Карананак, Тангут, Тибет, Джурджэ, Солонга, Гаоли и в части Хиндустаана, смежной с Хитаем и Мачипом» [Рашид ад-Дин, 1946, с. 23]. Толуиды явно планировали увеличить свою часть державы, не посягая на ее барунгар и владения братьев Чингисхана. В разделе о каанско-джучидском соправительстве мы выдвинули предположение о формальной подчиненности Хулагу Золотой Орде. В свете же данных о приказах каана, отданных Хубилаю и Хулагу, получается, что конституирование юго-западного улуса представлялось центральному правительству вне связи с Сараем.

Налицо два направления в отношении государства Хулагуидов. Линия Каракорума — подчиненность его только каану на правах барунгара вторичного правого крыла, т. е. по исходящей (см. Приложение, схема): империя — ее левое крыло во главе с кааном (в правом — Джучиды) — его правое крыло во главе с кааном (в левом — братья Чингисхана) — его правое крыло во главе с ильханом. Линия Золотой Орды — подчиненность Хулагуидов Джучидам. Одно время ильхан действительно расценивался как «наместник царя Сарая» (Ибн Халдуи). Не случайно, узнав о каанском ярлыке — назначении Хулагу улусным правителем, царевичи-Джучиды, бывшие в его войске, «пришли в ярость и не захотели повиноваться Гулаву... не захотели признать его ханом» [История монголов, 1871, с. 24], за что и были им казнены.

Политика самих ильханов двойственна. С одной стороны, близкое родство с верховными государями, практика каанской инвеституры, использование каанской печати в документах и имени Мункэ на монетах, отчисление части военной добычи каану, постоянное присутствие его наблюдателей в ставке Хулагу (см. [Mongolische Weltreich, 1958, с. 103; Schurmann, 1963, с. 27; Spuler, 1955, с. 265; Tabakat-i-Nasiri, 1881, с. 1256—1257]) свидетельствуют об их ориентации на Каракорум. Ал-Омари даже сообщает, будто «Хулаку всю жизнь... управлял не как независимый государь, но лишь как наместник (нā'иб) своего брата Мунку Кана», т. е. Мункэ [Mongolische Weltreich, 1958, с. 91]. Но, с другой стороны, хутба в честь Берке говорит о признании старшинства Джучидов. Однако и та и другая тенденции становились все более призрачными, и к концу XIII в. царство

ильханов стало полностью независимым от каких-либо выше-стоящих государей. Этому способствовали также ухудшение его отношений с Золотой Ордой и значительная удаленность от улуса каана, путь к которому преграждали обширные земли чагатаев и владения Угедэнда Хайду, не признававшего над собой чьей-либо власти.

В целом военно-административная структура империи представлена в Приложении (схема 1).

Сопоставление монгольской системы крыльев с аналогичными структурами у кочевников III в. до н. э.— XIII в.

Обратимся к табл. 3. Получается, что почти все государства, созданные кочевниками, делились на крылья, иногда с центром. Допускаю, что в отношении многих из них сведения о центре в источники не попали. Лишь для крупнейших держав характерна полиэтничность крыльев. Военно-административное устройство Монгольской империи в период ее могущества по разбираемым показателям имеет полное сходство со структурой тюркских каганатов VI—VIII вв. Вообще система крыльев Еке Монгол улуса, а также в улусах Джучидов и Хулагуидов находит наиболее близкие соответствия у хунну и древних тюрков.

Для проверки этого вывода сравним территориальные разделения туцзюэ и монголов (см. Приложение, карта). Монгольская империя и первый Тюркский каганат располагались практически на одних и тех же территориях, причем охватывали не только евразийский степной пояс, что объяснялось бы номадизмом завоевателей, но и горные районы Средней и Центральной Азии, а также места проживания оседлых земледельцев. Идентичны южные границы каганата конца VI в. и империи конца 20-х годов XIII в. (когда Чингисхан закончил завоевания на западе) с Тибетом и Ираном. Границы крыльев двух империй абсолютно совпадают, и здесь уже нет однозначного объяснения естественно-ландшафтными факторами. Пожалуй, в данном случае наследие предшественников проявилось наиболее ярко. Созданная по образу и подобию государства Ашина, Монгольская империя продолжила кочевую государственную традицию.

Крылья и соправительство отражали разные стороны одного и того же явления — дуализма в управлении. Между этими двумя ипостасями дуализма существовало географическое несоответствие. Граница между имперскими крыльями проходила в районе Алтая (Горного, Монгольского и Гобийского); рубежом территорий, подвластных старшему и младшему соправителям, считалась Амударья (исключая краткий период раздела

Чагатайского улуса при Мункэ и Бату). Это демонстрирует определенную самостоятельность института соправительства по отношению к системе крыльев.

ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЕ

Этот вопрос не относится непосредственно к сфере административного строительства, но логически вытекает из его принципов. Компетенция правителей определяла и их права на высшую ступень иерархии в империи. Наследование престола в империи и улусах не было законодательно оформлено, значит, оно регулировалось традицией. В одном пункте ученые солидарны: хан реально или формально избирался на курултае. Но основания для избрания нового государя трактуются по-разному. Одни исследователи полагают, что кааном или улусным ханом становился «достойнейший из Чингисидов», указанный в завещании предыдущего правителя [Березин, 1854, с. 423]. Другие считают, что на троне мог оказаться любой Чингисид в силу своей принадлежности к правящему роду [Владимирцов, 1934, с. 99]. Третьи придерживаются мнения, что на царский венец имели право в первую очередь старшие родственники [Федоров-Давыдов, 1973, с. 69; Jackson, 1978, с. 194]. Четвертые утверждают, что сын наследовал отцу [Spuler, 1955, с. 255]¹³⁰. Наконец, некоторые исследователи вообще отказывают монгольской государственности в четком порядке престолонаследия [Бартольд, 1968⁶, с. 147; Ayalon, 1971, с. 154—155]. Интерес историков к этой, казалось бы, частной проблеме показывает ее значение для понимания особенностей государственного устройства монгольской державы. Диссонанс мнений демонстрирует неполную изученность данной темы. Поскольку в источниках не зафиксированы какие-либо нормы по этому поводу, то приходится, так же как и при разборе соправительства, опереться на отдельные факты и выделить из конкретных ситуаций общие и особенные черты наследования. Прежде всего следует установить, кто имел принципиальное право и возможность обладать монаршим саном.

Империя — достояние рода. Чингисиды и борджигины

Высшие посты в кочевых государствах (каганы, ханы-правители уделов, верховное военное командование) обычно представлялись людям, принадлежавшим к одному правящему клану: Люаньди у хуннов, Ашина у древних тюрков, Яглакар у уйгуров, Елюй у киданей и т. д. Соответственно вся держава расценивалась как достояние данного рода, и остальные роды и племена, включенные в нее, считались подданными клана-геге-

мона. Происхождение родового принципа управления одни исследователи объясняют дублированием первобытнообщинных институтов [Викторова, 1968, с. 557—558; Krader, 1955, с. 68], другие — наличием их пережитков [Потапов, 1954, с. 78, 79], третьи — необходимостью поддержания дисциплины в армейских частях за счет солидарности родственников в боях [Майский, 1962, с. 79], четвертые — сакрализацией племенного вождя и его родичей в период выделения административных должностей в общине [Васильев, 1983, с. 30, 31]. Родовой принцип нашел воплощение и у монголов в XIII в. Но в его реализации были нюансы, приводившие историков к спорным и противоречивым заключениям. Так, если допустить, что империя представлялась ее основателям как собственность рода и уделы соответственно распределялись между его членами [Мункусь, 1970, с. 366], то почему Чингисхан, принадлежавший к роду борджигинов, раздал огромные улусы только сыновьям, а многочисленные сородичи-борджигины получили мелкие владения в Монголии и Северном Китае? Почему наследником был назначен Угедэй в обход братьев Чингисхана Хасара и Тэмүгэ-отчигина, которые имели право на престол [Козьмин, 1934, с. 59, 147]? Может быть, представления о родовом достоянии возникли уже после смерти Чингисхана: известно, что ни один из его сыновей не унаследовал «могучей воли отца» [Бартольд, 1963, с. 529]?

Обратимся к документам. В «Алтан тобчи» Чингис обращается к сыновьям и братьям: «Вы — мой род-племя» [Лубсан Данзан, 1973, с. 189]. В «Тайной истории монголов» говорится о том, что сразу после интронизации в 1206 г. Чингисхан приказал одному из приближенных сановников: «Произведи ты мне такое распределение разноплеменного государства: родительнице нашей, младшим братьям¹³¹ и сыновьям выдели их долю...» [Козин, 1941, с. 159]. В данном случае понятие рода сужается: в него не включаются ни дядя, ни родственники. «Вы, мои сыновья и родичи, после меня охраняйте и оберегайте созданное мною... государство... примите на себя это трудное дело!» — изрекает Чингис [Лубсан Данзан, 1973, с. 189]. Так очерчен круг лиц, имевших доступ к кормилу власти. Выходит, империя — достояние Чингисхана, его сыновей, братьев и племянников? Нет, он особо оговаривает свою компетенцию: «Хасаровым наследием да ведает один из его наследников. Один же да ведает наследием Алчидаа, один — и наследием Отчигина, один же — и наследием Бельгутаа (все это братья Чингисхана. — В. Т.). В таковом-то разумении я и мое наследство поручаю одному» (цит. по [Козин, 1941, с. 186]). Этим «одним» и оказался Угедэй-каан. То есть вся держава, созданная в ходе войн, рассматривалась как сфера управления одной-единственной ветви рода борджигинов. На каком же основании Чингисхан выделил свое потомство из боковых линий? В 1225 г. он заявил Джучи и Чагатаю перед их отправлением в только что образованные

улусы: «Родичи мои прославились среди своих родственников. Даже сквозь скалы учиняют нападение» [Лубсан Данзан, 1973, с. 230]. Участие в сибирском, цзиньском и хорезмийском походах, умелое командование, личная храбрость и инициативность показали кагану достаточными для утверждения приоритета своих отпрысков над их дядьями и двоюродными братьями. Сформировался копический клан¹³² с отсутствием прежнего равенства в правах между мужчинами-родственниками из одного поколения; выделилась главная линия борджигинов — Чингисиды. Царство досталось Угедэю, затем его сыну Гуюку. Это не означает, что в Еке Монгол улусе приняли и утвердили династийную форму наследования. Джувеини свидетельствует: «Хотя кажется, что власть и империя передаются [по наследству] одному человеку, а именно тому, кто зовется ханом, в действительности все дети, внуки и дядья имеют свою долю власти и собственности, чему доказательство то, что... Менгу-каан на... курилтае распределил и разделил все свои царства между своими сородичами — сыновьями и дочерьми, братьями и сестрами» [Ta'rikh, 1912, с. 30—31]. Таким образом, «все царства» делятся между ближайшими родственниками каана. Его тогдашний соправитель Бату — кузен, значит, отнесен в источнике к категории братьев, а никого из упомянутых Джувеини дядьев Мункэ, т. е. сыновей Чингиса, к тому времени (1251) не осталось в живых. Следовательно, родовой принцип воплощался в предоставлении Чингисидам прерогатив центрального и улусного управления. Улусы, выделенные братьям Чингисхана и их потомству, находились на географической и политической периферии империи и в соответствии со статусом левого крыла подчинялись каану.

Кааны

Из четырех сыновей от главной жены Чингисхан нарек своим преемником не двоих старших, а только третьего. «Тайная история монголов» эту сцену описывает так. О персоне будущего правителя было спрошено у Джучи и Чагатая, и они предложили Угедэя. Отец согласился, оговорив, что в случае неспособности Угедэевичей к царствованию «среди моих-то потомков ужели так-таки ни единого доброго не родится?» (цит. по [Козин, 1941, с. 185—186]). Таким образом, во-первых, трон закреплялся за семьей третьего Чингисида не навечно, при определенном условии он мог достаться и улусным царевичам¹³³. Во-вторых, странно, почему старшие сыновья единодушно не посягали на корону. К тому же и Джувеини, и Рашид ад-Дин сообщают, что Чингисхану пришлось выбирать не из четырех, а только из двух кандидатур — Угедэя и Толуя, младших сыновей [Рашид ад-Дин, 1952, кн. 2, с. 258; 1960, с. 8; Ta'rikh, 1936, с. 3]. В. В. Бартольд видел причину назначения Угедэя

в его личном обаянии, «светлых чертах характера», привлекательных для сородичей и подданных [Бартольд, 1963, с. 529, 531—532]. Возможно, и это сыграло свою роль, но мне кажется, что дело в другом.

Джучи и Чагатай отправлялись ханствовать западной половиной империи. Облеченные прерогативами соправителей, они не смели надеяться на владычество в Каракоруме, поэтому Чингисхан и не учитывал их при выборе преемника. Поэтому они и предложили на это место старшего из братьев, остававшихся на востоке. Косвенным подтверждением закрепления поста каана за родами Угедэя и Толуя служит демонстративный отказ Бату от верховной власти в пользу сына Толуя—Мункэ, несмотря на то что Бату как тогдашнему старейшине Чингисидов формально «наступил черед царствовать» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 113]. Безразличие Джучидов к каанству вытекает из обстоятельств союза Угедэева внука Хайду с ханом Джучиева улуса Берке. Воюя против Хубилай-каана, Хайду обратился в соседние улусы за помощью в восстановлении своих прав («Я сам законный наследник хаганского престола» и т. п.). Золотая Орда его поддержала [Далай, 1983, с. 48—49], тем самым признав эти доводы убедительными, а претензии угедэйского дома обоснованными. Итак, потомство Джучи и Чагатая ханствовало на западе, потомство Угедэя — на востоке.

Толуй, младший сын Чингисхана от главной ханши, судя по «Тайной истории монголов», никогда не являлся претендентом на пост главного монарха, хотя персидские источники и пытаются представить его как законного наследника по обычаям самих же монголов: личный юрт отца переходит к младшему сыну [Рашид ад-Дин, 1960, с. 8]. Джувейни и Рашид ад-Дин, жившие при дворах ильханов-Толундов и во времена «каанов-Толундов, вероятно, умышленно извратили понятия о наследовании, чтобы оправдать воцарение рода Толуя. Чингисхан нисколько не поступился общепринятым порядком, предоставив Коренной юрт (собственно монгольские степи) в удел Толую. Ведь и сам Рашид ад-Дин пишет о тюрко-монгольском обычае, по которому «еще при жизни выделяют своих старших сыновей... а то, что остается, принадлежит младшему сыну» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 107, 108]. Примечательно, что Угедэй в преддверии коронации отказывался от трона в пользу (по порядку) Чагатая, своих дядьев и Толуя. Толуй попал в этот перечень под предлогом того, что он постоянно находился при отце, когда тот был жив, прекрасно знал ясу и обычаи, что он младший сын, а стало быть, и наследник отцовского достоинства [Chronography, 1976, с. 393; Ta'rikh, 1912, с. 146—147]. Скорее всего это часть церемониала, дань традиции, о чем говорилось выше. Но основатель империи не собиравшийся, как мы видели, раздавать улусы-«царства» и предоставлять трон своим братьям, Угедэевым дядьям. Точно так же отнекивался от каанства и Гуюк через 17 лет, но в том случае церемония отказа изло-

жена весьма лакопично (букв. «такой-то и такой-то более подходят» для каанствования [Chronography, 1976, с. 411]). Бар Эбрей прямо указал, что царевич делал это только в соответствии с обычаем. Ни Угедэй, ни его преемник своими lamentациями ничего не добились и были «силой», под руки посажены на трон. Тем не менее порядок ритуального предложения каанства свидетельствует о реликтовом приоритете старших родственников, в том числе из боковых, кузенных, линий. Полагаю, что это и являлось официальной доктриной престолонаследия. Вспомним: ведь и для Бату наступил отвергнутый им «черед царствовать», когда он остался «старшим среди царевичей».

Из всего сказанного заключаем, что выбор Чингисханом третьего сына в наследники объяснялся жесткой традиционной раскладкой компетенции царевичей: старшие — соправители каана, младший — наместник домсина¹³⁴.

Архаичный алгоритм наследования соблюдался на практике далеко не всегда. Угедэй выступил сторонником династического принципа, при жизни завещав свое место внуку. Но в результате придворных интриг на престоле оказался Гуюк, сын Угедэя. На курултае 1246 г. Гуюк заявил о своем согласии короноваться лишь при условии, что «после меня [каанство] будет утверждено за моим родом» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 119]. Признание династической очередности проявилось и во внутриимперской политике нового каана. Отвергая кандидатуру очередного чагатайского хана, Гуюк недоумевал: «Как может быть наследником внук, когда сын [Чагатай] (Есу-Мункэ.— В. Т.) находится в живых?» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 119]. Декларация на курултае показывает, что каан не был уверен в долговечности царствования Угедэидов. Действительно, родовой порядок престолонаследия в принципе давал шанс стать монархом всем восточным Чингисидам. А помимо потомков Угедэя к ним относились и Толуиды.

После консультаций с Бату монгольская знать подняла на белом войлоке старшего Толуида — Мункэ. Он тоже, видимо, придерживался концепции династического правления; во всяком случае, ярлык на улус Джучи он выдал Сартаку, сыну Батыя, а затем сыну Сартака — Улагчи¹³⁵. Однако собственным трон Мункэ, умерший скоропостижно, распорядиться не успел, и в империи оказалось двое каанов — его братья Ариг-буга и Хубилай. Последнего можно считать узурпатором, поскольку он, находясь на южнотуркеском фронте и не созывая курултая, сам объявил себя верховным ханом. А вот Ариг-буга выдвинул следующие соображения по поводу своих прав на царствование. Отправляясь в поход на Сунов, Мункэ оставил его в Карако-руме, «препоручил ему улус и оставил у него своего сына» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 145]. После гибели каана Ариг-буга произнес: «Ясно, что царство должно быть моим, потому что Мунга Хан дал его мне, когда уходил на войну и при своей жизни он поручил мне сидеть на его месте» [Chronography, 1976,

с. 439]. Едва ли Мункэ передал брату высшую власть. Рашид ад-Дин утверждает, что царевич был поставлен лишь «во главе войск и орд монголов, которые оставались» в Коренном юрте [Рашид ад-Дин, 1960, с. 145]. Однако наместничество в домене не давало права на престолонаследие. Передача управления столицей (главной ставкой) и доменом кому-либо из младших родственников практиковалась и до Мункэ. Чингисхан оставлял наместниками Монголии во время своих военных кампаний дочь Алахай-бэки и младшего брата Тэмугэ-отчигина [Козин, 1941, с. 187; Лубсан Данзан, 1973, с. 225; Мэн-да бэй-лу, 1975, с. 46]. Угедэй, выступив в 1234 г. против Цзинь, доверил родные степи Олдохару — родственнику из боковой линии, вообще не Чингисиду [Козин, 1941, с. 192]. Хан Бату при отъезде в Монголию на коронацию Угедэя «поручил свое царство младшему своему брату — Тукай-Тимуру» [Родословное древо, 1906, с. 150]. Конечно, все эти временные правители не являлись наследниками престола. Поэтому доводы Ариг-буги представляются неубедительными. Собственно, и сам Ариг-буга должен был сознавать шаткость своей аргументации, и правдоподобнее выглядит версия Рашид ад-Дина, по которой не сам царевич осмелился претендовать на каанство, а его советники подали ему эту мысль: Хубилай и Хулагу воюют далеко отсюда, а «великий улус каан поручил тебе» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 166]. Заметим попутно, что вопрос о сыне Мункэ даже не поднимался; брат наследовал брату.

Как известно, военная сила решила спор двух ханов в пользу Хубилая. В свою очередь, проблема его преемника разрешилась своеобразным завещанием каана: был устроен конкурс на лучшего знатока «биликов» — изречений Чингисхана, в котором победил и потому воцарился внук Хубилая — Улджэйтү-Тэмур [Рашид ад-Дин, 1960, с. 206].

Суммируем результаты всех приведенных данных. Из шести каанов (Чингисхан не в счет) двое — Угедэй и Улджэйтү-Тэмур — стали править в соответствии с завещанием предыдущего монарха; трое избирались съездом знати¹³⁶; один (Хубилай) — узурпатор. Но нельзя утверждать, что в целом преобладало выборное начало, так как трое (Угедэй, Гуюк, Улджэйтү-Тэмур) являлись ближайшими и прямыми потомками своих предшественников на престоле, т. е. воплощали династийный порядок. Как ни старался первый монгольский государь ограничить круг претендентов на царствование — сначала выделением своей семьи из борджигинов, затем отделением западных царевичей, — избежать путаницы его потомкам не удалось. Династийный и родовой принцип сосуществовали и боролись: царствующие кааны выступали за династию, их кузены — за ее свержение. Еще более пестрая картина наблюдается в улусах.

Во всех улусах наблюдается закономерность: сначала трон переходит к сыну первого хана (Джучи — Бату — Сартак, Чагатай — Хара-Хулагу, Хулагу — Абага), потом начинает передаваться дядьям, братьям и племянникам. То есть каждый из улусных правителей старался закрепить царствование за своим домом. Анализ смены ханов в чингисидских уделах позволяет заключить, что относительное большинство улусных ханов (около 41%) назначалось старшими государями, особенно часто у первых Джучидов, связанных соправительственными отношениями с каанами, и у Чагатаидов, зависевших от Хайду. Большое значение имел курултай, вручавший царство монархам (21%). Правда, чаще он использовался как орудие интриг, по семь раз междоусобица и борьба претендентов действительно кончались примирением на съезде князей и царевичей, избравших хана. Курултаев, которые собирались по поводу провозглашения любого хана, было столько же, сколько ханов, т. е. 32. Были и другие основания для воцарения, но они сравнительно редки. Завещание трона конкретному лицу практиковалось очень редко — известно по одному случаю на улус. Это демонстрирует непопулярность, нетрадиционность для монгольской государственности замещения престола по воле предшественника. Что касается родственных связей сменявших друг друга сюзеренов, то наблюдается преобладание родового принципа над династийным: из 32 великих и улусных ханов 11 являлись детьми и внуками предшественников, 21 — другими старшими и младшими родственниками. 11 раз (из 21) престол переходил к родному или двоюродному брату, затем следует престолонаследие племянников (8 случаев, особенно у «белых» Джучидов и Чагатаев). Просматривается определенная система: ханами становились в основном родные братья или кузены предыдущего монарха; трон передавался от одного брата к другому как бы по горизонтали, переходил к племянникам или к дядьям по диагонали.

Таким видится принятый в империи порядок престолонаследия, соседствовавший с официальной концепцией кланового старшинства.

Происхождение системы престолонаследия у монголов XIII в.

Вариации родовой и династийной систем наследования имели место во всех раннесредневековых государствах Центральной и Восточной Азии и Восточной Европы. В одних державах, как и в монгольской, преимущественными правами пользовались старшие родственники правителя или лица, принадлежавшие к одному с ним поколению, чаще братья (южные хунну

[Гумилев, 1960, с. 213—214]; древние тюрки [Гумилев, 1959; 1967, с. 58—59, 287, 315; Кюнер, 1961, с. 328; Малов, 1951, с. 36]; печенеги [Константин Багрянородный, 1989, с. 155]; хазары [Коковцов, 1932, с. 81, 98]; волжские болгары [Греков, Калинин, 1948, с. 162]; чжурчжэни [Васильев, 1857, с. 81]). В других твердо держалась династия (северные хунну [Гумилев, 1960, с. 214]; уйгуры VIII—IX вв. [Hamilton, 1955, с. 139—141]; Караханиды [История Киргизской ССР, 1984, с. 317; Караев, 1983, с. 268—270; ср.: Кляшторный, 1970, с. 85]). В третьих сначала практиковалось родовое чередование, затем оно сменялось династией (Китай [Материалы, 1984, с. 114, 248]; синьби [Думан, 1968, с. 47—48, 53, 54]; кыпчаки [Плетнева, 1958, с. 195, 196; Федоров, Федоров, 1978, с. 237, 239]; сельджуки [Агаджанов, 1973, с. 65]; кидани [Викторова, 1980, с. 142; Е Лули, 1979, с. 142—170; Wittfogel, Fêng Chia-shêng, 1949, с. 401]). В четвертых — наоборот (хунну до раскола [Таскин, 1973, с. 7—9]; жужане [Материалы, 1984, с. 267—280]).

Из всего этого множества соответствий напрашивается вывод, что обе системы преемственности царской власти вели свое происхождение не от какой-то одной государственности, а по крайней мере в большинстве случаев формировались конвергентно. Поэтому представляется целесообразным искать истоки монгольского престолонаследия в истории древних монголов.

Прадед Темучина, Хабул, которого многие историки считают основателем первого монгольского улуса, распорядился, чтобы ему наследовал его двоюродный брат Амбагай, несмотря на то что у самого Хабула было семеро сыновей. Амбагай же, попав в чжурчжэньский плен, отправил на родину завещание ханства своему сыну, Хадану, или сыну Хабула, Хутуле, — на усмотрение курултая. Курултай остановил выбор на Хутуле [Козин, 1941, с. 84, 85]. А после него остатки распавшегося улуса возглавил племянник Хутулы Есугэй, отец Чингиса. Получается следующая последовательность: хан — двоюродный брат — двоюродный племянник — племянник. О родовой очередности помнил и Темучин: «Сэчэнь-дайчэу (Сэчэн-бэки в монгольских источниках.— В. Т.)... есть потомок Балгата (Укин-Баркака.— В. Т.), двоюродного деда. Желали поставить его владетелем, но он с твердостью отказался, назначили тебя, Хуцзир (Хучир, Хучар.— В. Т.), как сына дяди Нагуня (Нэгун-тайши.— В. Т.), но ты с твердостью отклонил сие... Предложили постановить тебя, Алтан, как сына нашего деда Худулы, и ты также с твердостью отказался, почему вы и избрали меня своим государем. Ужели я сам предварительно искал сего? Противу чаяния избран я общим мнением...» [Иакинф, 1829, с. 27—28]. Судя по этому фрагменту из «Юань ши», трон монгольского улуса в конце XII в. поочередно предлагался троюродному брату по линии старшего (по отношению к родному деду) двоюродного деда, затем двоюродному брату (сыну стар-

шего по отношению к отцу дяди), затем младшему дяде, наконец, самому Темучину. Допускаю, что и в этом разговоре отказ от ханства подразумевается чисто обрядовый, ритуальный по значению¹³⁷. Но то, что монголы еще до создания империи признавали за старшими родственниками первенство в праве на ханствование, несомненно. Родовой принцип наследования у них соблюдался строго, так как в XI — начале XIII в. в их среде не отмечено конфликтов ханских сыновей со старшими родичами, каковые происходили в то время у соседей-керентов [Иакинф, 1829, с. 14—15].

Обобщим заключения по этой проблеме. Правящим родом Монгольской империи являлись не борджигины, к которым принадлежал Чингисхан, а одно из их ответвлений — Чингисиды. К управлению империей в целом и улусами теоретически допускались все потомки Чингисхана от ханши Бортэ. Практически место каана предоставлялось царевичам, получившим уделы в восточной половине державы, — Угедэю и его потомкам (по завещанию Чингисхана) и потомкам Толуя (по законам родового наследования). Правители западных улусов по традиции не могли претендовать на главный престол. В империи сосуществовали и боролись две тенденции в порядке престолонаследия — родовая и династийная. Носителями первой были улусные ханы. Поскольку происходило все большее обособление улусов, эта система получила преобладание. Выразителями второй тенденции являлись центральные правители — кааны. Видимо, поддержка ими улусных династий диктовалась необходимостью закрепления крупных уделов империи за боковыми линиями Чингисидов, которые в таком случае отказались бы от посягательств на каракорумский трон. Родовая система наследования сформировалась у монголов в период предгосударственных и раннегосударственных образований XI—XII вв.

Таким образом, в территориально-административной структуре Монгольской империи историческая преемственность проявилась в восстановлении дуализма управления, т. е. двухкрыльной системы и соправительства двух сюзеренов в восточной и западной частях государства, а также организации престолонаследия. Перерыв в практической реализации этих институтов на протяжении нескольких столетий, особенности развития традиции и специфика Еке Монгол улуса не способствовали буквальному повторению раннесредневековых принципов управления. Империя Чингисидов включила в себя страны древней оседло-земледельческой цивилизации, тогда как ее предшественники (кроме киданей) ограничивались торговлей с ними и набегами. Нормы управления степняками, продиктованные неписаным кодексом *törü*, оказывались в чистом виде непригодными для формирования единой государственности монголо-тюркских кочевников и жителей покоренных стран. Деспотичная власть каана и — на первых порах — преклонение перед нею улусных Чингисидов выступали решающими, хотя и

недолговечными, факторами относительной внутренней стабильности в империи. Естественно, что в этих условиях соправители главных монархов не получали официального (дарованного ярлыком) статуса равновеликих каану государей, не дублировали в полном объеме его функций¹³⁸. Подобная ситуация сложилась и в улусных ханствах.

Аморфной оказалась и общеимперская система крыльев. Установленное Чингисханом разделение населения и территории на три части было изменено Угедэем и Чагатаем на двусоставную структуру. В 50-х годах XIII в. дробление каанского улуса нарушило ее, а сепаратизм Хулагу и узурпация Хубилая привели к обесмысливанию и без того лишь номинально существовавших больших крыльев империи. Пожалуй, в конструкции «джунгар-барунгар» противоречия традиционности проявились наиболее четко. Командиры правого крыла не являлись полноценными соправителями, подобно хунским правым саянь-ванам и тюркским джабгу-каганам. Разбросанность мигрантов-завоевателей по гигантской территории превращала общеимперские крылья в политическую абстракцию, в чисто территориальную категорию, что послужило и одной из причин их последующего дробления. Эта система (по сравнению с улусной) уже не имела рационального применения¹³⁹ и сохранялась только по традиции, в соответствии с *төрү*.

Военно-административное районирование и управление были унаследованы от тюркских каганатов VI—VIII вв. Именно в них соправительство и система крыльев Монгольской империи находят ближайшие соответствия. Ни китайские, ни киданьская империи не оказали влияния на формирование этих ингредиентов монгольской государственности.

Представление об империи как о сфере управления и власти только чингисидской ветви тайджинутского рода борджигинов отразилось на особенностях престолонаследия. Родовой принцип передачи трона был ведущим в улусных ханствах, что также традиционно для политических образований Великой Стени.

Анализ государственного строя Монгольской империи позволяет сделать некоторые выводы в конкретно-историческом плане в отношении кочевой государственности XIII в. Анализ же государственных традиций позволяет вывести отдельные теоретические, общенсторические положения с аргументацией, в основном построенной на конкретике восточного средневековья.

Общие выводы. В монографии обращалось внимание лишь на те явления, которые могли быть рассмотрены в качестве традиционных для кочевого мира. Остались в стороне многочисленные аспекты внутренней организации Монгольской империи, необычные для прежних держав номадов. Это главным образом перенятые из покоренных стран элементы податной системы, организация административного аппарата, особенно на местах, в улусах. В соответствии с очередностью задач, сформулированных во Введении, резюмируем результаты их решения.

Выявленный на сегодняшний день комплекс источников позволяет начать разработку проблемы историко-генетических связей в кочевой государственности. Этот вопрос в исторической науке был поднят в самом общем виде и до сих пор не исследован. На пути его изучения стояла методологическая трудность — необходимость анализа движущих сил развития и средств сохранения принципов государственности, ее традиций в истории.

Для политических структур кочевников такими средствами выступали (в порядке значимости) нормы *төрү*, информация эпических сказаний, практика государственного строительства (сознательное или неосознанное использование политико-административных достижений народов-соседей и предшественников). В этих трех сферах происходят развитие и изменение представлений о государственном устройстве. Наконец, сведения памятников письменности также выступали в качестве фактора сохранения традиций. В этих памятниках имеет место консервация таких представлений.

Государственная традиция в Монгольской империи проявлялась в двух направлениях — идеологическом оправдании завоеваний (провозглашение политики очередного «объединения народов, живущих за войлочными стенами») и организации управления (концепция верховной власти, соправительство, система крыльев и улусов, престолонаследие). Следовательно, государственная традиция выполняла две функции: с одной стороны, способствовала созданию полноценного управления госу-

дарством; с другой — помогала консолидировать военные силы. Отсюда применительно к Монгольской империи общее понятие «государственная традиция» можно разделить на две сферы проявления, две «субтрадиции»: традицию построения империи и традицию «объединения» кочевников.

Несомненно, монгольская государственность развилась на своей собственной основе, явилась плодом общественного развития в Центральной Азии XII — начала XIII в. Но ее форма, в отличие от содержания, была традиционной, т. е. существовала в виде институтов, уже апробированных в кочевых державах раннего средневековья. Наиболее заметное влияние на ее генезис оказали традиции древнетюркских и Уйгурского каганатов VI—IX вв. Однако эпические сказания и нормы обычного права не содержали информации о времени появления управленческих учреждений в истории, либо их создание приписывалось легендарным персонажам. Поэтому преемственность и подражательность в организации управления осуществлялись и, возможно, осознавались обычно по отношению не к какому-то конкретному государству, а к абстрактному эпическому образу степной империи в целом. Наше исследование показывает, что более всего в этом образе отразились черты древнетюркского эля.

Существование многовекового разрыва между падением царства уйгуров в середине IX в. и воцарением Чингисхана в 1206 г. требует повторного обращения к особенностям и диалектике государственной традиции, завершения характеристики этого социального феномена, начатой выше (см. Введение и гл. 2).

Особенности государственной традиции. Смена форм актуализации представляется фундаментальным свойством, присущим традициям социально-политической сферы, в частности государственной традиции. Допустим, феномен соправительства, возникнув как элемент государственности в державе хунну, приобрел законченные формы в первом Тюркском каганате и гипертрофированную форму у хазар. Уйгурский эль явил лишь слабое подобие древнетюркской дуальной структуры, а кидани и правители большинства тюркских и монгольских ханств XI—XII вв. ее вообще не применяли. Но традиция соправительства продолжала существовать, хотя и вне практики, т. е. в фольклоре и *төрү*. Она как бы потерялась из виду, и, когда возникла у монголов XIII в., создалось впечатление абсолютной новации. Значит, в отношении действия социально-политических традиций, в том числе государственной, не всегда имеет смысл говорить о преемственности в общепринятом понимании — как о передаче их поколения к поколению в неизменных (по уровню) формах¹⁴⁰. Напротив, государственной традиции присуще явление, которое может быть названо *хронологической прерывностью*.

Кроме того, история кочевой государственности демонстри-

рует и *этническую прерывность*. Например, стратегия объединения кочевников, приемы управления ими и построения империи, применявшиеся тюркоязычными хуннами и туңзюэ, были возрождены и воплощены этнически чуждыми этим народам монголами. Принципиальная идентичность экономики и быта, близкое соседство (и кое-где чересполосное расселение), частые миграции, полиэтничность ранних степных империй — все это позволяло государственной традиции переступать этнолингвистические барьеры, переносить достижения хунно-тюркской и сяньби-киданьской политической культуры в среду средневековых монголов.

Все традиции — порождение движения общественного бытия и сознания. Значит ли это и оправданно ли мнение, будто они возникают стихийно в ходе истории? Можно ли безоговорочно исключать из сферы традициогенеза одноразовые декретивные постановления властей предрежающих, как это делают отдельные исследователи (см. [Аленина, 1977, с. 11, 13; Плахов, 1982, с. 71; Суханов, 1976, с. 20; и др.]?)

По нашему мнению, такой подход, во-первых, противоречит разработкам философов, которые специально занимались данным вопросом. Так, Э. А. Баллер заметил избирательность в пользовании традиционными установками, ценностями. Класс, находящийся на подъеме, использовал только то, что может помочь ему в борьбе с уходящими классами и сохранении своего господства над классом-антагонистом [Баллер, 1969, с. 86]. Э. А. Баллер оперирует присущими историческому материализму масштабами и категориями. В нашей работе речь не идет непосредственно о классовой борьбе, но для характеристики в целом социальных процессов мысль Э. А. Баллера выглядит вполне адекватной. В. А. Малинин, разбирая диалектику развития традиций, остановился и на соотношении их с субъективным фактором. По мнению данного автора, субъективный фактор может оказывать существенное влияние только на форму традиции, но не на ее содержание, т. е. может в определенной мере утилизировать ее идейное богатство. Кроме того, он способен играть и новаторскую роль, выдвигая идеи, дающие «начало новой традиции... лучше отвечающей изменившимся историческим условиям» [Малинин, 1966, с. 206]. Чаще всего человек, конечно, не «застает» начала традиции во времени. Но он может не только слепо и неотвратно ей подчиняться, но и ломать ее, когда изменившиеся исторические обстоятельства побуждают к изменению отживших форм жизнедеятельности.

Во-вторых, неприятие дискретного источника традиции противоречит историческим фактам. Полная формула титулатуры верховного кочевого монарха возникла при хуннском дворе во II в. до н. э., была повторена в древнетюркскую эпоху и в слегка модифицированном виде и в изменившемся контексте применялась правителями-Чингисядами в XIII в. Следовательно, по-

литическую волю можно признать фактором генезиса традиции, и это, видимо, составляет одну из специфических черт социальных и политических традиций¹⁴¹. У них наряду с общим для всех традиций источником — непрерывным развитием производственных и общественных отношений — имеется и особенный: дискретные, «точечные» акты, весьма ограниченные во времени. Такой сложный процесс, как организация государственного управления, неизбежно предполагает участие политической воли. Если происходят возрождение или гальванизация традиции, то это обычно связано с действиями группы лиц, которые не только берут на вооружение отдельные установки прошлого, но также, что более важно, сознательно выбирают из прошлого элементы общественной жизни, адекватные новым условиям, особенно если они соответствуют сложившейся политической ситуации и могут быть безболезненно введены в социальную практику¹⁴².

Традиция вполне может выступать в своем идеологическом оформлении, ведь для восстановления каких-либо феноменов прошлого не обязательно и чаще нежелательно их копирование. Важно корректное представление о данном явлении, сохранившаяся в сознании сумма его сущностных характеристик. Иногда этот «запас представлений» предстает в виде сложной фундаментальной концепции («объединение народов, живущих за войлочными стенами»). Иногда из него извлекаются отдельные компоненты, не противоречащие новым историческим обстоятельствам (например, система крыльев в Монгольской империи без традиционного параллельного дублирования компетенции правителей каждого из крыльев). Говоря об извлечении компонентов, следует логически допустить и существование композиционной совокупности, объединяющей в себе эти компоненты, т. е. допустить существование традиции как сложной структуры.

Структура традиций довольно четко определена А. И. Першицем и И. В. Сухановым. Сводится она к членению на идеологическую мотивацию деятельности акта, представление о способе его осуществления и обрядовое оформление (см. [Першиц, 1981, с. 71; Суханов, 1976, с. 37]). Думается, в нашей книге нашли отражение именно эти аспекты. Часть ее отведена идеологическому обоснованию создания Монгольской империи и организации ее управления, т. е. фактическому оправданию завоеваний. Традиционными, идущими из кочевой старины оказались как способы «объединения» номадов, так и методы построения военно-государственного административного механизма. Обрядовая сторона этих процессов очень скупо показана в источниках. Однако и ничтожные сведения о коронационных, некоторых других ритуалах позволяют делать вывод о существовании особой церемониальной программы для важных мероприятий (в том числе принятия в подданство, инвеституры и т. д.). Собственно, выдача ярлыка на улус или пайцзы на проезд уже являлась официальным обрядом, так что государст-

венная традиция кочевников имела полноценную форму и на обрядовой стадии своего бытия.

В итоге отметим следующее. Государственная традиция представляет собой один из способов организации и регулирования связей между людьми в процессе функционирования социальных институтов. Поэтому она выполняет регулятивную функцию, как и все остальные традиции. Государственная традиция действует на уровне социальной идеологии в качестве оправдания политического господства конкретного класса, сословия или другой общественной группировки. Актуализация государственной традиции неразрывно связана с историческим знанием (исторической, или социальной памятью), ведь сведения о социально-политических явлениях предшествующих эпох далеко не всегда опираются на существование этих явлений в настоящем. Напротив, эта информация чаще хранится в исторической памяти (в кочевых обществах это, как правило, фольклор и обычное право) и в письменных сочинениях. Историческое знание выступает при этом фактором политического сознания, потому что представления о государственности прошлого служат предпосылкой для осмысления и воплощения принципов организации современных политических структур. Выделяются следующие характерные для государственной традиции черты¹⁴³: а) повышенная роль субъективного фактора¹⁴⁴ в создании и возрождении традиции; б) хронологическая прерывность — соответствующие элементы государственного строя могут возродиться там и тогда, где и когда для них сформируются подходящие условия и возникнет целесообразность применения; в) этническая прерывность — особенности государственности одного народа в каком-либо регионе наследуются последующим иноэтничным населением данной территории.

Эволюция государственных традиций в конце XIII—XIV в. Население разных частей Монгольской империи не было связано ни экономическим, ни культурным, ни тем более этническим единством. Это обстоятельство порождало сепаратизм улусных ханов: ведь чтобы сохранить свое господство, они были вынуждены приспосабливаться к местным условиям. Джучиды и Хулагуиды приняли ислам и вместе с ним ориентацию на городскую мусульманскую бюрократию и купечество; юаньские императоры китаизировали двор и всю державу, установив налогообложение, провинциальное деление и создав чиновничий аппарат в традиционных китайских формах. Чагатайские царицы перессорились между собой, их улус попал в зависимость от Угедэида Хайду, а затем распался. Созданная Чингисханом и его внуками империя к концу XIII в. перестала существовать как единое целое.

Причины этого раскрываются в каждом исследовании по монгольскому средневековью. Но нас интересует судьба кочевого государственного наследия. Как уже говорилось, его применение было рассчитано прежде всего на монгольские и тюркские

народы евразийской степи, которые были носителями традиции и оказались ее жертвами. Мы видели, что традиционные нормы государственного строительства, возникшие у кочевников, оказались наиболее жизнеспособными на степных территориях империи — в Монголии и Золотой Орде, чего нельзя сказать об улусах Чагатай (в его мавераннахрской части) и Хулагу. Оседлые же цивилизации, включенные в Еке Монгол улус, имели собственную развитую государственность, поэтому правление завоевателей там осуществлялось руками туземных властей (русские княжества, Уйгурия, енисейская Кыргызия) или монгольские власти сами перенимали местные административные системы (Иран, Китай). Следует учесть, что в первые десятилетия после смерти Чингисхана его авторитет как основателя царства и сакрализованного предка регламентировал многие аспекты государственных отношений. Преклонение перед создателем империи обеспечило на первых порах сохранение освященных им политических и идеологических норм. Другими словами, на общекочевническую государственную традицию наложилась другая, стимулировавшая ее, — «чингисовская».

Но развитие общественных отношений, жесткая экономическая зависимость от оседло-земледельческих областей вызывали затухание, девальвацию обеих традиций. Инертность традиционных учреждений не позволяла оперативно и точно регулировать политические и социальные (феодализационные) процессы. Поэтому, когда появились достаточные причины и объективная, даже настоятельная необходимость замены кочевых форм государственности на оседлые, эти формы утратили первоначальную абсолютную значимость и остались лишь в сфере военного строительства и придворном церемониале. Указанный процесс можно рассматривать как двухплановый. Во-первых, шло формирование новых, синтезных, оседло-кочевых традиций, все более отрывавшихся от центральноазиатской основы. Во-вторых, и это главное, в улусных ханствах набирали силу мощные традиции, которые существовали в поработанных странах до завоевания. Кочевое государственное наследие на чуждой для себя почве соперничать с ними не могло.

¹ Еке Монгол улус (Великая Монгольская держава) — название империи, употреблявшееся монголами в XIII в.

² В. Я. Петрухин назвал государственной традицией предания об основании и основателях государства [История первобытного общества, 1988, с. 445].

³ Близким к этому определением природы традиций завершилась дискуссия 1984—1985 гг. в журнале «Советская этнография» по вопросу о месте сельской общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций (см. [СЭ, 1985, с. 81]). Ряд исследователей этого феномена также относит его к сфере общественного сознания (см. [Малинин, 1966, с. 201, 208; Першиц, 1981, с. 70; Суханов, 1976, с. 25, 76]).

⁴ Идеологическая функция государственной традиции в книге подробно не рассматривается. Некоторые соображения по этому поводу см. [Ювчишнина, Третьяков, 1982, с. 33].

⁵ Имеются в виду оседло-земледельческие народы.

⁶ Туцзюэ — китайское название алтайских и орхонских тюрок, создавших в VI—VIII вв. восточные и западные каганаты.

⁷ Свой тезис В. В. Бартольд подкреплял следующими соображениями: 1) тюркский каган, судя по орхонским эпитафиям, делает бедный народ богатым, малочисленный народ многочисленным и т. п. А «Чингиз-хан настаивает на том, что до него в степи не было никакого порядка: младшие не слушали старших, подчиненные не уважали начальников, начальники не исполняли своих обязанностей по отношению к подчиненным. Чингиз-хан, вступив на престол, ввел строгий порядок и указал каждому свое место» [Бартольд, 1968, с. 261]. Однако, во-первых, мы не можем слепо следовать концепции источника и принимать на веру альтруизм государя Ашина. Перечисление Билге-каганом собственных благодеяний еще не свидетельствует о «демократическом» характере древнетюркского общества. Во-вторых, стелы с руническими надписями были выставлены на всеобщее обозрение и представляли собой политические декларации. Вероятно, в таких документах трактовка отношений сюзерена и подданных должна была выглядеть иначе, чем в засекреченных хрониках правящего рода, откуда В. В. Бартольд взял наставления Чингисхана.

⁸ Понятие «каганат цзубу» мною встречено только в работах Н. Иш-жамца.

⁹ Термин «чифдом» вошел в советскую науку Л. С. Васильев. Как обозначение стадии социополитического развития, он впервые появился в трудах американских историков и социологов Л. Крадера, Э. Сервиса, М. Фрида.

¹⁰ Л. С. Васильев применяет понятие раннего государства для следующей за «чифдомом» ступени политического развития (см. [Васильев, 1983, с. 49]). И как раз признаки этой, более поздней формы гораздо больше соответствуют картине общественных отношений в крупнейших кочевых империях.

¹¹ С. А. Плетневой принадлежит, видимо, самая подробная схема сравнения держав кочевников. Хотя С. А. Плетнева и относит Хунну, Тюркский каганат и Монгольскую империю к разным «моделям», она все же неоднократно подчеркивает наличие сближающих их политических факторов [Плетнева, 1982, с. 69, 117, 141—142].

¹² Речь идет именно о попытках развернутой аргументации, а не о простом констатировании наличия тюркского наследия.

¹³ Под древнетюркской эпохой я подразумеваю период с середины VI до середины IX в. — время существования в Центральной Азии каганатов тюрк-туцзюэ, сяньто, уйгуров. А. Д. Грач и Л. Р. Кызласов в своих статьях и монографиях вели многолетний спор о хронологических рамках древнетюркской эпохи и правомерности самого этого понятия. Первый отстаивал широкое толкование этого времени (VI—X вв.), т. е. включая и период «кыргызского великодержавия» [Грач, 1966], второй выступил за датировку VI—VIII вв., т. е. до падения второго Восточно-тюркского каганата [Кызласов, 1969, с. 121; 1979, с. 140—143]. Доводы Л. Р. Кызласова мне представляются более убедительными. Но в этой дискуссии не учитывался момент традиционности. Если государственные образования на Енисее возникли еще до установления гегемонии туцзюэ, то эль уйгуров сформировался на основе тех же политических институтов, что действовали в империи Ашина (об этой преемственности см. [Бернштам, 1946, с. 191; Гумилев, 1967, с. 222; Кызласов, 1964, с. 117, 132; Плетнева, 1982, с. 90, 91; Сэр-Оджав, 1971, с. 21; Тихонов, 1966, с. 31; Kwanen, 1979, с. 7; и др.]). Следовательно, кыргызы должны быть выделены в самостоятельный политический массив, а уйгуры (теле) представлены как продолжатели традиций разгромленного ими второго Восточного каганата. Административные органы в обеих державах были идентичны. Конечно, такое объединение условно, так как уйгурское ханство на Орхоне с его выборными предводителями, постоянной враждой равноправных телеских племен-федератов было антиподом государства туцзюэ, возглавлявшегося самодержавным монархом и сложенным вокруг него правящим родом.

Специфическую уйгурскую традицию попытался определить К. Цегледи, но он причисляет к таковой только один феномен — десятичную разверстку армии и населения [Cséglédy, 1974, с. 304]. Однако известно, что она бытовала задолго до того у хуннов, жузашей и орхонских тюрков, поэтому не может считаться «изобретением» уйгуров.

¹⁴ Противоположного мнения об оригинальности корпуса кэшиг придерживаются Д. Гонгор и Ш. Нацагдорж [История МНР, 1967, с. 67].

¹⁵ О приоритете сяньби см. [Материалы, 1984, с. 217, 227, 234; Сухбатар, 1971а, с. 79, 80]. К. Сиратори и Н. Сэр-Оджав считают, что первым в истории каганом был жузашский Шэлунь [Сэр-Оджав, 1971, с. 16; Shiratory, 1926, с. 3, 4, 7, 8, 16].

¹⁶ Пине установлено, что время жизни Бортэ-Чино — середина VIII в. (см. [Викторова, 1980, с. 161]). Одно поколение — приблизительно 20—25 лет.

¹⁷ Перечислить всю литературу по этой теме невозможно — она многочисленна. Назовем лишь последние исследования — статьи А. Ш. Кадырбаева [Кадырбаев, 1977; 1978; 1979; 1980; 1982; 1982а] и И. де Рахевилла [Racheviltz, 1983]. Кроме того, Ш. Бира предпринял единственную в Юани, попытку выявить кушанскую религиозно-политическую традицию в Юани, приписанную буддийским монашеством через писания древнеиндийских мудрецов [Бира, 1975].

¹⁸ А. Зеки Велиди Тоган впервые попробовал проанализировать лишь историко-этническую преемственность.

¹⁹ Того же мнения придерживаются и другие исследователи (см. [Кычанов, 1974; Kwanen, 1979, с. 196]). Е. И. Кычанов справедливо считает главными направлениями внутрисоударственной деятельности Чингисхана в тот период организацию главной ханской ставки (орды) и налаживание управления войсками и народом [Кычанов, 1986, с. 96, 97]. О развитии и усложнении улусных магистратов см. [Трепавлов, 1989, с. 156—161].

²⁰ Титулы «каан», «каган», «хаган» употребляются в книге как синонимы. «Каган» — раннесредневековое обозначение верховного монарха кочевой империи. В монгольском языке того времени ему соответствовало слово «хаган», передававшееся персидскими хронистами как «каан». По иранские источники относят этот титул к монгольским правителям лишь с 1229 г., а монгольские — уже с середины XII в., с Хабула, прадеда Чингисхана. Иерархический статус главных государей Еке Монгол улуса, начиная с Чингисхана, был одинаковым: по своему положению они, несомненно, являлись каганами. Од-

нако в научной литературе термин «каан» традиционно закрепился за Угедэем, Гуюком, Мункэ, Арг-бугой, Хубилаем и Улджэйту-Тэмуром. Поэтому, упоминая их, мы будем употреблять этот титул, а говоря об основателе империи, воспользуемся термином «каган».

²¹ Чингисхан говорил: «Я хочу высказать свое благоволение и пожаловать нойонами-тысячниками тех людей, которые потрудились вместе со мною в создании государства» [Козин, 1941, с. 158].

²² См. беседу суйского посла и тюркского западного кагана Чулу. она состоялась в 605 или 606 г. [Chavannes, 1903, с. 16].

²³ В 30-е годы VII в., после нашествия второго Восточно-тюркского каганата, танское правительство попыталось ввести у тюрков хуннскую систему должностей и уделов (см. [Бичурин, 1950, т. 1, с. 261]).

²⁴ Например, в «Истории династии Тан» подчеркивается, что Уйгурский каганат занял те же территории и расположился в тех же границах, что и государство хунну (см. [Бичурин, 1950, т. 1, с. 309]).

²⁵ В комментариях юаньского времени к стихам Елюй Чжу (середина XIII в.), сына чжуншуллиня Елюй Чуцай, говорится: «Город Хоринь (т. е. Каракорум.— В. Т.) есть древняя... земля Бики-Кэханя (Бильге-кагана.— В. Т.). Тай-цзун (Угедэй.— В. Т.) построил тут дворец... на северо-запад от города в 70 ли находятся развалины города с дворцом Бики-Кэханя; на северо-восток от города находится памятник Кюэ-Тэцзиня (Кюль-тегина.— В. Т.) с надписью, составленной танским императором Мин (Сюань-цзуном.— В. Т.) в год жэнь-шэнь (732)» [Васильев, 1897, с. 9].

²⁶ Описывая свое путешествие к Чингисхану, Елюй Чуцай неоднократно ссылается на события эпохи Тан, в частности, цитируя хронику «История династии Тан» (см. [Bretschneider, 1888, с. 16, 24]).

²⁷ Ш. Бира не сомневается, что до монголов дошли «историографические достижения» древних тюрков, но тексты рун, по его мнению, монголы не могли прочесть и пользовались лишь фольклором (Бира, 1978, с. 29).

²⁸ Но содержание тюркского и китайского вариантов надписи на памятнике Кюль-тегину очень различны, и иероглифический текст не дает каких-либо подробностей о государственном устройстве у туцзюэ.

²⁹ Их аргументы таковы: 1) развитой литературный язык, которым написана «Тайная история монголов», не мог оформиться без письменности; 2) у сяньби, жужаней и киданей были свои оригинальные письмены, значит, ими пользовались и этнические потомки этих народов — монголы. Но авторы не поясняют, почему они считают язык «Тайной истории монголов» литературным. Кроме того, не обнаружено ни одного документа, написанного сяньбийскими или жужаньскими знаками, если таковые вообще существовали, а наличие письменности у киданей не означает, что ею пользовались и монголы.

³⁰ Выражение Сюй Тана: «Не иметь письменности» — не является традиционным китайским обозначением отсутствия иероглифики (применявшееся встарь и в отношении тюрков-туцзюэ — обладателей рунического алфавита), так как в обоих источниках в один ряд с китайским ставится уйгурское письмо.

³¹ Едва ли можно согласиться с мнением Б. З. Базаровой о том, что родословия старших ветвей праматери Алан-гоа в «Тайной истории монголов» опущены потому, что они «ничем не прославлены» [Базарова, 1986, с. 67, 68]. У других кочевых племен Центральной Азии паверьяка имелись свои предания о предках, может быть столь же разветвленные, как и у борджигинов. Но «Тайная история монголов» посвящена истории только борджигинов.

³² О Каракоруме как древней земле уйгуров см. также [Путешествия, 1957, с. 130]. Вообще основание главной ставки на Орхоне традиционно для центральноазиатских кочевых империй.

³³ Решающее значение «генеалогической традиции» (т. е. этических повествований) для сохранения дуальной структуры у арабов отмечал А. И. Першиц [Першиц, 1958, с. 93].

³⁴ Это расходится с общепринятым у тюркских и монгольских народов порядком (см. гл. 4).

³⁵ Память о каганате сохранилась до этнографической современности у башкир-тангаур, возводящих свое происхождение к Кюль-тегину (см. [Кузеев, 1974, с. 137]).

³⁶ Особая роль устного народного творчества для передачи социально значимой информации объяснялась не только отсутствием письменности у большинства кочевых народов, но и стабильными чертами их общественного сознания. Совершенно верно отмечал Э. Г. Абрамян, что «в первобытной культуре любая инновация более или менее быстро превращается в стереотип, тогда как временные интервалы между инновациями достаточны для того, чтобы любое изобретение или открытие успело уйти из памяти этноса как реальный факт и войти в него в качестве предания, легенды или мифа» [Абрамян, 1978, с. 91].

³⁷ В написании термина нет единообразия. Төрү — форма, применявшаяся в древнетюркских рунических памятниках и принятая в «Древнетюркском словаре» [Древнетюркский словарь, 1969, с. 169, 360, 581, 582].

³⁸ В. Банг признавал допустимыми обе интерпретации төрү (в нашем тексте — пункты «1» и «2») в зависимости от контекста (см. [Bang, 1896, с. 342, 343]).

³⁹ О другой сфере применения төрү — титулатуре — см. [Малаявкин, 1974, с. 78; Материалы, 1969, с. 235, 378, 412—416; Материалы, 1984, с. 413, 414; Schlegel, 1896; Togan, 1941, с. 273].

⁴⁰ Так С. Е. Малов перевел термин «төрү» [Малов, 1951, с. 230].

⁴¹ Возможно, это началось раньше, так как структура тюркских каганатов во многом повторяла устройство хуннской империи, да и прототипом Огуз-кагана иногда считают Модэ-шаньюя (см. [Бернштам, 1935]).

⁴² Подробнее о сферах применения нормы төрү у кочевников VI—XVII вв. см. [Третьяков, 1991].

⁴³ Единственный письменный зафиксированный памятник монгольского законодательства XIII в. — указ Хубилая корёскому королю 1280 г. (см. [Сумъя-батар, 1985]) отразил развитие некоторых правовых норм под китайским влиянием и касался лишь внутриаимейских отношений.

⁴⁴ Обычно-правовое регулирование деятельности высшей администрации не позволяет расценивать каана как полного автократора. Его власть основывалась на традиционных канонах. Поэтому вызывает сомнение тезис П. Рачневски о том, будто «воля правителя была главным законом в империи» Чынгисидов [Raichnevsky, 1987, с. 84]. «Воля правителя», выражавшаяся в так называемых биликах, касалась лишь второстепенных аспектов управления.

⁴⁵ Б. Аталай при переводе глагола «qai» на турецкий язык использовал слово «yıkılmak» («быть брошенным, оставленным») [Divanî, 1941, с. 221], а С. М. Муталибов при переводе на узбекский — «ташламак» («выбрасывать, оставлять») [Махмуд Кошгарий, 1963, с. 240]. Такое толкование согласуется, во-первых, с пояснением, следующим за пословицей в тексте «Дивана»: «Это изречение говорят человеку, которого побуждают повиноваться обычаям предков» [Divanî, 1941, с. 221]. Во-вторых, соответствует одному из старых значений глагола «qai-» («отставать, оказываться позади»), знакомому и кашгарскому писателю (см. [Древнетюркский словарь, 1969, с. 410]); А. М. Шербак переводит данную фразу буквально, т. е. с противоположным смыслом: «Страна остается, обычай не остается» [Древнетюркский словарь, 1969, с. 169].

⁴⁶ М. М. Громыко считает общественное мнение и трудовой ритм общими факторами воспроизводства традиций [Громыко, 1984, с. 71, 74, 77]. Но для такой надобщиной структуры, как государство, эти факторы отступают на второй план. Для государственной традиции не обязательно соблюдение сезонности хозяйственных работ, а общественное мнение нейтрализуется ссылками на порядки «геронической эпохи», отраженной в эносах, и на установления төрү.

⁴⁷ Л. Квантен не уточняет, в чем, по его мнению, заключались эти меры.

⁴⁸ В разное время в различных «варварских» государствах важную роль играли инонациональные кадры советников — согдийцы в тюркских каганатах,

особенно Западном, в Уйгурском каганате; бохайцы и кидани в империи Цзинь. Кочевой народ, организующий государство, не мог обойтись без помощи более цивилизованных соседей.

⁴⁹ Правда, Д. Г. Савинов считает, будто хунские традиции способствовали присоединению тюркоязычных номадов, противников монголоязычных киданей, к Тюркскому каганату [Савинов, 1984, с. 34]. Но этим не объяснить распространение гегемонии каганата до Причерноморья, т. е. далеко за пределы бывшей территории хуннов. Кидани же в VI—VIII вв. не представляли собой сколько-нибудь значительной силы.

⁵⁰ Ф. С. Фасеев критикует все ныне существующие объяснения семантики «кёк», убедительно опровергая его толкование как «знать, аристократия» [Фасеев, 1978]. Отвергается также трактовка синего цвета тюрками в качестве обозначения востока, но никаких доводов Ф. С. Фасеев не приводит. При этом он ссылается не на суждения А. Н. Кононова и О. Придака, специально исследовавших этот вопрос, а только на мнение А. фон Габен, лишенное аргументации. Однако и Ф. С. Фасеев признает возможность смысловой аналогии «кёк тюрк» с «кёке монгол» [Фасеев, 1978, с. 139]. Н. Л. Жуковская справедливо полагает, что «монголы, называя себя „синими“, тем самым помещали себя на востоке» [Жуковская, 1988, с. 154, 155]. Отметив несоответствие такого обозначения традиционным монгольским понятиям о пространственной символике, данный автор видит объяснение этому несоответствию или в заимствовании тюркской концепции (вслед за А. Н. Кононовым), или в памяти о прародине в междуречье Онона и Керулена, «которая действительно лежит на восток от той территории, где Чингисхан заложил основы своей империи и ее столицу Харахорин» [Жуковская, 1988, с. 155]. Но и в последнем случае этот автор указывает на расхождение с традиционной монгольской схемой обозначения различных народов разными символическими цветами (по этой схеме монголы должны были быть не «синими», а «желтыми»). Таким образом, остается, пожалуй, единственное объяснение разбираемому применению понятия «кёке» — возрождение в XIII в. древнетюркской геополитической символики.

⁵¹ По сообщению Рашид ад-Дина, навстречу монгольской армии выехали три князя: «Еди-инал, Алдир, Олебег-дигин» [Рашид ад-Дин, 1952, кн. 1, с. 150]. В «Тайной истории монголов» приводятся те же имена, но элементы первого из них (Еди и Инал) С. А. Козин при переводе посчитал принадлежащими разным людям [Козин, 1941, с. 174]. Л. Р. Кызласов предположил, что речь идет о правителе-инале Еди-Уруна («Семи урунц») — хакасско-минусинской области киргизского государства [Кызласов, 1984, с. 86]. Владения киргизов в то время делились на две части — Хакасию (Киргиз) и Туву (Кэм-Кэмджиут) [Рашид ад-Дин, 1952, кн. 1, с. 150]. Домонгольская Тува включала шесть районов-багов [Кызласов, 1964, с. 158, 159]. Тогда допуская, что она была представлена на переговорах с Джучи шестью удельными правителями, имевшими титул «эр» («муж, воин»); «алды эр» — шесть эров. Правда, Л. Р. Кызласов переводит данное словосочетание как «шестой мужчина» [Кызласов, 1984, с. 87], но здесь термин «алды» именно количественное числительное, и передано оно в обоих источниках в характерной тувинской форме (у других тюркских народов — алты). См. [Наджип, 1979, с. 226]. Стало быть, депутация киргизов состояла из минусинского инала, шести тувинских владетелей и некоего Олебег-тегина (у Рашид ад-Дина — «дигина»).

⁵² Титул одного из начальников юаньского военного ведомства.

⁵³ Так, Л. П. Потапов считает, что средневековые обитатели Алтая, теленгуты и телесы, в основном происходили от племен теле (долангэ), смешавшихся с туцзюэ (тöлис) и большей частью входивших в Западно-тюркский каганат [Потапов, 1969, с. 159—162, 175, 186, 194]. То, что телесы — потомки тюрков-туцзюэ, а не теле, полагают Л. Н. Гумилев и Л. Р. Кызласов [Гумилев, 1967, с. 262; Кызласов, 1969, с. 52].

⁵⁴ Подтверждение находим в словах Чингисхана: «Ты, Джочи, старший из моих сыновей, недавно лишь вышел из дому, а в землях, куда ты ушел по хорошей дороге, уже успешно покорила лесные народы. Ни люди, ни кони не получили ран. Отдаю тебе эти народы» [Лубсан Данзан, 1973, с. 184].

⁵⁵ Заключаем это из того, что в источниках телесы упоминаются в начале XIII в. как самостоятельное племя, вне всякой связи с найманами.

⁵⁶ О концепции «внутренних» и «внешних» земель в традиционной китайской геополитике см. [Кроль, 1987].

⁵⁷ Под алтайским регионом подразумевается местность, включавшая Горный Алтай, северную часть Монгольского Алтая и прилегающие территории. Вопрос об улусной принадлежности данного региона специально рассматривался, видимо, только в работах Л. П. Потапова, который утверждал, что эти территории принадлежали Джучидам. В качестве доказательств Л. П. Потапов приводил следующие факторы: общность родовых наименований у многих народов — бывших подданных Золотой Орды, сходные детали их фольклора [Потапов, 1949, с. 125], тесные культурные связи алтайцев с кыпчаками [Потапов, 1953, с. 110]. Наличие этих факторов объясняется общностью материальной и отчасти духовной культуры кочевников, возникшей задолго до создания улуса Джучи. Источники сообщают о пожаловании Чингисханом Алтая и Прииртышья старшему сыну [Лубсан Данзан, 1973, с. 184; Рашид ад-Дин, 1960, с. 78], но эти сведения касаются событий, происходивших непосредственно после похода 1207 г. По окончании хорезмийской кампании (около 1224 г.) Джучи был назначен «главным даругачи над кыпчаками» [Лубсан Данзан, 1973, с. 229, 230], и Алтай, таким образом, исключался из его сюзеренитета. Впоследствии у истоков Иртыша находились личные земли и усыпальница Угедэя, владения его потомков [Рашид ад-Дин, 1960, с. 43]. Хайду, внук Угедэя, управлял территориями Енисейско-Иртышского междуречья и Алтая [Кычанов, 1963, с. 62]. Так что можно отнести алтайский регион к улусу Угедэя.

⁵⁸ Путешественники подчеркивали, что Алтай имел особое значение для правящего рода империи. Марко Поло писал о захоронениях Чингисхана и других монгольских каанов «в большой горе Алтай» [Книга Марко Поло, 1955, с. 87, 88, 274]. Хоронили их все же, по нашему мнению, на Орхоне или на родине, в Трехречье.

⁵⁹ С. М. Ахинжанов видит причину похода в откочевке на север зависимых от Мухаммеда кыпчакских племен [Ахинжанов, 1970, с. 49]. Но Джуджани сообщает о походе на йемеков: «Мухаммед отправился истреблять племена Кадыр-хана... сына Пакафтан йемекского» [Тизенгаузен, 1941, с. 13—14].

⁶⁰ В объяснении причин тяготения Чингисхана к уйгурам я солидарен с другими историками, изучавшими этот вопрос (см. [Бартольд, 1968е, с. 264; Владимирцов, 1922, с. 116; Кадырбаев, 1982а, с. 30; Семсиков, 1978, с. 31; Чулосников, 1924, с. 92]).

⁶¹ Елюй Даши — киданьский принц, бежавший с частью своих подданных в Среднюю Азию после разгрома чжурчженями империи Ляо в 1125 г. и Бэй Ляо в 1130 г. Основал царство Си (Западное) Ляо и принял титул «гур-хан». Население Си Ляо стало называться кара-кидаями.

⁶² По мнению И. Маркварта, поддержанному А. М. Щербак, «в уйгурском варианте легенды об Огуз-кагане, которая в форме древнего предания тюрков и монголов содержит обозрение завоеваний Чингисхана, тюркские народы представляются с сознательным намерением не как враги, но как союзники Огуз-кагана (=Чингиз-хана)» (цит. по [Щербак, 1959, с. 92]).

⁶³ Мавераннахр — область между средними течениями Амударьи и Сырдарьи.

⁶⁴ Арабский хронист XIII в. Ибн ал-Асир приводит доводы самаркандских воинов, решивших капитулировать: «Мы из рода их (т. е. монголов. — В. Т.), они не убьют нас» (цит. по [Тизенгаузен, 1884, с. 11]).

⁶⁵ Рашид ад-Дин дополняет информацию Ибн ал-Асира расшифровкой «договора»: «Мы с вами заключим договор, что не причиним друг другу вреда, мы дадим вам из золота и одежд то, что вы пожелаете» [Рашид ад-Дин, 1952, кн. 2, с. 220]. Скорее всего аналогичным образом заключались соглашения между монголами и добровольно покорявшимися им кочевыми князьями — заключались соглашения о ненападении и о доле в трофеях.

⁶⁶ Заметим, что бегство южнорусских помаров от наступающих войск Субедэя и Джебе последовало лишь после того, как они узнали о судьбе

кыпчаков Дагестана, порвавших с аланами (см. [Тизенгаузен, 1884, с. 25, 26]). Получается, что до этого они спокойно ожидали приближения монголов, називно надеясь на заключение «союзных договоров». Позже в кыпчакской диаспоре сохранялось представление о единстве степняков, и египетский султан-мамлюк говорил: «Мы [кыпчаки] и татары — из одного рода, один от другого не отречемся» (цит. по [Кумек, 1987, с. 38]).

⁶⁷ При жизни Чингисхана фактически был завоеван только Восточный Дешт-и Кыпчак.

⁶⁸ Например, у анатолийских турок память о Чингисхане сохранилась лишь как о свирепом захватчике (см. [Neşri, 1983, с. 36]).

⁶⁹ В «Тайной истории монголов» Угедэй титулет себя так: *ulus-un ejen qağan* [Козин, 1941, с. 320], т. е. «державы господин каган». Во-первых, это не персональный титул, а наименование монгольского высшего государя вообще, что следует из контекста. Ведь каан кается в разгульном поведении: «Опускаться до [столь] вопиющих нарушений недостойно для кагана, владыки державы» [Козин, 1941, с. 320]. Во-вторых, для данной титульной конструкции имеется эквивалент в Бугутской надписи VI в., где имена правителей первого Тюркского каганата сопровождаются согдийским словом «*ꞑꞑ*» (*y*) — «господин» (см. [Кляшторный, Лившиц, 1971, с. 129, 139—141], — имевшим хождение и у самих тюрков (было, например, звание «бойла-багата-рхан»). Монгольское «*ulus-un ejen qağan*» равнозначно тюркскому «*el baḡa-qağan*». Ср. титул Ышбара-кагана в примеч. 73.

⁷⁰ Варианты: *qaḡ pere...okba* («нарекли ханом»), *qaḡ oḡkuba* («подняли ханом»), *qaḡ erkuel* («когда возвели ханом»). [Козин, 1941, с. 158, 209, 312.]

⁷¹ В «Алтан тобчи» Лубсан Данзана эта фраза подается более логично: *tendeḡe čingis qaḡan qaḡan bolju* [Erten-ü, 1937, с. 73], т. е. «после того, как Чингис-каган стал каганом».

⁷² Интересное решение предложил Л. Крадер. По его мнению, Чингисхан сам себя называл ханом, а подданные его — каганом. С эпохи Угедэя «каан» превратился в общеупотребительный титул монгольского монарха [Krader, 1945, с. 19—20].

⁷³ Реконструкция титула произведена на основе следующих наблюдений. В «Суй шу» («История династии Суй», VII в.) звание кагана переданы так: *цун тянь шэн да туэцзюэ тянь сянь шэн тянь цзы* или *цзюйлу шэ мохэ шибо-ло кэхань*. Во-первых, здесь допущена тавтология: *цун тянь шэн* («рожденный Небом») и *тянь цзы* («Сын Неба»); *тянь ся* («мир, поднебесная», что в понимании средневековых китайцев-синоцентристов было равнозначно понятию «страна, государство») и или, т. е. *il, el* (тюрк. «держава»); *шэн* («священный») и *цзюй лу* (нерогафическая передача тюркского *qutluḡ* — «обладающий магической силой, благодатью *qut*», т. е. счастливый, священный, благословенный, помазанный и т. п.). Во-вторых, титул имеет две части — китайскую (поддающуюся переводу с китайского) и тюркскую (транскрипционную). Перевод китайской части, т. е. *цун тянь шэн да туэцзюэ тянь сянь шэн тянь цзы*: «Рожденный Небом, великой тюркской державы [Поднебесной] мудрый священный Сын Неба». Перевод тюркской части, т. е. или *цзюйлу шэ мохэ шибо-ло кэхань* (*el qutluḡ šad baḡa iṣbaḡa qaḡan*): «Державы священный (счастливый) князь Бага Ышбара-каган». Как видим, имеет место дублирование понятий одного и того же титула. *Цун тянь шэн* — это китайский перевод известного по орхонским памятникам выражения *täqri dā bolmīš*; *тянь ся шэн* и или *цзюй-лу* — это соответственно *el qutluḡ*; стоящее перед *шэн* в первой половине фразы *сянь* («мудрый») — это, несомненно, обязательный каганский эпитет *bilgä*. Учитывая, что слово «*bilgä*» имело значение не только «мудрый», но и «правящий» [Кононов, 1980, с. 16—17], оно могло быть обозначено китайцами и через иероглиф «да» («великий»). Таким образом, личный титул Ышбара-кагана, начинающийся со слова «шэ» («шад»), и замыкающее китайский перевод выражение «*тянь цзы*» взаимозаменяемы. А если все же учесть синонимичность «*цун тянь шэн*» и «*тянь цзы*» («Рожденный Небом» и «Сын Неба»), то возможно, что с последнего начинается «тюркская» часть титула. Китайская же в таком случае кончается на слове «шэн» (*qutluḡ*), после которого во второй, транскрибированной половине всей фразы па-

чинаются тронные имена кагана. М. Мори реконструировал этот же титул следующим образом: *tāŋri dā bolmīš uluŋ tūrūk tōrt buluŋka ūzā olurmīš bilgā qutluŋ tinsi illig köl baŋa īšbaga qaŋan* [Mori, 1981, с. 72—73]. Таким образом, осталась незамеченной повторяемость двух частей титула, поэтому в предложении М. Мори фразе присутствуют *tinsi* (тюркское произношение «тянь цзы») и громоздкая конструкция *tōrt buluŋka ūzā olurmīš* («на четырех углах [мира] севший», т. е. над всем миром воцарившийся), не характерная ни для древнетюркской, ни для уйгурской титулатуры. М. Мори верно отождествляет «сянь» с *bilgā* и «шэнь» с *qutluŋ*, но не обращает внимания на «цзюй лу», для которого неудачно, на мой взгляд, подобран эквивалент *köl*.

Такое же смещение китайского перевода и китаизированной транскрипции тюркских терминов произошло, вероятно, и в зафиксированном китайской хроникой титуле Эльтерес-кагана: «Тянь шэи дэ го-бао тянь нянь ту-цзюэ шэи тянь гу-ду-лу» [Bombaci, 1965, с. 287]. Дублирование начинается с «тянь нянь». До этих слов переводим: «Рожденный Небом обладатель *qut*»; по мнению А. Бомбачи, «го-бао» есть буддийская интерпретация понятия «*qut*» [Bombaci, 1965, с. 287—288]. После этих слов идет: «Дитя Неба тюркский мудрый небесный обладатель *qut*», т. е. тюркское *tāŋri dā bolmīš tūrūk bilgā tāi ri qutluŋ* (el tōriš qaŋan).

⁷⁴ Так же именовались позднее и уйгурские каганы — тянь (небесный) хан, тянь кэхап, тэнгри-хан, тэнгри-каган (см. [Бичурин, 1950, т. 1, с. 323, 324; Васильев, 1897, с. 25, 26; Klyashtorny, 1982, с. 342, 344]).

⁷⁵ Не случайно суйский двор, отвечая Ышбара-кагану, сохранил в адресе послания только название государства и личные почетные звания и эпитеты, изъям из титула указание на связь правителя туцзюэ с Небом: «Велико-Тукюесский Или-Гюйлу-ше Мохэ Шаболио-хан» [Бичурин, 1950, т. 1, с. 237], т. е. el qutluŋ šad tūrūk bilgā baŋa īšbaga qaŋan.

⁷⁶ Здесь приводятся отдельные, наиболее яркие фрагменты орхонских текстов о связи кагана с Небом-тэнгри. Более подробную их подборку и интерпретацию см. [Giraud, 1960, с. 101—127; Mori, 1981, с. 50—58]. Правда, Р. Жиро и М. Мори больше акцентируют внимание на представлениях о роли небесных сил в судьбе всего тюркского народа, а не только его правителей.

⁷⁷ Анализ титулов произведен В. В. Радловым весьма убедительно. Вызывают возражения лишь два компонента восстановленной им уйгурской титульной формулы. «Дын-ли» — вероятно, не *audīnlīq* («блестящий»), а *tāŋri* («небо»), ср. «Дэнли-хан» у туцзюэ. «Би-гя» — это *bilgā* («мудрый» или «правящий»). Таким образом, кроме пышных эпитетов, которые могли варьировать, присутствуют основные элементы титулатуры, использовавшиеся предшественниками уйгуров — древними тюрками, помимо одной детали — не указана этнополитическая принадлежность монарха (по традиции должно было бы быть «уйгурский мудрый каган»). Впрочем, термин «*ууŋг qaŋan*» в составе титула неоднократно встречается в рунической Тесинской надписи и на монетах [Майдар, 1981, с. 72; Klyashtorny, 1985, с. 152, 153], а «*bilgā qaŋan*» — в Тарханской надписи [Klyashtorny, 1982, с. 341, 343].

⁷⁸ В «Алтан тобчи» Лубсан Данзана приведен вариант подобного обозначения государя: «Сын Вечного Высшего Неба, обладающий счастьем августейший Чингис-хаган» (*mōngke tngri-yin köbegün sulu boyda činggis qaŋan*) [Лубсан Данзан, 1973, с. 175].

⁷⁹ Дословно «Великого Монгольского улуса океана хана приказ», т. е. понятие «*dalay*» относится не к «*qaŋan*», а к «*ulus*».

⁸⁰ А. П. Григорьев тоже находит возможным переводить выражение «*dalay-yin qaŋan*» как «великого хана» [Григорьев, 1978, с. 17—19, 20—21, 31].

⁸¹ В монгольском варианте высшего титула благодаря аффиксу «-yin» у слова «*dalay*» в почетный эпитет превращается вся предыдущая часть фразы (если указанное слово не относится к «*qaŋan*»).

⁸² Понятие сакральной силы *küčü* (*küčü*) — играло важнейшую роль в формировании монгольской концепции верховной власти (см. [Скрынникова, 1896; 1987]), причем монголы усматривали действие *küčü* в различных успехах и удачах ханов (см. [Allsen, 1987, с. 43—44]). По мнению кочевников, личные качества государей все же не играли такой большой роли, как благоволение

Неба и Земли. В кругу соратников это отметил и сам Чингисхан: «Я сделался владыкой не по своей храбрости. Я стал владыкой по велению Неба, моего отца! Я сделался владыкой не из-за удивительных своих достоинств. Я стал владыкой по велению моего отца Хан-Тэнгри. Он даровал мне победить хитрых врагов» [Лубсан Данзан, 1973, с. 123]. Эта речь переключается с письмом Чаи-чуно, но теперь для Чингисхана нет необходимости высказывать мнение о чжурчжэньской монархии. Попутно заметим: в рассуждения хана о своей богоизбранности логично включается сентенция о том, что Небо является отцом правителя (ср. с тюрко-уйгурской титулатурой).

⁸³ Представление о правителе как о деятеле, который «устраивает государство и управляет народом», отражено на государственных печатях ильханов Аргуна и Газана [Mostaert, Cleaves, 1952, с. 483].

⁸⁴ О подробностях акта воцарения хуннского шаньюя источники умалчивают.

⁸⁵ Возможно, такой же «отказ» имел место у туцзюэ. В 716 г. царевич Могилян, «сознавая, что он не по личным заслугам возведен, уступил престол Кюэ Дэлэ (т. е. своему старшему брату Кюль-тегину. — В. Т.), но Дэлэ не смел принять, почему Могилян вступил на престол» [Бичурин, 1950, т. 1, с. 273]. Ритуальные уговоры старших родственников со стороны младших могли происходить и до решающего курултая, в чем мы убедимся ниже, разбирая отношения Мункэ-каана и Бату.

⁸⁶ В восточных источниках прямо не говорится о поднятии каана на войлоке, но в отношении Угедэя «Тайная история монголов» применяет выражение «*qan oqubaz*» — «подняли ханом» [Козин, 1941, с. 312]. Существовало и общетюркское выражение «хан *kötürmäk*» — «поднимать ханом» [Заседателев, 1895, с. 380].

⁸⁷ В Тесинской рунической надписи при описании церемонии провозглашения уйгурского кагана использован глагол «*quturti*» — «был поднят» [Klyashorny, 1985, с. 152]. У венгров и хазар нового правителя поднимали на щите [Константин Багрянородный, 1989, с. 161].

⁸⁸ Такой же обряд практиковался у Великих Сельджуков (см. [Агаджанов, 1973, с. 65]).

⁸⁹ Но в целом ляская многодневная церемония возведения на престол с ее сложными обрядами вторичного рождения и опознания императора мало напоминала древнетюркскую и монгольскую (см. [Е Луилл, 1979, с. 524—527]).

⁹⁰ Вручение этих предметов в качестве символов инвеституры практиковалось в VII—IX вв. в отношениях китайского двора с тюрками и уйгурами (см. [Бичурин, 1952, т. 1, с. 287, 293, 340; Кюнер, 1961, с. 44, 186]).

⁹¹ Использование заимствованного титула верховного государя было весьма распространенным явлением. Достаточно вспомнить многочисленные модификации слова «цезарь» в европейских монархиях. Наиболее близким к разбиваемой ситуации начала XIII в. мне представляется применение литовской аристократией древнерусских высших феодальных титулов — именно для упорочения своего господства над Западной Русью [Пашуто и др., 1982, с. 116].

⁹² Но Х. Франке понимает «дуальную концепцию» не в традиционном смысле, как пару правителей, а как соуправление «метафизического» компонента — духа Чингисхана с правящим кааном [Franke, 1978, с. 24].

⁹³ В понятии «соправительство» присутствуют характерные признаки совместного правления двух ханов: «со» — «совместный, взаимный»; «правительство» — отражение частичного или полного суверенитета каждого из монархов в своей половине государства. Аналогичный термин (*Mitregentschaft*) применил Г. Дёрфер для обозначения древнетюркского правящего триумвирата — каган, ябгу, шад [Doerfer, 1967, с. 162].

⁹⁴ В «Тайной истории монголов» этой сцены нет, но содержится следующая информация. Чингисхан обратился к сыновьям с вопросом о кандидатуре своего преемника. Джучи тут же повздорил и подрался с Чагатаем, а затем сказал: «Будем служить парой с Чагатаем. Высказываемся за Огодая!» —

«К чему же... — возразил Чингисхан, — непременно парой? Мать-земля велика. Много на ней рек и вод. Скажите лучше — будем отдельно друг от друга править иноземными народами, широко раздвинув отдельные кочевья» (цит. по [Козин, 1941, с. 186]). Данная версия наделения старших царевичей тоже свидетельствует о задуманной обособленности западных улусов, но умалчивает о главенстве Джучи на западе.

⁹⁵ Л. Л. Викторова утверждает, что младший сын Чингисхана, Толуй, «в последние годы жизни Чингисхана... был его соправителем» [Викторова, 1987, с. 16]. Однако Толуй, насколько можно судить по источникам, не имел под началом крыла армии, не выполнял функций правителя одной из колониальных частей империи, поэтому я не рассматриваю его как соправителя.

⁹⁶ «Когда всех четырех сыновей Чингисхана не стало, то старшим над всеми внуками его стал он (Бату. — В. Т.), и он был у них в великой чести и почете. На курултаях никто не противился его словам, все царевичи повиновались и подчинялись [ему]» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 71].

⁹⁷ В других летописях вместо имени Батия стоит слово «его» [Ипатьевская летопись, 1962, стб. 785; Московский свод, 1949, с. 131; Тверской сборник, 1965, стб. 374], т. е. может подразумеваться и Гуюк. Но поскольку везде указано, что «он» «ве от роду» каана, а Гуюк — сын Угедэй-каана, то скорее всего речь шла о Бату. В научно-популярной литературе уже высказывалось суждение о том, что еще до воцарения Мункэ (1251) «Батий был не только ханом улуса Джучи, но и в какой-то степени соправителем ханов Каракорума. Поэтому на Русь двинулось все монголо-татарское войско, во главе его туменов стояли почти все принцы крови и... Субэ-дэй» [Греков, Шамаголов, 1986, с. 58].

⁹⁸ Обзор дискуссии по этому вопросу см. [Allsen, 1987, с. 55, 56].

⁹⁹ Благосклонностью Батия и Сартака пользовались и многие другие армянские феодалы, представители торгово-ростовщических кругов. См. [Бабаян, 1969, с. 130; Киракос, 1976, с. 218, 219].

¹⁰⁰ Ал-Муфаддаль указывает, что такой порядок распределения касался лишь земель «от реки Джейхуна на запад» [Тизенгаузен, 1884, с. 158]. Сравните с двухлетней задержкой армии Хулагу на Джейхуне в 1253 г.

¹⁰¹ Не случайно средневековые арабские авторы считали хулаундский Иран зависимым от Золотой Орды. См. [Федоров-Давыдов, 1978, с. 26].

¹⁰² Сын [Ta'rikh, 1912, с. 223] или брат [Рашид ад-Дин, 1960, с. 72] Сартака. Был утверждён Мункэ главой улуса Джучи после смерти Сартака и вскоре тоже умер.

¹⁰³ Впрочем, обратим внимание на приписывание Бату функции главного военачальника и вспомним определение его русской летописью как «первого и великого воеводы» при каане. Эти сведения пригодятся нам ниже, при разборе внутриулусного соправительства.

¹⁰⁴ Неизвестно также о какой-либо церемонии назначения соправителя. Источники иногда фиксируют лишь факт назначения и изредка «напутствие» верховного хана. Можно предположить, что церемония выделения западной половины государства ограничивалась выдачей соответствующего ярлыка. Однако таких данных нет, а вот о позднейшей эпохе имеется следующая информация: в Ногайской Орде XV—XVI вв. провозглашение очередного западного соправителя-нурадина сопровождалось обрядом, при котором бий (государь ногас) торжественно вел под уздцы коня нурадина, что, с точки зрения Е. А. Попоженко, должно было подчеркнуть получение этой должности из рук бия и вассальную зависимость от него нурадина [Попоженко, 1987, с. 35].

¹⁰⁵ Уточнение в монгольском источнике этнического состава населения западной половины владения Джучи заставляет усомниться в предположении В. П. Юдина о том, что до похода 1236—1238 гг. на Булгарию и Северо-Восточную Русь разделение улуса на крылья касалось только земель на восток от Яика до Иртыша [Юдин, 1983, с. 124—125].

¹⁰⁶ Из общей схемы здесь выбивается лишь то, что Хукин-нойон не принадлежал к «золотому роду»; поэтому он может считаться не соправителем Джучи, а только военным предводителем крыла. Если Хукин-нойон у Лубсан

Дацзана и Хушитай-Байку у Рашид ад-Дина — одно и то же лицо, то можно добавить, что этот военачальник командовал правым крылом армии Бату, которая имела статус правого крыла Джучидов. Позднее данный пост перешел к его сыну [Рашид ад-Дин, 1952, кн. 1, с. 172]. То есть после смерти Чингисхана и Джучи во главе крыльев улуса встали дети последнего, а Хукин (Хушитай-Байку) оказался у них армейским предводителем одного из улусных крыльев. По сведениям «Тайной истории монголов», икский Хунан был определен Чингисханом в качестве нойона-теминка под началом Джучи [Козин, 1941, с. 163—164].

¹⁰⁷ Белый (ак) и синий (кёк) — традиционные тюркские символы восточной (левой) и западной (правой) сторон. Такая же ориентировка практиковалась у средневековых монголов [Кононов, 1975; Gabain, 1964, с. 211; Pritsak, 1954, с. 472]. Относительно улуса Джучи вопрос о цветообозначениях крыльев разобран Г. А. Федоровым-Давыдовым [Федоров-Давыдов, 1973, с. 141—144].

¹⁰⁸ Азиатские, европейские, тихоокеанские и другие апалогии такой ситуации, когда соуправляющий монарх или вождь считается главой войска, см. [Nosart, 1936, с. 159—160, 178, 181].

¹⁰⁹ Г. А. Федоров-Давыдов, напротив, считает, что у Ногай были какие-то права на трон как у старшего в роде по отношению к Тохте [Федоров-Давыдов, 1973, с. 73]. Но ведь Ногай сам настоял на воцарении этого хана [Тизенгаузен, 1884, с. 108].

¹¹⁰ См. также [Георгия Пахимера история, 1862, с. 211]. «Нелюбозель» между Ногаем и Тула-бугой, когда «боястася сии сего, а сей сего» [Ипатьевская летопись, 1962, стб. 892, 895], ни в коей мере не опровергает тезиса о существовании формально-вассального отношения беклярибека к хану.

¹¹¹ Чагатай считался «старшим в роде» (ака) и хранителем ясы [История монголов, 1834, с. 109; Шейбанизада, 1849, с. 48; Hambis, Pelliot, 1945, с. 51]. Но объяснение автономии Ногай только как старейшины рода кажется несостоятельным. Мункэ-Тэмур и Тула-Мункэ, в правление которых Ногай «уже начальствовал у них», т. е. у Джучидов [Тизенгаузен, 1884, с. 155], являлись его старшими троюродными братьями, а старшинство началось только с воцарением потомков Джучи в четвертом колене — Тула-буги и Тохты.

¹¹² Впоследствии Н. Н. Мингулов решил, что цветовые обозначения применялись только для восточной половины улуса Джучи: владения Шибана — Кок-Орда, владения Орду-эджена — Ак-Орда. В качестве довода использования информация источника XVII в. «Фирдаус ал-икбал» о походе Мункэ-Тэмур в неподвластную ему Кок-Орду [Мингулов, 1981, с. 85]. Н. Н. Мингулов заключает, что речь идет о походе в улус Шибана. Но источник не идентифицирует Кок-Орду с чьим-либо улусом. Ее столица Сыгнак находилась очень далеко от Сарая, откуда обычно отправлялись в походы Мункэ-Тэмур. Едва ли хан в данном походе совершил набег именно на Сыгнак. Скорее всего сведения «Фирдаус ал-икбал» свидетельствуют о более широком применении и распространении термина «Кок-Орда», чем доменная провинция Орду-эджена. Мнения Н. Н. Мингулова и В. П. Юдина, будто территория Шибанидов составляла некую «буферную зону», «Серую Орду» между владениями Бату и его старшего брата [Мингулов, 1981, с. 83; Юдин, 1983, с. 130], все же не могут опровергнуть тезиса о принадлежности юрта Шибана к одному из крыльев. Ведь о трехчленном делении ханства Джучидов никаких данных нет, а членение его на два крыла абсолютно достоверно.

¹¹³ Под управляемой Шибаном «областью Корел» Абулгази и Рашид ад-Дин подразумевают, конечно, не Корелу, а страну «келаров» — «королевство», скорее всего Венгрию [Рашид ад-Дин, 1952, кн. 2, с. 67, 76; 1960, с. 78—79; Тизенгаузен, 1941, с. 23; Pelliot, 1949, с. 115—162].

¹¹⁴ О том же см. [Материалы, 1969, с. 327, 347]. Правда, Махмуд ибн Эмир Вали сообщает, что Багадур выбрал Ак-Орду для поселения сам, без чьей-либо инвеституры.

¹¹⁵ Схема в Приложении поможет разобраться в хитросплетениях структуры крыльев.

¹¹⁶ Асимметричность крыльев в принципе возможна. Об этом явлении, присущем вообще дуальной организации, см. [Rivers, 1926, с. 28]. Еще при

Чингисхане войска джунгара почти вдвое превосходили по численности армию левого фланга [Рашид ад-Дин, 1952, кн. 2, с. 267, 270]. Однако если двукратный количественный перевес еще можно было бы умозрительно вывести из приблизительной равной площади кочевий, занятых контингентом оюлченцев, мобилизуемых в каждое крыло, то десятикратная разница в размерах территории [Егоров, 1985, карта] необъяснима.

Мысль об объединении улусов Орду-эджена и Шибана в одном государстве (Ак-Орде) уже высказывалась К. И. Петровым и К. А. Пищулиной [Петров, 1961, с. 94, с. 102; Пищулина, 1971, с. 231], но, к сожалению, без единого аргумента. Н. Н. Мингулов допустил, что Ак-Орда — это владения Орду-эджена, Кок-Орда — Шибана (см. примеч. 112). Абулхайр, объединив обе Орды, якобы присвоил этому конгломерату общее имя Ак-Орда [Мингулов, 1981, с. 85—86]. Но Абулхайр — потомок Шибана, и следовало бы ожидать, что он даст своей державе традиционное название владений Шибанидов. Если эти владения назывались все же Ак-Ордой, то именно так и произошло в XV в. Т. И. Султанов предлагает следующее движение термина «Ак-Орда»: сначала так назывался улус Бату, затем это обозначение распространилось на владения Багадуря, сына Шибана, с усилением узбеков-Шибанидов так стал именоваться весь бывший улус Орду-эджена [Султанов, 1972, с. 74]. В этой схеме допускается нетрадиционное для тюркок-кочевников перемещение цветообозначений крыльев и не объясняется, почему же Шибаниды вдруг стали «белыми».

Интересна интерпретация инвеституры Шибана Н. И. Веселовским: «Орда-Ичен от себя дал младшему брату, Шейбану, за храбрость, обнаруженную в походе на Русь, особый удел: от верховьев Яика (Урала) до низовьев Сыр-дарьи» [Веселовский, 1894, с. 634]. Это самое логичное объяснение географического положения и крыльевой принадлежности улуса Шибанидов. Но автор не сообщил, на основании каких фактов он сделал подобное заключение. По приведенным мною данным, наделение Шибана улусом произвел Бату.

¹¹⁷ Косвенным подтверждением этому служит информация ал-Муфаддала о времени Тохты: «Пошлины и другие доходы с Судака делились между четырьмя татарскими царями; одним из них был... Токтай... Говорили, что цари, которые были соправителями его, обижали палестников его при [дележе]... доходов» [Тизенгаузен, 1884, с. 195].

¹¹⁸ К этим признакам возможно отнести и командование Шибаном авангардом монгольской армии во время европейского похода [Тя'gikh, 1912, с. 225, 226]. У ряда народов соправитель (или соответствовавший ему на ранних стадиях полигенеза «парник» главного вождя) кроме прочих функций, в том числе главенства над правым крылом, возглавлял именно передовые воинские отряды [Nesart, 1936, с. 177, 179, 180]. Махмуд ибн Эмир Вали в «Бахр ал-асрар» утверждает, что Шибан вел правое крыло армии Бату в «семилетнем походе» 1236—1242 гг. [Ахмедов, 1965, с. 163]; это согласуется и с первоначальным выделением в удел Шибану Паннонии. В том же источнике содержится сообщение о том, что Джучи-буга, сын Багадуря, внук Шибана, стоял во главе авангарда во время похода Муикэ-Тэмюра на хулагуидское Закавказье [Ахмедов, 1965, с. 163]. Вероятно, последовательностью должности начальника авангарда объясняется и пребывание внука Шибана со сторожевой ратью на Кавказе, на переднем крае борьбы с ильханами [Рашид ад-Дин, 1960, с. 74]. Но между словами Джувейни о главенстве Шибана над правым крылом и сведениями Махмуда ибн Эмир Вали о командовании авангардом нет неустраняемого противоречия, поскольку пост командира передового войска в условиях жесткой двухкрыльной структуры мог сочетаться с предводительством над барунгаром. Видимо, вся сумма фактов подводит к следующей реконструкции событий. Шибан являлся начальником авангарда и правого крыла при Бату до отвода монгольских гарнизонов из Венгрии за Карпаты (1242). Вновь завоеванные Булгария, Крым, Северный Кавказ и западный Дешт-и Кыпчак от Дуная до Урала включались в улусную систему и распределялись между царевичами. Вот тогда-то Шибан и был «передан» в крыло к Орду-эджену, оставшись главой авангарда общеджучидского войска.

¹¹⁹ По вопросу о совмещении одним лицом постов соправителя и главного

воспачальника необходимы дополнительные изыскания в источниках, так как существуют многочисленные соответствия этому вне евразийских степей (см. примеч. 108).

¹²⁰ Может быть, это имело место и у Караханидов [История Казахской ССР, 1979, с. 19].

¹²¹ По сообщению Махмуда ибн Эмир Вали, теми же соображениями руководствовались позже и узбеки (см. [Бартольд, 1964, с. 393]).

¹²² Р. Груссе даже думал, что подобные взгляды помадов на расположение стран света происходили от планов завоевания чужих территорий — «всего на юг»: слева Китай, в центре Туркестан и Иран, справа южнорусские степи [Grousset 1960, с. 283]. На самом деле цветопространственные обозначения улусно-крыльевых образований соответствуют этнокультурному монгольскому стереотипу, в частности ориентировке входа юрты на юг [Жуковская, 1988, с. 16]. Объяснение же старшинства левого крыла расположением сердца представляется позднейшим переосмыслением. Повсеместное в древности распространение дуальной организации и, следовательно, фратрий (предшествовавших и типологически эквивалентных крыльям) позволяет по-иному объяснить причины старшинства левой стороны. Этнографии известны народы как правого, так и левого «приоритета». Интересующий нас второй феномен, по мнению В. В. Иванова, происходит из инверсии естественных отношений между сторонами правой (положительной, мужской) и левой (отрицательной, женской). Он зародился в первобытном обществе от следующих факторов: сакрализации левой руки с целью воспитания праворукости у детей, особенно мальчиков — будущих воинов, которым придется пользоваться оружием; зеркальности мифологической картины мира, где главенство сторон обратно обыденному. Различение правой и левой рук имело, «несомненно, биологическую основу» и было существенным для практической деятельности каждого человека [Иванов, 1988, с. 44]. К этому добавлю, что монгольские обозначения крыльев — *барун гар* и *зун гар* — буквально переводятся соответственно как «правая рука» и «левая рука».

¹²³ Рашид ад-Дин четко разделяет войска Чингисхана, доставшиеся Толую, и те, что каган «отдал по отдельности другим своим сыновьям и братьям» [Рашид ад-Дин, 1952, кн. 2, с. 274]. Японский историк Н. Ямада из сообщений китайских источников заключил, что у хунну существовала структура с большими общими крыльями и малыми, подчиненными непосредственно главной и составляющими центр. Н. Ямада сопоставил ее с разделением монгольского войска на «тысячи», но он рассматривал систему крыльев империи Чингисидов безотносительно к их территориальному расположению, просто отметив сходство с хуннской [Yamada, 1982, с. 577, 578].

¹²⁴ Это подтверждается и принадлежностью урянхатов, обитавших в Северной Монголии и Саяно-Алтае, т. е. на землях Толую, к левому крылу [Рашид ад-Дин, 1952, кн. 2, с. 273]. В. П. Юдин полагает, что в Монгольской империи не было центра как административной единицы, так как, во-первых, триада «крыло—центр—крыло» создавалась, по его мнению, только в действующих армиях кочевников; во-вторых, империя делилась на число улусов и имела ханских ставков больше чем три [Юдин, 1983, с. 151]. Этот вывод можно было бы сделать из перевода С. А. Козиним одного из распоряжений Чингисхана: «Наша личная охрана, усиленная до тьмы кешикитенов, будет в поешное время и Глазным средини полком» [Козин, 1941, с. 170]. Но монгольский текст гласит: *bidano čaada tümen kešikten kekeleju yeke qol bolun atqai* [Козин, 1941, с. 288], т. е. буквально: «ближайший к нам түмен кешикитенов усилен, великим центром пусть станет». Как видим, здесь не идет речь о военном времени. Из источников видно, что гол все же имел и территориальный статус (гол-ун *улус*), а количество улусов и главных орд не обязательно было пропорционально крыльевому разделению.

Центр, происходящий от концентрической дуальной структуры, был более пластичен по сравнению с крылом — порождением диаметальной дуальной структуры. По закону Хокарта — Леви-Строса, при наложении концентрической структуры на диаметральную образуется троничная конструкция (крыло—центр—крыло), в которой диаметальный порядок оказывается основным, а концентрический — дополнительным (см. [Иванов, 1968, с. 280; 1969,

с. 114; Леви-Строс, 1985, с. 121]). К. Леви-Строс заметил, что обычно восточной части в дуальных структурах приданы и функции центра, западной — функции периферийного круга [Леви-Строс, 1985, с. 133].

¹²⁵ Названный в одном ряду с ними Чагатаид Хара-Хулагу, таким образом, состоит в общеперском правом крыле.

¹²⁶ Назначение Хубилая начальником левого крыла войск в Китае знаменовало начало оформления вторичных крыльев каанского улуса, так как в «Джами ат-таварих» прямо указано, что Хубилай заменил на этом посту Тогачара, племянника Чингисхана [Рашид ад-Дин, 1960, с. 157]. Ведь уделы младших борджигинов, в том числе и Тогачара, располагались в Восточной Монголии, Маньчжурии и цзиньской части Китая. На территорию Южной Сун, где воевала армия Тогачара — Хубилая, они не распространялись.

¹²⁷ Мункэ овладел Семиречьем, Бату — Мавераннахром [Бартольд, 1963, с. 561, 566; Греков, Якубовский, 1950, с. 71; Тревер, Якубовский, Воронеж, 1950, с. 334, 335]).

¹²⁸ Г. Г. Стратанович и У. Э. Эрдинев указали на двухступенчатость крыльевого деления у монгольских народов: с одной стороны, по отношению к общему построению армии ханства, с другой — по отношению к своему племенному оюлчечию (если ханство было многоплеменным) [Стратанович, Эрдинев, 1964, с. 4]. Сходное явление наблюдается и в древних структурах родства (см. [Иванов, 1985, с. 404, 405]). Данная закономерность дуальной организации сформулирована А. Хокаром: в первобытном и раннеклассовом обществе «каждая общественная единица делится на две ритуально протитвостоящие половины, семейные ветви. Они соотносятся друг с другом как море и суша, побережье и глубинные районы и как передняя и тыльная стороны... как правое и левое, внутреннее и внешнее» [Hocart, 1952, с. 33]. Ясно, что это характеристики прежде всего экзогамных фратрий. По мере своего развития и ветвления фратрии все более утрачивают функции брачного обмена и экономические и усиливают свое ритуальное значение. В конце концов они совсем исчезают, оставив след в мировоззрении и общественной жизни [Золотарев, 1964, с. 288 и сл.]. В нашем случае это пережитки фратриального деления в улусно-крыльевой системе.

¹²⁹ Тубшин был скорее всего главным военачальником крыла, поскольку общее управление восточными землями обычно поручалось, как и у хуннов, наследникам, старшим сыновьям ильханов [Рашид ад-Дин, 1946, с. 61, 110, 111].

¹³⁰ Б. Шнулер высказал это мнение относительно каанства и ильханства в Иране.

¹³¹ Старших братьев у Темучина не было, он первенец Есугэй-багатура.

¹³² Термин «копический клан» введен в науку П. Кирхгофом [Kirchhoff, 1955].

¹³³ Р. Груссе считал насажд о возможности детронизации Угедэидов позднейшей вставкой, обоснованном водарения Толундов [Grousset, 1941, с. 230, 303]. Такая трактовка встретила возражения П. Пельо и И. де Рахевилла. Обзор дискуссии по данному вопросу см. [Бира, 1978, с. 42, 43].

¹³⁴ Л. Л. Викторова предлагает следующее объяснение выбора Чингисханом Угедэя. Джучи и Чагатай враждовали между собой, к тому же было подозрение, что первый — «плод меркитского плена» ханши Бортэ-хатун, и Чагатай оспаривал у него старшинство. Угедэй явно стремился к власти. Толуй же из всех сыновей был наиболее близок к Чингисхану. Поэтому каган принял компромиссное решение: трон передал Угедэю, а реальную силу (101 тыс. воинов и управление Коренным юртом) — Толую [Викторова, 1987, с. 16, 17]. При такой интерпретации событий остается ряд неясных моментов. Как бы ни враждовали между собой двое старших царевичей, они единогласно предложили отцу остановить выбор на Угедэе. Таким образом, претензии Чагатая на старшинство не имеют значения. Насколько мне известно, в источниках не содержится данных о каких-либо намерениях Угедэя занять место отца. Как бы ни относился Чингисхан к Джучи, непонятно (если принять точку зрения Л. Л. Викторовой), почему большинство монгольского войска получил Толуй, а не Чагатай, который был вынужден довольствоваться 4-тысячным отрядом, как и его старший брат-«бастард». Ведь Чагатай и

Угедэй находились в наиболее дружеских отношениях, и получается, что Чингисхан сам провоцировал будущую кровавую распрю между сыновьями, наделив одного каганским званием, а другому завешав почти всю армию (Л. Л. Викторова сама приходит к заключению о преднамеренном отравлении Толуя Угедэем).

А теперь перечитаем примеч. 95. По логике соправительственных отношений, разобранных выше, Толуй действительно мог быть соправителем Угедэя (а не Чингисхана, как думает Л. Л. Викторова), поскольку фактически возглавил вооруженные силы империи. Однако он унаследовал домен, а не правое крыло. Полноценным соправителем каана в то время являлся все же Чагатай. В. В. Бартольд, не подозревая о соправительстве, тем не менее тоже отмечал у последнего такую власть, «которой должен был подчиняться даже сам великий хан Угэдэй» [Бартольд, 1964а, с. 538].

¹³⁵ Сын Сартака, согласно сведениям Джувейни. См. примеч. 102.

¹³⁶ Ариг-бугу избрал межулусный курултай. По, во-первых, Чингисиды присутствовали на нем далеко не в полном составе; во-вторых, новый каан открыто заявил, что является ставленником Берке и Хулагу [Рашид ад-Дин, 1960, с. 160].

¹³⁷ Конечно, в провозглашении Темучина ханом имела значение и политическая конъюнктура, признание за ним реальной военной силы (см. [Владимирцов, 1934, с. 85; Саидат, 1970, с. 27]), но нас сейчас интересует только формальная очередность родичей на ханский трон. Обратите внимание на последние фразы Чингисхана: воцарение подано как «безвыходный» акт после отказа родичей. Свое воцарение он объясняет избранием на курултае. Вероятно, в этом обстоятельстве заключались как смысл ритуального отказа, так и «земное» (в отличие от небесного благоволения) объяснение полномочий кагана. Добровольное вручение власти кагану родственниками принуждало их заранее примириться с его прерогативами, явно более обширными, чем у остальных членов клана.

¹³⁸ Так что напрасно, по нашему мнению, Я. И. Гурлянд считал самостоятельность Золотой Орды нарушением ясы [Гурлянд, 1904, с. 25]. Верховенство каана в улусе Джучидов номинально сохранялось до периода правления Мункэ-Темюра, а возможно, и позднее — до Узбека.

¹³⁹ А. И. Карагодин тоже обратил на это внимание: распространяясь на целые народы, «дуальная организация... скоро угасла ввиду полной невозможности сохранения и поддержания ее в таких широких масштабах» [Карагодин, 1984, с. 28].

¹⁴⁰ Исследователи не раз указывали на временную непрерывность любых традиций как на непреложный фактор их воспроизводства и жизнестойкости (см., например, [Аленина, 1977, с. 17—18; Есенгелдиев, 1969, с. 5; Захарова, 1978, с. 8]). Однако те ученые, что анализировали историческую конкретику и проблемы исторической преемственности, отмечали возможность явления, названного в данной работе хронологической прерывностью. Так, по мнению В. Т. Пашуто, коллективный созерцатель русских князей XII в. после векового перерыва возродился на рубеже XIII—XIV вв. в Северо-Восточной Руси [Пашуто и др., 1982, с. 12, 13]. У Э. А. Баллера рассматривается как непрерывный, так и прерывный характер преемственности тех или иных явлений в процессе исторического развития. Эту особенность он напрямую не связывает с традицией (хотя приводимый им пример развития атомистического учения от античности к новому времени может быть отнесен к материалистической традиции). Впрочем, Э. А. Баллер не указывает, в каком качестве эти явления существуют в периоды «перерыва»; он просто констатирует их временное «исчезновение из культурного обихода» и «возрождение к жизни на новом этапе» [Баллер, 1969, с. 37]. Для изучения ранней, в том числе кочевой, государственности принципиально важно рассмотренное А. В. Коротаевым и А. А. Оболенковым свойство родовой организации регенерировать даже через несколько столетий в условиях ослабления действия организации государственной [Коротаев, Оболенков, 1989, с. 41].

¹⁴¹ В этом тезисе я, видимо, солидаризируюсь с Э. С. Маркаряном, считающим возможным включать в сферу действия традиции все без исключения «социально организованные стереотипы» [Маркарян, 1981, с. 80]. Типологиче-

ски сходное с государственной традицией явление — политические традиции — попытался рассмотреть Л. М. Медведь. Он видит в них «способ, механизм трансляции политического опыта» [Медведь, 1986, с. 28]. Но тогда получается, что традиция сама выступает в качестве механизма своего развития, и непонятно, за счет чего она движется во времени.

¹⁴² Преднамеренный отбор социальной верхушкой выгодных для нее первобытных норм происходил повсеместно при формировании права в эпоху разложения родового строя и образования государства [Куббель, 1988, с. 161].

¹⁴³ Некоторые из выделенных характеристик государственной традиции соответствуют особенностям общекультурной традиции, определенным Э. С. Маркаряном [Маркарян, 1978, с. 85, 86]. Следовательно, разобранный нами явление государственной традиции действительно можно расценивать как частный случай традиционности.

¹⁴⁴ Понимание субъективного фактора автором настоящей работы в силу приведенных выше данных совпадает с его трактовкой А. П. Беликом: «Субъективный фактор — это социологическое понятие для обозначения принципов и методов функционирования системы целеполагания-стимулирования, организации и управления человеческой деятельностью, степень совершенства которых, т. е. соответствие объективным условиям, выступает мерой эффективности и целесообразности использования объективных условий, его культуры, способности оптимально овладеть этими условиями, свободно ими маневрировать» [Белик, 1982, с. 198].

Сопоставление признаков сопоставительства у кочевников III в. до н. э. — XIII в. н. э.*

Признаки	Государства и союзы племен																								
	Хунну	Усуни	Лаоюй	Туохуань	Жужанский каганат	Тюркский каганат 552—630 гг.	Западно-тюрк- ский каганат	Второй Восточно- тюркский каганат	Сяньто	Уйгурский кага- нат, 745—840 гг.	Киргизский кага- нат	Караханиды	Хазарский кага- нат	Керениты	Монголы (X—XIII вв.)	Монголь- ская им- перия				Уйсэ-Джучи	Ал-Орда	К-Орда	Уйсэ-Чингиз	Хуагуны	Юань
																1206 г.	1227 г.	1229 г.	1242 г.						
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	
Разделение территории на две части	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
Наличие правителя в каждой из двух частей государства	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
Наличие особого титула у младшего соправителя	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
Номинальный пост главного всеначаль- ника у младшего соправителя	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
Сфера власти младшего соправителя — западная часть государства	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
Подчиненность младшего соправителя главному хану	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	

Распределение улусов по крыльям*

Период	Лица, состоящие в крыле	Улус	Примечания
<i>Правое крыло (барунгар)</i>			
1207 г.	Джучи	Джучи	Сын Чингисхана
1213 г.	Джучи	Джучи	»
	Чагатай	Чагатай	»
	Угедэй	Угедэй	»
1224 г.	Джучи	Джучи	»
	Чагатай	Чагатай	»
1228 г.	Чагатай	Чагатай	»
	Бату	Джучи	Сын Джучи
30-е годы	Чагатай	Чагатай	Сын Чингисхана
XIII в.	Бату	Джучи	Сын Джучи
1236 г.	Орду-эджеп	Джучи	»
	Байдар	Чагатай	Сын Чагатай
1251 г.	Берке, Туга-Тэмур	Джучи	сыновья Джучи
	Хара-Хулагу	Чагатай	Сын Чагатай
	Хадан	Угедэй	Сын Угедэй
	Мункату	Угедэй	Внук Угедэй
	Хубилай, Ариг-буга	Каана	Сыновья Толуя
	Хулагу	Хулагуидов	Сын Толуя
	Шиги-Хутуху	Каана	Приемный сын матери Чингисхана
1258 г.	Племянники Бату	Джучи	Внуки Джучи
<i>Левое крыло (джунгар)</i>			
1213 г.	Хасар	Каана	Брат Чингисхана
1228 г.	Тэмугэ, Есункэ	»	Братья Чингисхана
1229 г.	Бэлгэтэй	Каана	Брат Чингисхана
	Алчидай	»	Племянник Чингисхана
30-е годы	Тэмугэ	»	Брат Чингисхана
XIII в.	Егу	»	Племянник Чингисхана
1236 г.	Бучек, Мункэ	»	Сыновья Толуя
1251 г.	Бэлгэтэй, Есункэ	»	Братья Чингисхана
	Еке-Хадан	»	?
	Асутай	»	Внук Толуя
	Тогачар	»	Племянник Чингисхана
	Сыновья Хасара и Есункэ	»	Племянники Чингисхана
	Хубилай	»	Сын Толуя
	Бэлгэтэй	»	Брат Чингисхана
<i>Центр (гол)</i>			
1206 г.	Толуй	Удел центра	Сын Чингисхана
1213 г.	Чингисхан		
	Толуй	»	»
1228 г.	Угедэй	Угедэй	»
	Толуй	Удел центра	»

* Составлено по [Иакинф, 1829, с. 55, 66, 306; Козин, 1941, с. 174, 191, 198; Лубсан Данзан, 1973, с. 152, 229; Рашид ад-Дин, 1952, кн. 2, с. 269, 273; 1960, с. 38, 45, 131, 132; Родословное древо, 1906, с. 120; Ta'rikh, 1936, с. 91].

Сопоставление систем крыльев у кочевников III в. до н. э. — XIII в. н. э.*

Признаки	Государства и союзы племен																						
	Хунну	Сянь-и	Жужаньский ка-ганат	Тюркский каганат, 552-680 гг.	Западно-тюркский каганат	Второй Восточн-тюркский каганат	Сянь-и	Уйгурский ката-нат, 745-840 гг.	Отузы	Караханиды	Хазарский каганат	Печенеги	Кыпчаки	Монголы до 1206 г.	1206-1227 гг.	1229-1259 гг.	Улус Джучи	Ак-Орда	Кон-Орда	Улус Чингиса	Хулагуиды	Юань	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	
Разделение государства на две части	+	—	—	+	—	—	+	+	+	+	—	—	+	—	—	+	+	+	—	—	+	—	
Признание каждой части особым крылом	—	—	+	+	+	—	+	+	+	—	—	+	—	—	—	+	+	+	+	—	+	—	
Левое крыло «старше» правого	+	—	—	+	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	
Западная сторона — «бела»	+	—	—	+	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	
Восточная сторона — «синяя»	+	—	—	+	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	
Крылья монотипичны	+	+	—	+	—	—	+	+	+	—	—	+	—	—	—	+	+	+	+	—	+	—	
Крылья политипичны	+	+	—	+	—	—	+	+	+	—	—	+	—	—	—	+	+	+	+	—	+	—	
Вторичное разделение крыльев	+	—	—	+	—	—	+	+	+	—	—	+	—	—	—	+	+	+	+	—	+	—	

Таблица 3 (окончание)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23
Тройное раздвоение крыльев	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—
Разделение государства на три части (крылья и центр)	+	+	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	+	+	—	—	—	—	—	—	—
Центр — под управлением главного хана	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—

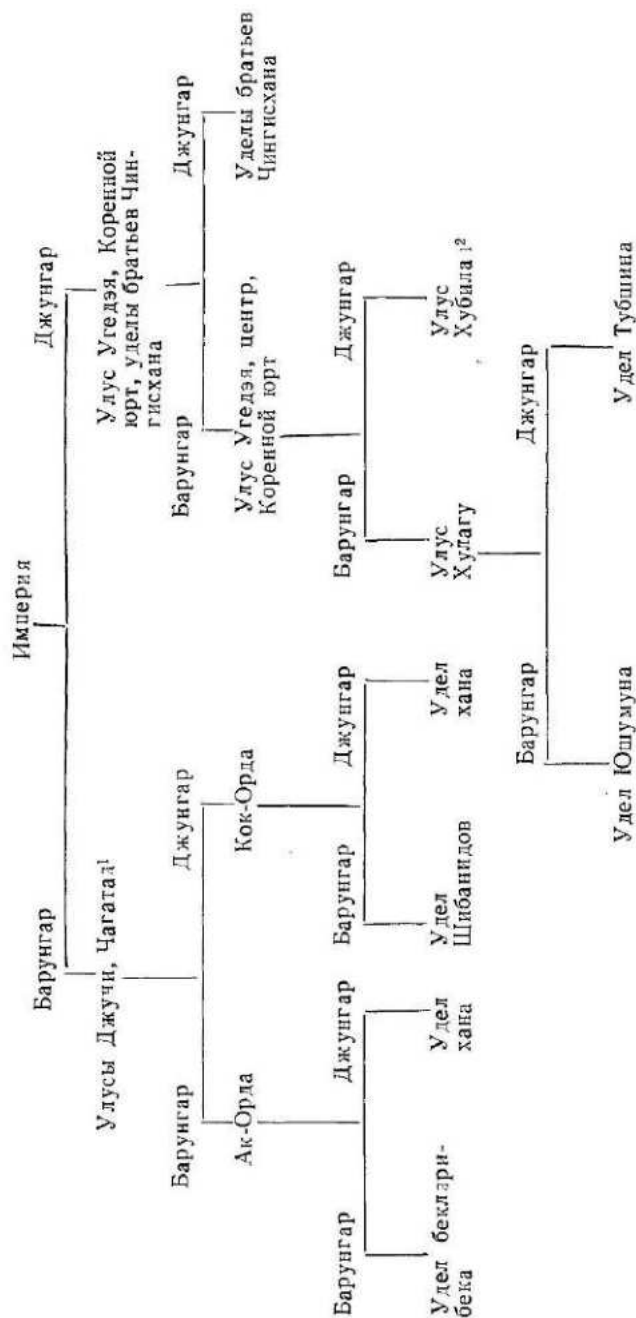
* Составлено по [Агаджанов, 1969, с. 103, 104; 1973, с. 13; Аристов, 1896, с. 341; Бернштам, 1946, с. 185; Бичурин, 1950, т. 1, с. 49, 51, 154, 185, 233, 286, 287, 342; БНМАУ-ын түүх, 1966, с. 176; Византийские историки, 1850, с. 374; Доржсурэн, 1961, с. 84; Звев, 1967, с. 11, 17, 18; 1981, с. 66; Иакинф, 1829, с. 56, 66; История МНР, 1983, с. 103; Кон-стантин Багрянородный, 1989, с. 155, 157; Кюнер, 1961, с. 144, 145, 190, 191, 192; Малов, 1959, с. 40; Малавкин, 1989, с. 115, 323; Материалы, 1968, с. 40; Материалы, 1984, с. 76, 365; Пагулевская, 1941, с. 138; Плетьева, 1958, с. 192, 194, 195; Таскин, 1979а, с. 45, 46; Федоров-Давыдов, 1966, с. 219; Czégledy, 1972, с. 280; Klyashatoru, 1982, с. 152, 153; Pfltsak, 1954, с. 184, 185; 1976, с. 12].

Условные обозначения:

Знак + означает наличие признака.

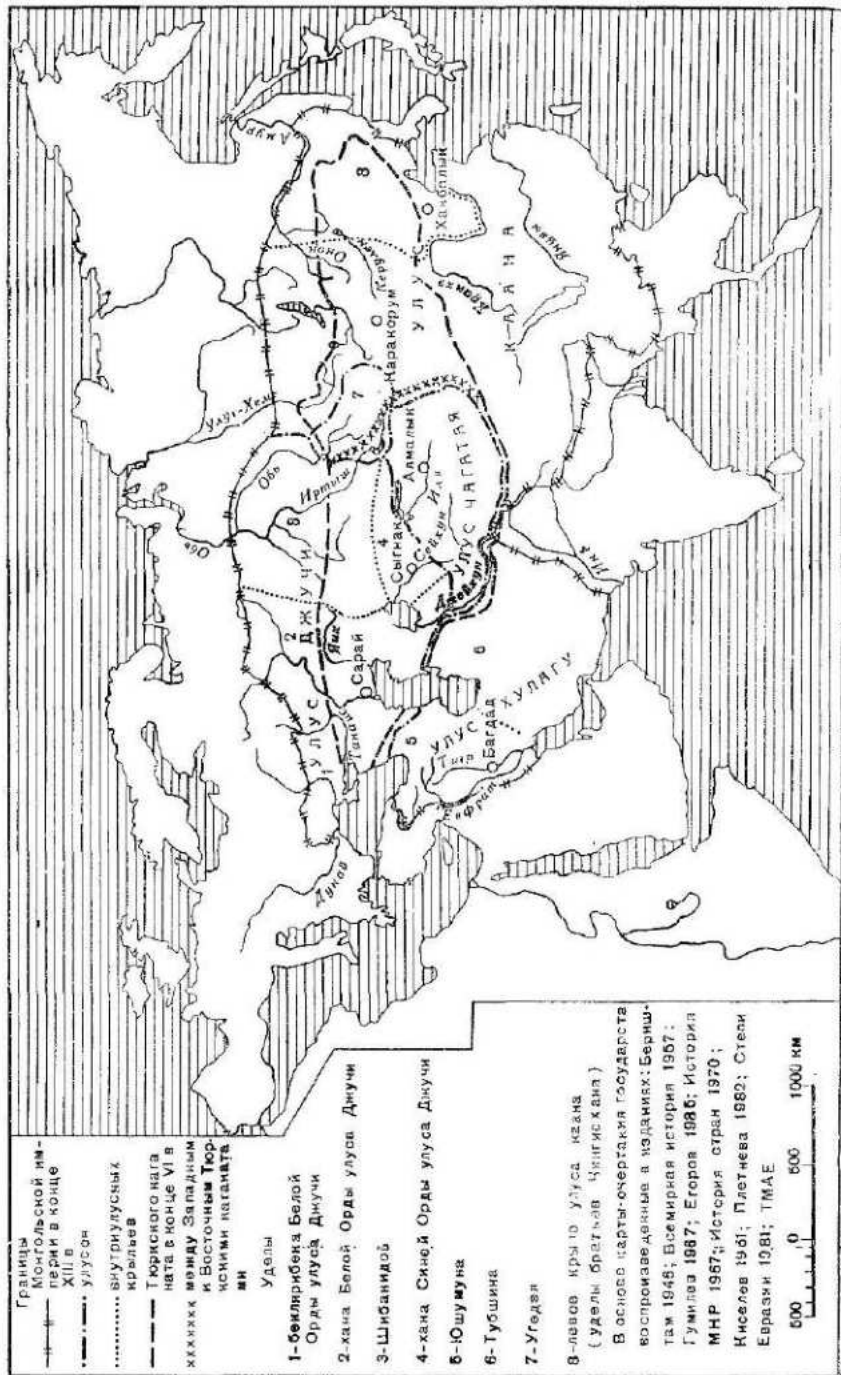
Знак — означает отсутствие признака.

РАЗДЕЛЕНИЕ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ НА КРЫЛЬЯ

¹ Власть старшего хана западных улусов некоторое время распространялась и на часть чагатайских территорий. Поэтому можно предполагать включение их в систему джучидских крыльев.

² Регион для правления Хубилая был определен, но он, не довольствуясь будущим улусом, узурпировал каанство.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН — Академия наук
- ВДИ — Вестник древней истории
- ВИ — Вопросы истории
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
- ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
- ЗРАН — Записки Российской Академии наук
- ИККНАЯО — Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности. Тезисы докладов 29-й сессии Постоянной международной алтаистической конференции (PIAC). Вып. 1. М., 1986.
- ИОАИЭКУ — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
- МКИН — Международный конгресс исторических наук
- МКЭАН — Международный конгресс этнографических и антропологических наук
- НАА — Народы Азии и Африки
- ИИИЯЛИ — Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
- ПАМ — Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 1. Элиста, 1974
- ПВ — Проблемы востоковедения
- ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
- ПППИКНВ — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Годичные научные сессии Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
- СНВ — Страны и народы Востока
- СЭ — Советская этнография
- ТВОРАО — Труды Восточного отделения Русского археологического общества
- ТС — Тюркологический сборник
- АА — Acta Asiatica
- АОН — Acta orientalia Academiae scientiarum Hungaricae
- CAJ — Central Asiatic Journal
- HJAS — Harvard Journal of Asiatic Studies
- RO — Rocznik orientalistyczny
- SH — Studia Historica
- SI — Studia Islamica
- SM — Studia Mongolica
- TP — T'oung Pao

Источники и литература

На русском языке

- Маркс, Энгельс, т. 21.— *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства.— *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, 2-е изд. Т. 21.
- Абрамян, 1978.— *Абрамян Э. Г.* Инновация и стереотипизация как механизмы развития этнической культуры.— Методологические проблемы исследования этнических культур. Материалы симпозиума. Ер., 1978.
- Агаджанов, 1969.— *Агаджанов С. Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашх., 1969.
- Агаджанов, 1973.— *Агаджанов С. Г.* Сельджукиды и Туркмения в XI—XII вв. Ашхабад, 1973.
- Агаджанов, 1975.— *Агаджанов С. Г.* Огузская проблема и задачи ее изучения.— ТС. 1973. М., 1975.
- Азовцева, 1978.— *Азовцева С. Г.* Традиция как одна из категорий познания общественных явлений. Автореф. канд. дис. М., 1978.
- Аленина, 1977.— *Аленина Р. А.* Социальная природа традиций и их роль в жизни и развитии общества. Автореф. канд. дис. М., 1977.
- Али-заде, 1956.— *Али-заде А. А.* Социально-экономический строй и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв. Баку, 1956.
- Аристов, 1896.— *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности.— *Живая старина*. 1896, вып. 3, 4.
- Армянская география, 1877.— *Армянская география VII века по Р. X: (Приписываемая Моисею Хоренскому)*. Пер., примеч., изд. текста К. П. Патканова. СПб., 1877.
- Армянские источники, 1962.— *Армянские источники о монголах: Извлечения из рукописей XIII—XIV вв.* Пер., предисл. и примеч. А. Г. Галстяна. М., 1962.
- Арсланова, Кляшторный, 1973.— *Арсланова Ф. X., Кляшторный С. Г.* Рунические надписи на зеркале из верхнего Прииртышья.— ТС. 1972. М., 1973.
- Артамонов, 1962.— *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962.
- Ахинжанов, 1970.— *Ахинжанов С. М.* Кипчаки и Хорезм в канун монгольского нашествия.— *Вестник АН КазССР*, 1970, № 1.
- Ахинжанов, 1976.— *Ахинжанов С. М.* Об этническом составе кипчаков средневекового Казахстана.— *Прошлое Казахстана по археологическим источникам*. А.-А., 1976.
- Ахинжанов, 1980.— *Ахинжанов С. М.* Из истории движения кочевых племен евразийских степей в первой половине XI века.— *Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана*. А.-А., 1980.
- Ахинжанов, 1986.— *Ахинжанов С. М.* Кимаки — урян-хай.— *ИККНАЯО*. М., 1986.
- Ахмедов, 1965.— *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков. М., 1965.
- Бабаян, 1969.— *Бабаян Л. О.* Социально-экономическая и политическая история Армении в XIII—XIV вв. М., 1969.
- Базарова, 1986.— *Базарова Б. З.* Буддизм и монгольские летописи XVII—XIX веков (к критике идеи преемственности происхождения монгольских ханов).— *Источникведение и историография истории буддизма. Страны Центральной Азии*. Новосибирск, 1986.
- Базарова, 1977.— *Базарова Г. Э.* К вопросу об авторстве «Тайной истории монголов» в исследованиях зарубежных монголоведов.— *Исследования по истории и филологии Монголии*. У.-У., 1977.

- Баллер, 1969.— *Баллер Э. А.* Преемственность в развитии культуры. М., 1969.
- Банзаров, 1849.— *Банзаров Д.* О происхождении слова Чингис.— Шейбаниада. История монголо-тюрков на джагатайском диалекте. Казань, 1849.
- Банзаров, 1955.— *Банзаров Д.* Черная вера, или Шаманство у монголов.— Собрание сочинений. М., 1955.
- Бартольд, 1963.— *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия.— Сочинения. Т. 1. М., 1963.
- Бартольд, 1963^а.— *Бартольд В. В.* Киргизы: Исторический очерк.— Сочинения. Т. 2. Кн. 1. М., 1963.
- Бартольд, 1963^б.— *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья.— Сочинения. Т. 2. Кн. 1. М., 1963.
- Бартольд, 1963^в.— *Бартольд В. В.* Очерк истории туркменского народа.— Сочинения. Т. 2. Кн. 1. М., 1963.
- Бартольд, 1964.— *Бартольд В. В.* Церемониал при дворе узбекских ханов.— Сочинения. Т. 2. Кн. 2. М., 1964.
- Бартольд, 1964^а.— *Бартольд В. В.* Чагатай.— Сочинения. Т. 2. Кн. 2. М., 1964.
- Бартольд, 1968.— *Бартольд В. В., Н. А. Аристов.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. СПб., 1897.— Сочинения. Т. 5. М., 1968.
- Бартольд, 1968^а.— *Бартольд В. В. Б. Я. Владимирцов.* Чингис-хан. Пг.— М.— Берлин, 1922.— Сочинения. Т. 5. М., 1968.
- Бартольд, 1968^б.— *Бартольд В. В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии.— Сочинения. Т. 5. М., 1968.
- Бартольд, 1968^в.— *Бартольд В. В.* История турецко-монгольских народов.— Сочинения. Т. 5. М., 1968.
- Бартольд, 1968^г.— *Бартольд В. В.* Киячки.— Сочинения. Т. 5. М., 1968.
- Бартольд, 1968^д.— *Бартольд В. В.* Обзор истории тюркских народов.— Сочинения. Т. 5. М., 1968.
- Бартольд, 1968^е.— *Бартольд В. В.* Образование империи Чингисхана.— Сочинения. Т. 5. М., 1968.
- Бартольд, 1968^ж.— *Бартольд В. В.* Тюрки.— Сочинения. Т. 5. М., 1968.
- Бартольд, 1968^з.— *Бартольд В. В.* Чингиз-хан.— Сочинения. Т. 5. М., 1968.
- Бартольд, 1968^и.— *Бартольд В. В. Léon Cahun.* Introduction à l'histoire de l'Asie.— Сочинения. Т. 5. М., 1968.
- Белик, 1982.— *Белик А. П.* Социальная форма движения: Явления и сущность. М., 1982.
- Березин, 1850.— *Березин И. Н.* Внутреннее устройство Золотой Орды (по ханским ярлыкам).— ЖМНП. 1850, № 10.
- Березин, 1864.— *Березин И. Н.* Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева.— ТВОРАО. 1864, ч. 8.
- Бернштам, 1935.— *Бернштам А. Н.* Историческая правда в легенде об Огуз-кагане.— СЭ. 1935, № 6.
- Бернштам, 1940.— *Бернштам А. Н.* Уйгурские юридические документы.— Проблемы источниковедения. Т. 3. М.— Л., 1940.
- Бернштам, 1946.— *Бернштам А. Н.* Социально-экономический строй орхоненисейских тюрков VI—VIII веков. Восточно-Тюркский каганат и кыргызы. М.— Л., 1946.
- Бернштам, 1951.— *Бернштам А. Н.* Очерк истории гушов. Л., 1951.
- Бертагаев, 1973.— *Бертагаев Т. А.* О происхождении титула «хаган», «хан».— СМ. 1973, т. 1 (9).
- Бира, 1975.— *Бира Ш.* Кушаны в монгольской традиции.— Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975.
- Бира, 1977.— *Бира Ш.* Концепция верховной власти в историко-политической традиции монголов.— *Бира Ш. БНМАУ-ын түүх, соёл, түүх бичгийн асуудал* (Вопросы истории, культуры и историографии МНР). У.-Б., 1977.
- Бира, 1978.— *Бира Ш.* Монгольская историография (XIII—XVII вв.). М., 1978.
- Бичурин, 1950.— *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1—2. М., 1950.
- Босворт, 1971.— *Босворт К. Э.* Мусульманские династии: Справочник по хронологии и генеалогии. М., 1971.

- Будагов, 1869.— *Будагов Л. З.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. 1. СПб., 1869.
- Буниятов, 1986.— *Буниятов З. М.* Государство хорезмшахов-Ануштегинидов (1097—1231). М., 1986.
- Васильев, 1857.— *Васильев В. П.* История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века с приложением перевода китайских известий о киданях, чжурчженях и монголо-татарах.— ТВОРАО. 1857, вып. 4.
- Васильев, 1889.— *Васильев В. П.* Вопросы и сомнения.— ЗВОРАО. 1889, т. 4, вып. 1—2.
- Васильев, 1889^a.— *Васильев В. П.* К хронологии Чингисхана и его преемников.— ЗВОРАО. 1889, т. 4, вып. 1—2.
- Васильев, 1897.— *Васильев В. П.* Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне. СПб., 1897.
- Васильев, 1983.— *Васильев Л. С.* Проблемы генезиса китайского государства (формирование основ социальной структуры и политической администрации). М., 1983.
- Веселовский, 1894.— *Веселовский Н. Н.* Золотая Орда.— Энциклопедический словарь. Полутом 24. СПб., 1894.
- Веселовский, 1922.— *Веселовский Н. Н.* Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время.— ЗРАИ. Сер. 8, 1922, т. 13, № 6.
- Византийские историки, 1860.— Византийские историки: Дексипп, Эвзепий, Олимпиодор, Малах, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец. СПб., 1860.
- Викторова, 1961.— *Викторова Л. Л.* Кочевой уклад в Киданьской империи.— Материалы по этнографии. Вып. 1. Л., 1961.
- Викторова, 1961^a.— *Викторова Л. Л.* Ранний этап этногенеза монголов. Автореф. канд. дис. Л., 1961.
- Викторова, 1968.— *Викторова Л. Л.* Становление классового общества у древнемонгольских кочевников.— ПИДО. М., 1968.
- Викторова, 1974.— *Викторова Л. Л.* Основные этапы формирования монгольских этнических общностей.— ПАМ. Вып. 1. Элиста, 1974.
- Викторова, 1974^a.— *Викторова Л. Л.* Ранние формы религии киданей.— Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974.
- Викторова, 1980.— *Викторова Л. Л.* Монголы: Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980.
- Викторова, 1981.— *Викторова Л. Л.* Роль киданей в этнокультурной и политической истории монголов X—XII вв.— XII научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. М., 1981.
- Викторова, 1985.— *Викторова Л. Л.* Роль монголоязычных племен в этнокультурной и политической истории Центральной Азии в X—XII вв.— Олон улсын монголч эрдэмтний IV их хурал. Т. 1. У.-Б., 1985.
- Викторова, 1987.— *Викторова Л. Л.* Ценный источник по истории монголов.— 5-й Международный конгресс монголоведов. Доклады советской делегации. Ч. 1. М., 1987.
- Владимирский летописец, 1965.— Владимирский летописец.— ПСРЛ. Т. 30. М., 1965.
- Владимирцов, 1922.— *Владимирцов Б. Я.* Чингис-хан. Пг.— М.— Берлин, 1922.
- Владимирцов, 1934.— *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
- Воробьев, 1975.— *Воробьев М. В.* Чжурчжэни и государство Цзинь (X в.— 1234 г.). Исторический очерк. М., 1975.
- Всемирная история, 1957.— Всемирная история. В 10-ти томах. Т. 3. М., 1957.
- География Пахимера история, 1862.— География Пахимера история Михаила и Андроника Палеологов. Т. 1. СПб., 1862.
- Гинс, 1932.— *Гинс Г. К.* Монгольская государственность и право в их историческом развитии. Харбин, 1932.
- Гомонов, 1970.— *Гомонов А. К.* Традиции в системе общественных отношений. Автореф. канд. дис. М., 1970.
- Гонгор, 1973.— *Гонгор Д.* К вопросу о формировании халхаской народности. Т. 1. У.-Б., 1973.

- Гордлевский, 1960.— *Гордлевский В. А.* Государство Сельджукидов Малой Азии.— *Сочинения*. Т. 1. М., 1960.
- Горохова, 1977.— *Горохова Г. С.* Монгольское средневековье в трудах ученых МНР.— *Общественные науки в МНР*. М., 1977.
- Грач, 1966.— *Грач А. Д.* Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени.— *ТС. К 60-летию А. Н. Кононова*. М., 1966.
- Грач, Потапов, 1964.— *Грач А. Д., Потапов Л. П.* Период ранних феодальных отношений. Тува в составе Тюркского каганата.— *История Тувы*. Т. 1. М., 1964.
- Гребнев, 1960.— *Гребнев Л. В.* Население Тувы в начале XIII века.— *Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ*. Вып. 8. Кызыл, 1960.
- Греков, Калинин, 1948.— *Греков Б. Д., Калинин Н. Ф.* Булгарское государство до монгольского завоевания.— *Материалы по истории Татарии*. Вып. 1. Казань, 1948.
- Греков, Шахмагонов, 1986.— *Греков Н. Б., Шахмагонов Ф. Ф.* Мир истории. Русские земли в XIII—XV веках. М., 1986.
- Греков, Якубовский, 1950.— *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950.
- Григорьев, 1876.— *Григорьев В. В.* О двойственности верховной власти у казахов.— *Россия и Азия. Сборник исследований по истории, этнографии и географии, написанных в разное время В. В. Григорьевым, ориенталистом*. СПб., 1876.
- Григорьев, 1978.— *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII—XIV вв. Чингизидские жалованные грамоты. Л., 1978.
- Громыко, 1984.— *Громыко М. М.* Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций.— *СЭ*. 1984, № 5.
- Грум-Гржимайло, 1926.— *Грум-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. Л., 1926.
- Гуляев, 1976.— *Гуляев В. И.* Проблема становления царской власти у древних майя.— *Становление классов и государства*. М., 1976.
- Гумилев, 1959.— *Гумилев Л. Н.* Удельно-лестничная система у тюрков в VI—VIII веках (к вопросу о ранних формах государственности).— *СЭ*. 1959, № 3.
- Гумилев, 1960.— *Гумилев Л. Н.* Хунну. Срединная Азия в древние времена. М., 1960.
- Гумилев, 1961.— *Гумилев Л. Н.* Орды и племена у древних тюрков и уйгуров.— *Материалы по этнографии*. Вып. 1. Л., 1961.
- Гумилев, 1967.— *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М., 1967.
- Гумилев, 1970.— *Гумилев Л. Н.* Поиски вымышленного царства (легенда о «государстве пресвитера Иоанна»). М., 1970.
- Гурлянд, 1904.— *Гурлянд Я. И.* Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие.— *ИОАИЭКУ*. 1904, т. 20, вып. 4—5.
- Давидович, 1968.— *Давидович Е. А.* О двух карахавидских каганатах.— *НАА*. 1968, № 1.
- Далай, 1975.— *Далай Ч.* Некоторые вопросы истории монголов в период Юаньской династии.— *Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века*. Новосибирск, 1975.
- Далай, 1983.— *Далай Ч.* Монголия в XIII—XIV вв. М., 1983.
- Деоник, 1978.— *Деоник Д. В.* Восточная Азия.— *Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий (проблемы исторических контактов)*. М., 1978.
- Древнетюркский словарь, 1969.— *Древнетюркский словарь*. Л., 1969.
- Думан, 1968.— *Думан Л. И.* Общественный строй сяньби и тоба III—IV вв. и э.— *Вопросы истории и этнографии Китая*. М., 1968.
- Е. Лун-ли, 1979.— *Е. Лун-ли*. История государства киданей (Цидань го чжи). Пер., коммент. и прил. В. С. Таскина. М., 1979.
- Егоров, 1972.— *Егоров В. Л.* Государственное и административное устройство Золотой Орды.— *ВИ*. 1972, № 2.
- Егоров, 1974.— *Егоров В. Л.* Развитие центробежных устремлений в Золотой Орде.— *ВИ*. 1974, № 8.

- Егоров, 1985.— *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 1985.
- Ельницкий, 1977.— *Ельницкий Л. А.* Скифия евразийских степей. Историко-археологический очерк. Новосибирск, 1977.
- Есенгелдиев, 1969.— *Есенгелдиев С.* Структура традиций и формы их существования. Автореф. канд. дис. Фрунзе, 1969.
- Жамцарано, 1936.— *Жамцарано Ц. Ж.* Монгольские летописи XVII века. М.— Л., 1936.
- Жуковская, 1988.— *Жуковская Н. Л.* Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988.
- Жуковская, Стратанович, 1985.— *Жуковская Н. Л., Стратанович Г. Г.* Калмыки.— Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки. М., 1985.
- Закиров, 1966.— *Закиров С.* Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII—XIV вв.). М., 1966.
- Заседателев, 1895.— *Заседателев Н.* Древний обычай коронозвания у тюркских народов.— ИОАИЭКУ, 1895, т. 12, вып. 4.
- Захарова, 1978.— *Захарова Т. В.* К проблеме классификации традиций. Л., 1978.
- Заходер, 1962.— *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 1. М., 1962.
- Златкин, 1960.— *Златкин И. Я.* Опыт периодизации истории феодализма в Монголии.— 25-й Международный конгресс монголоведов. Доклады делегации СССР. М., 1960.
- Златкин, 1971.— *Златкин И. Я.* Концепция истории кочевых народов А. Тойнби и историческая действительность.— Современная историография стран зарубежного Востока. М., 1971.
- Златкин, 1974.— *Златкин И. Я.* Некоторые проблемы социально-экономической истории кочевых народов.— ПАМ. Вып. 1. Элиста, 1974.
- Златкин, 1982.— *Златкин И. Я.* Основные закономерности развития феодализма у кочевых скотоводческих народов.— Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982.
- Золотарев, 1964.— *Золотарев А. М.* Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.
- Зуев, 1967.— *Зуев Ю. А.* Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков. Автореф. канд. дис. А.-А., 1967.
- Зуев, 1981.— *Зуев Ю. А.* Историческая проекция казахских генеалогических преданий.— Казахстан в эпоху феодализма (проблемы этнополитической истории).— А.-А., 1981.
- Иакинф, 1829.— *Иакинф (Бичурин Н. Я.).* История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб., 1829.
- Иванов, 1968.— *Иванов В. В.* Дуальная организация первобытных народов и происхождение дуалистических космогоний (рецензия на книгу: А. М. Золотарев. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964).— СА. 1968, № 4.
- Иванов, 1969.— *Иванов В. В.* Двойная символическая классификация в африканских и азиатских традициях.— НАА. 1969, № 5.
- Иванов, 1985.— *Иванов В. В. К. Леви-Строс* и структурная антропология.— *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М., 1985.
- Иванов, 1988.— *Иванов В. В.* Левый и правый.— Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2-х томах. Т. 2. М., 1988.
- Иванов, 1958.— *Иванов П. П.* Очерки по истории Средней Азии (XVI—середина XIX в.). М., 1958.
- Ивлиев, 1981.— *Ивлиев А. Л.* О возникновении государства у киданей (к постановке вопроса).— XII научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. М., 1981.
- Ипатьевская летопись, 1962.— *Ипатьевская летопись.* М., 1962.
- Исиев, 1979.— *Исиев Д. А.* К характеристике административной системы Ганьжжоуского уйгурского каганата (IX—XI вв.).— П. И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение. Ч. 1. М., 1979.

- История Казахской ССР, 1977.— История Казахской ССР. С древнейших времен до наших дней. Т. 1. А.-А., 1977.
- История Казахской ССР, 1979.— История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Т. 2. А.-А., 1979.
- История Киргизской ССР, 1984.— История Киргизской ССР. С древнейших времен до наших дней. Т. 1. Фрунзе, 1984.
- История монголов, 1871.— История монголов эпоха Магакни, XIII века. Пер. и объяснения К. П. Патканова. СПб., 1871.
- История монголов, 1873.— История монголов по армянским источникам. Вып. 1. Пер. и объяснения К. П. Патканова. СПб., 1873.
- История МНР, 1967.— История Монгольской Народной Республики. М., 1967.
- История МНР, 1983.— История Монгольской Народной Республики. М., 1983.
- История первобытного общества, 1988.— История первобытного общества: Эпоха классообразования. М., 1988.
- История стран, 1970.— История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970.
- Ишжамц, 1972.— Ишжамц Н. Образование единого монгольского государства и установление феодализма в Монголии (XI—середина XIII в.). Автореф. докт. дис. М., 1972.
- Кадырбаев, 1977.— Кадырбаев А. Ш. Китайские источники эпохи Юань о карлуках.— ПППИКНВ (13-я сессия). М., 1977.
- Кадырбаев, 1979.— Кадырбаев А. Ш. Тюрки-капглы в империи Чингисхана (по китайским источникам).— П. И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение. Ч. 2. М., 1979.
- Кадырбаев, 1980.— Кадырбаев А. Ш. О культурной адаптации тюркских этнических групп в империи Юань.— XI научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 2. М., 1980.
- Кадырбаев, 1982.— Кадырбаев А. Ш. Китайские источники монгольской эпохи о внешнеполитических связях тюркских кочевников Казахстана — кыпчак и канглы — с народами Центральной Азии и Дальнего Востока (XII — начало XIII в.).— XIII научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 2. М., 1982.
- Кадырбаев, 1982а.— Кадырбаев А. Ш. Уйгуры в империи Чингисхана и его преемников XIII—XIV вв.— ПППИКНВ (16-я сессия). Ч. 1. М., 1982.
- Кадырбаев, 1984.— Кадырбаев А. Ш. «Юань ши» как источник по истории кераятов и найманов.— Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования, 1976—1977. М., 1984.
- Карагодин, 1984.— Карагодин А. Н. Дуальная организация у приволжских калмыков.— СЭ, 1984, № 5.
- Караев, 1983.— Караев О. История Караханидского каганата (X — начало XIII в.). Фрунзе, 1983.
- Киракос, 1976.— Киракос Гандзакец. История Армении. Пер., предисл., коммент. Л. А. Ханларян. М., 1976.
- Киселев, 1951.— Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
- Клюкин, 1932.— Клюкин И. А. Новые данные о племени тардушей и толясов (исторические справки из орхонских каменистых текстов и китайского текста «Тан шу»).— Вестник Дальневосточного отделения АН СССР. 1932, № 1—2.
- Кляшторный, 1964.— Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
- Кляшторный, 1970.— Кляшторный С. Г. Эпоха «Кутадгу билиг».— Советская тюркология. 1970, № 4.
- Кляшторный, 1973.— Кляшторный С. Г. Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии (по материалам полевых исследований в Монголии, 1968—1969 гг.).— ТС. 1972. М., 1973.
- Кляшторный, 1977.— Кляшторный С. Г. Образ кагана в орхонских памятниках.— ПППИКНВ (13-я сессия). М., 1977.
- Кляшторный, 1984.— Кляшторный С. Г. Каган, беги и народ в памятниках тюркской рунической письменности.— Ученые записки ЛГУ. № 412. Сер. востоковед. наук. Вып. 25. Л., 1984.
- Кляшторный, 1986.— Кляшторный С. Г. Формы социальной зависимости в го-

- сударствах кочевников Центральной Азии (конец I тысячелетия до н. э.— I тысячелетие н. э.).— Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986.
- Кляшторный, Лившиц, 1971.— *Кляшторный С. Г., Лившиц В. А.* Согдийская надпись из Бугута.— СНВ. Вып. 40. М., 1971.
- Кинга Марко Поло, 1955.— Кинга Марко Поло. Пер. И. П. Минаева. М., 1955.
- Козин, 1941.— *Козин С. А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Т. 1. М.— Л., 1941.
- Козьмин, 1934.— *Козьмин Н. Н.* К вопросу о турецко-монгольском феодализме. Москва—Иркутск, 1934.
- Коковцов, 1932.— *Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.
- Кононов, 1949.— *Кононов А. Н.* Опыт анализа термина түрк.— СЭ. 1949, № 1.
- Кононов, 1958.— *Кононов А. Н.* Родословная туркмен. Сочинение Абул-Гази, хана хивинского. М.— Л., 1958.
- Кононов, 1978.— *Кононов А. Н.* Семантика цветообозначений в тюркских языках.— ТС. 1975, М., 1978.
- Кононов, 1980.— *Кононов А. Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980.
- Константин Багрянородный, 1989.— *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий. М., 1989.
- Коротаев, Оболонков, 1989.— *Коротаев А. В., Оболонков А. А.* Родовая организация в социально-экономической структуре классовых обществ.— СЭ. 1989, № 2.
- Котвич, 1923.— *Котвич В. Л.* Из поучений Чингисхана.— Восток. 1923, № 3.
- Краткие сведения, 1960.— «Краткие сведения о черных татарах» Пэн Да-я и Сюй Тина. Пер., введ. и коммент. Ли Кюн-я и П. Ц. Мункуева.— ПВ. 1960, № 5.
- Кроль, 1987.— *Кроль Ю. Л.* Ханская концепция «слабого руководства» варварами (цзи ми).— XVIII научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 1. М., 1987.
- Куббель, 1988.— *Куббель Л. Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.
- Кузеев, 1974.— *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. М., 1974.
- Кумекоев, 1972.— *Кумекоев Б. Е.* Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. А.-А., 1972.
- Кумекоев, 1986.— *Кумекоев Б. Е.* Этнокультурные контакты кыпчаков и татар (по арабо-персидским источникам).— ИККАЯО. Вып. 1. М., 1986.
- Кумекоев, 1987.— *Кумекоев Б. Е.* Арабские и персидские источники по истории кыпчаков VIII—XIV вв. А.-А., 1987.
- Кутлуков, 1970.— *Кутлуков М.* Монгольское господство в Восточном Туркестане.— Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.
- Кызласов, 1964.— *Кызласов Л. Р.* Тува в составе Уйгурского каганата (VIII—IX вв.).— История Тувы. Т. 1. М., 1964.
- Кызласов, 1964а.— *Кызласов Л. Р.* Тува в составе государства древних кыргызов (IX—XII вв.).— История Тувы. Т. 1. М., 1964.
- Кызласов, 1969.— *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М., 1969.
- Кызласов, 1979.— *Кызласов Л. Р.* Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М., 1979.
- Кызласов, 1984.— *Кызласов Л. Р.* История Южной Сибири в средние века. М., 1984.
- Кычанов, 1963.— *Кычанов Е. И.* Сведения «Юань ши» о переселениях кыргызов в XIII веке.— Известия АН КиргССР. Сер. общественных наук. Т. 5. Вып. 1. Фрунзе, 1963.
- Кычанов, 1968.— *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства. М., 1968.
- Кычанов, 1974.— *Кычанов Е. И.* К вопросу об уровне социально-экономического развития татаро-монгольских племен в XII в.— Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. У.-Б., 1974.

- Кычанов, 1978.— *Кычанов Е. И.* Монголы в VI — первой половине XII века.— Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1978.
- Кычанов, 1986.— *Кычанов Е. И.* О татаро-монгольском улусе XII в.— Восточная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1986.
- Кюннер, 1961.— *Кюннер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
- Лашук, 1967.— *Лашук Л. П.* Историческая структура социальных организмов средневековых кочевников.— СЭ. 1967, № 4.
- Лашук, 1967а.— *Лашук Л. П.* О характере классовообразования в обществах ранних кочевников.— ВИ. 1967, № 7.
- Лашук, 1968.— *Лашук Л. П.* Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрков и монголов.— СЭ. 1968, № 1.
- Леви-Строс, 1985.— *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М., 1985.
- Легран, 1985.— *Легран Ж.* Определение политического содержания «Монголын нууц товчоо» и установление даты его сочинения.— Олон улсын монголч эрдэмтний IV их хурал. Т. I. У.-Б., 1985.
- Летопись, 1856.— Летопись по Воскресенскому списку.— ПСРЛ. Т. 7. СПб., 1856.
- Лувсандэндэв, 1974.— *Лувсандэндэв А.* Из письменных традиций кочевников Центральной Азии.— Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. У.-Б., 1974.
- Лувсандэндэв, 1977.— *Лувсандэндэв А.* Формирование монгольского национального литературного языка.— 3-й Международный конгресс монголоведов. У.-Б., 1977.
- Лубсан Данзан, 1973.— *Лубсан Данзан.* Алтан тобчи («Золотое сказание»). Пер., коммент. и прил. Н. П. Шатиной. М., 1973.
- Магомедов, 1983.— *Магомедов М. Г.* Образование Хазарского каганата. По материалам археологических исследований и письменным данным. М., 1983.
- Майдар, 1981.— *Майдар Д.* Памятники истории и культуры Монголии. М., 1981.
- Майский, 1962.— *Майский Н. М.* Чингисхан.— ВИ. 1962, № 5.
- Малинин, 1966.— *Малинин В. А.* К диалектике традиций в общественном сознании.— Диалектика материальной и духовной жизни общества в период строительства коммунизма. М., 1966.
- Малов, 1951.— *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.—Л., 1951.
- Малов, 1952.— *Малов С. Е.* Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.—Л., 1952.
- Малов, 1959.— *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М., 1959.
- Малаявкин, 1962.— *Малаявкин А. Г.* Уйгурское Турфанское княжество в XIII веке.— Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана. А.-А., 1962.
- Малаявкин, 1974.— *Малаявкин А. Г.* Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв. Новосибирск, 1974.
- Малаявкин, 1983.— *Малаявкин А. Г.* Уйгурские государства IX—XII вв. Новосибирск, 1983.
- Малаявкин, 1989.— *Малаявкин А. Г.* Таяские хроники о государствах Центральной Азии. Тексты и исследования. Новосибирск, 1989.
- Маннай-оол, 1984.— *Маннай-оол М. Х.* К вопросу о предпосылках и сущности генезиса феодализма у народов Саяно-Алтайского нагорья.— Проблемы истории Тувы. Кызыл, 1984.
- Маркарян, 1978.— *Маркарян Э. С.* Культурная традиция и задача дифференциации ее общих и локальных проявлений.— Методологические проблемы исследования этнических культур. Материалы симпозиума. Ер., 1978.
- Маркарян, 1981.— *Маркарян Э. С.* Узловые проблемы теории культурных традиций.— СЭ. 1981, № 2.
- Марков, 1970.— *Марков Г. Е.* Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии.— СЭ. 1970, № 6.
- Марков, 1973.— *Марков Г. Е.* Проблемы развития общественной структуры

- кочевников Азии.—9-й МКЭАН. Доклады советской делегации. М., 1973.
- Марков, 1976.—*Марков Г. Е.* Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976.
- Мартынов, 1979.—*Мартынов А. С.* К характеристике внешнеполитической доктрины Китая в X—XII вв. (территориальный аспект).—П. И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение. Ч. 1. М., 1979.
- Материалы, 1939.—Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. М.—Л., 1939.
- Материалы, 1968.—Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Пер., предисл. и примеч. В. С. Таскина. Вып. 1. М., 1968.
- Материалы, 1969.—Материалы по истории казахских ханств XV—XVII веков (извлечение из персидских и тюркских сочинений). А.-А., 1969.
- Материалы, 1973.—Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973.
- Материалы, 1973а.—Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Пер., предисл. и примеч. В. С. Таскина. Вып. 2. М., 1973.
- Материалы, 1984.—Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. Пер., введ., коммент. В. С. Таскина. М., 1984.
- Материалы, 1989.—Материалы по истории кочевых народов в Китае III—V вв. Вып. 1. Пер., предисл. и коммент. В. С. Таскина. М., 1989.
- Медведь, 1986.—*Медведь Л. М.* Опыт и традиция в системе политической культуры.—Методологические вопросы социального познания. Калинин, 1986.
- Мелиоранский, 1899.—*Мелиоранский П. М.* Памятник в честь Кюль-тегина.—ЗВРАО, 1899, т. 12, вып. 2—3.
- Мелиоранский, 1901.—*Мелиоранский П. М.* О Кудатку Биликте Чингиз-хана.—ЗВРАО, 1901, т. 13.
- Мелихов, 1970.—*Мелихов Г. В.* Установление власти монгольских феодалов в Северо-Восточном Китае.—Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.
- Мерперт и др., 1962.—*Мерперт Н. Я., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Чингиз-хан и его наследие.—История СССР, 1962, № 5.
- Мингулов, 1981.—*Мингулов Н. Н.* К некоторым вопросам истории Ак-Орды.—Казахстан в эпоху феодализма (проблемы этнополитической истории). А.-А., 1981.
- Мори, 1970.—*Мори М.* Политическая структура древнего государства кочевников Монголии.—13-й Международный конгресс исторических наук. Доклады. № 40. М., 1970.
- Московский свод, 1949.—Московский летописный свод конца XV века.—ПСРЛ. Т. 25. М.—Л., 1949.
- Мункуев, 1965.—*Мункуев Н. Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чуцай. Перевод и исследование. М., 1965.
- Мункуев, 1968.—*Мункуев Н. Ц.* Традиционные китайские административные институты у монголов в первой половине XIII в. (по запискам китайских путешественников XIII в.).—Роль традиций в истории Китая. М., 1968.
- Мункуев, 1970.—*Мункуев Н. Ц.* Заметки о древних монголах.—Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.
- Мункуев, 1970а.—*Мункуев Н. Ц.* Некоторые проблемы истории монголов XIII в. по новым материалам. Исследование южносибирских источников. Автореф. докт. дис. М., 1970.
- Мункуев, 1970б.—*Мункуев Н. Ц.* Новые материалы о положении монгольских аратов в XIII—XIV веках.—Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.
- Мункуев, 1979.—*Мункуев Н. Ц., П. И. Кафаров* и некоторые проблемы изучения «Тайной истории монголов».—П. И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение. Ч. 2. М., 1979.
- Мэн-гу-ю-му-цзи, 1895.—Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях. Пер. П. С. Полова. СПб., 1895.
- Мэн-да бэй-лу, 1975.—Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар»). Пер., введ. и коммент. Н. Ц. Мункуева. М., 1975.
- Наджип, 1979.—*Наджип Э. Н.* Историко-сравнительный словарь тюркских

- языков XIV века. На материале «Хосрау и Ширин» Кутба. Кн. 1. М., 1979.
- Насави, 1973.— *Насави Шихаб ад-Дин Мухаммад*. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Мангбурны. Пер., предисл., коммент. и указатели З. М. Буниятова. Баку, 1973.
- Насонов, 1940.— *Насонов А. Н.* Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). М.—Л., 1940.
- Нацагдорж, 1975.— *Нацагдорж Ш.* Основные черты феодализма у кочевых народов (на примере развития монгольского общества).— 14-й Международного конгресса исторических наук. Доклады монгольских делегатов. У.-Б., 1975.
- Неклюдов, 1981.— *Неклюдов С. Ю.* Мифология тюркских и монгольских народов (проблемы взаимосвязей).— ТС. 1977. М., 1981.
- Новгородская..., 1950.— Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950.
- Овчинникова, Трепавлов, 1982.— *Овчинникова Б. Б., Трепавлов В. В.* К вопросу о древнетюркском наследии в Монгольской империи.— Тезисы докладов конференции аспирантов и молодых научных сотрудников. Т. 2. М., 1982.
- Палладий, 1877.— *Палладий (П. И. Кафаров)*. Старинное китайское сказание о Чингис-хане.— Восточный сборник. Т. 1. СПб., 1877.
- Патриаршая летопись, 1965.— Патриаршая, или Никоновская, летопись.— ПСРЛ. Т. 9—10. М., 1965.
- Пашуто и др., 1982.— *Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982.
- Першиц, 1958.— *Першиц А. И.* Пережитки дуальной организации в родоплеменной структуре арабов.— СЭ. 1958, № 3.
- Першиц, 1981.— *Першиц А. И.* Традиции и культурно-исторический процесс.— НАА. 1981, № 4.
- Петров, 1961.— *Петров К. И.* Киргизско-кипчакские отношения (к вопросу об этногенезе и переселении киргизов).— Известия АН КиргССР. Сер. общественных наук. Т. 3. Вып. 2. Фрунзе, 1961.
- Петров, 1963.— *Петров К. И.* Очерк происхождения киргизского народа. Фрунзе, 1963.
- Петрушевский, 1960.— *Петрушевский И. П.* Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М.—Л., 1960.
- Пигулевская, 1941.— *Пигулевская Н. В.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941.
- Пищулина, 1977.— *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI веков (вопросы политической и социально-экономической истории). А.-А., 1977.
- Плахов, 1982.— *Плахов В. Д.* Традиции и общество. Опыт философско-социологического исследования. М., 1982.
- Плетнева, 1958.— *Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях.— Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 1. М.—Л., 1958.
- Плетнева, 1966.— *Плетнева С. А.* Кочевые народы VII—XIII вв.— История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 1. М., 1966.
- Плетнева, 1982.— *Плетнева С. А.* Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982.
- Плетнева, 1986.— *Плетнева С. А.* Хазары. М., 1986.
- Позднеев, 1906.— *Позднеев А. М.* Лекция по истории монгольской литературы, читанные в 1895/96 акад. году. СПб., 1906.
- Поноженко, 1987.— *Поноженко Е. А.* Политический строй когайцев в XV — середине XVII в.— Известия АН ТССР. Сер. общественных наук. 1987, № 6.
- Попов, 1906.— *Попов П. С.* Яса Чингис-хана и уложение монгольской династии Юань-чао-дунь-чжан.— ЗВОРАО. 1906, т. 17, вып. 2—3.
- Поппе, 1941.— *Поппе Н. Н.* Квадратная письменность. М.—Л., 1941.
- Потапов, 1949.— *Потапов Л. П.* Героический эпос алтайцев.— СЭ. 1949, № 1.
- Потапов, 1953.— *Потапов Л. П.* Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953.

- Потапов, 1954.— *Потапов Л. П.* О сущности патриархально-феодалных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана.— ВИ. 1954, № 6.
- Потапов, 1969.— *Потапов Л. П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографические очерки. Л., 1969.
- Пуллиблэик, 1986.— *Пуллиблэик Э. Дж.* Язык сюнну.— Зарубежная тюркология. Вып. 1. М., 1986.
- Путешествия, 1957.— Путешествия в восточные страны Плато Карпини и Рубрука. М., 1957.
- Пэрлэз, 1963.— *Пэрлэз Х.* Собственно монгольские племена в период Киданьской империи (907—1125).— Труды 25-го Международного конгресса востоковедов. Т. 5. М., 1963.
- Радлов, 1891.— *Радлов В. В.* Титулы и имена уйгурских ханов.— ЗВРАО, 1891, т. 5. вып. 2—4.
- Радлов, 1893.— *Радлов В. В.* К вопросу об уйгурах.— Записки Академии наук. 1893, т. 72, № 2.
- Радлов, 1905.— *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. 3. Ч. 1. СПб., 1905.
- Радлов, Мелиоранский, 1897.— *Радлов В. В. Мелиоранский П. М.* Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме. СПб., 1897.
- Рашид ад-Дин, 1946.— *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 3. Пер. А. К. Арендса. М.—Л., 1946.
- Рашид ад-Дин, 1952.— *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. Пер. Л. А. Хетагурова. Кн. 2. Пер. О. И. Смирновой. М.—Л., 1952.
- Рашид ад-Дин, 1960.— *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 2. Пер. Ю. П. Верховского. М.—Л., 1960.
- Рерих, 1958.— *Рерих Ю. Н.* Монголо-тибетские отношения в XIII—XIV вв.— Филология и история монгольских народов. Памяти академика Б. Я. Владимирцова. М., 1958.
- Родословное древо, 1906.— Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, хивинского хана. Пер. и предисл. Г. С. Саблукова. Казань, 1906.
- Рязановский, 1931.— *Рязановский В. А.* Монгольское право (преимущественно обычное). Исторический очерк. Харбин, 1931.
- Савельев, 1858.— *Савельев П. С.* Монеты Джучидские, Джагатайские, Джелалидские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша.— ТВОРАО. 1858, ч. 3.
- Савинов, 1973.— *Савинов Д. Г.* Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время.— ТС. 1972. М., 1973.
- Савинов, 1984.— *Савинов Д. Г.* Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984.
- Сандаг, 1970.— *Сандаг Ш.* Образование единого монгольского государства и Чингисхан.— Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.
- Сафаргалиев, 1960.— *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.
- Семенов, 1978.— *Семенов А. А.* Очерк культурной жизни уйгуров в монгольских государствах.— Материалы по истории и культуре уйгурского народа. А.-Л., 1978.
- Си ю цзи, 1866.— *Си ю цзи, или Описание путешествия на запад.* Пер. П. Кафарова.— Труды членов Русской духовной миссии в Пекине. Т. 4. СПб., 1866.
- Скрынникова, 1986.— *Скрынникова Т. Д.* Место «*küčü*» и «*suu jali*» в системе традиционных представлений монголов XIII в.— ИККНАЯО. М., 1986.
- Скрынникова, 1987.— *Скрынникова Т. Д.* Монгольские термины сакральности правителя (XIII в.).— 5-й Международный конгресс монголоведов. Доклады советской делегации. Ч. 1. М., 1987.
- Скрынникова, 1989.— *Скрынникова Т. Д.* К вопросу о формировании монгольской государственности.— Исследования по истории и культуре Монголии. Новосибирск, 1989.
- Собрание, 1825.— Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV и XV столетиях. Пер. Д. И. Языкова. СПб., 1825.
- Степи Евразии, 1981.— Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
- Стратанович, 1974.— *Стратанович Г. Г.* Военная организация триадного типа и ее судьбы.— ПАМ. Вып. 1. Элиста, 1974.

- Стратанович, Эрдниев, 1964.— *Стратанович Г. Г., Эрдниев У. Э.* Опыт анализа социальной терминологии.— 7-й Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Доклады. М., 1964.
- Строева, 1958.— *Строева Л. В.* Борьба кочевой и оседлой знати в Чагатайском государстве в первой половине XIV в. Памяти академика И. Ю. Крачковского. Л., 1958.
- Султанов, 1972.— *Султанов Т. И.* О терминах Ак-Орда, Кок-Орда и Иуз-Орда.— Известия АН КазССР. Сер. общественных наук. 1972, № 3.
- Сумъябаатар, 1985.— *Сумъябаатар Б.* Новонайденный монгольский законодательный памятник XIII века.— ОУМЭИУИХ. Т. 1. У-Б., 1985.
- Сунчугашев, 1979.— *Сунчугашев Я. И.* Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. Новосибирск, 1979.
- Супруненко, 1963.— *Супруненко Г. П.* Документы об отношениях Китая с енисейскими кыргызами в источнике IX века «Ли Вэй-гуи хойчан ипинь-цзи».— Известия АН КиргССР. Сер. общественных наук. Т. 5. Вып. 1. Фрунзе, 1963.
- Суханов, 1976.— *Суханов И. В.* Обычай, традиции и преемственность поколений. М., 1976.
- Сухбатар, 1971.— *Сухбаатар Г.* К вопросу о появлении письменности у народов Центральной Азии.— Монголын судлал (Монгольские исследования). 1971, т. 8.
- Сухбатар, 1973.— *Сухбаатар Г.* К вопросу об исторической преемственности в истории древних государств на территории Монголии.— Туухийн судлал (Исторические исследования). 1973, т. 9.
- Сухбатар, 1974.— *Сухбаатар Г.* К вопросу об этногенезе монголов.— Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. У-Б., 1974.
- Сухбатар, 1978.— *Сух-Батор Г.* Некоторые вопросы истории хуннов (сюнну).— ОУМЭИИИХ. Т. 1. У-Б., 1978.
- Сыма Цянь, 1975.— *Сыма Цянь.* Исторические записки («Ши цзи»). Т. 2. Пер. и коммент. Р. В. Вяткина, В. С. Таскина. М., 1975.
- Сэр-Оджая, 1971.— *Сэр-Оджая Н.* Древняя история Монголии (XIV в. до н. э.— XII в. н. э.). Автореф. докт. дис. Новосибирск, 1971.
- Таскин, 1968.— *Таскин В. С.* Введение.— Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 1. М., 1968.
- Таскин, 1973.— *Таскин В. С.* Предисловие.— Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2. М., 1973.
- Таскин, 1975.— *Таскин В. С.* Киданьский император на китайском престоле.— Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975.
- Таскин, 1979.— *Таскин В. С.* «История государства киданей» как исторический источник.— *Е. Лун-ди.* История государства киданей («Цидань го чжи»). М., 1979.
- Таскин, 1979а.— *Таскин В. С.* Китайские источники о тюркских и монгольских племенах.— П. И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение. Ч. 2. М., 1979.
- Тверской сборник, 1965.— Тверской сборник.— ПСРЛ. Т. 15. М., 1965.
- Тизенгаузен, 1884.— *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884.
- Тизенгаузен, 1941.— *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.—Л., 1941.
- Тихонов, 1966.— *Тихонов Д. И.* Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X—XIV вв. М.—Л., 1966.
- Толстов, 1935.— *Толстов С. П.* Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен.— ПИДО. 1935, № 9.
- Толстов, 1938.— *Толстов С. П.* К истории древнетюркской социальной терминологии.— ВДИ. 1938, № 1(2).
- Толстов, 1938а.— *Толстов С. П.* Основные вопросы древней истории Средней Азии.— ВДИ. 1938, № 1(2).
- Толстов, 1948.— *Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.

- Толыбеков, 1971.— *Толыбеков С. Е.* Кочевое общество казахов в XVII — начале XX века. Политико-экономический анализ. А.-А., 1971.
- Традиционное мировоззрение, 1989.— *Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Человек. Общество.* Новосибирск, 1989.
- Тревер и др., 1950.— *Тревер К. В., Якубовский А. Ю., Воронец М. Э.* История народов Узбекистана. Т. 1. Ташкент, 1950.
- Трепавлов, 1989.— *Трепавлов В. В.* Алтайский героический эпос как источник по истории ранней государственности.— *Фольклорное наследие Горного Алтая. Горно-Алтайск*, 1989.
- Трепавлов, 1991.— *Трепавлов В. В.* Төрү у древних тюрков и монголов.— *Международная ассоциация по изучению цивилизаций Центральной Азии. Информационный бюллетень. Вып. 18. М., 1991.*
- Трепавлов, 1991а.— *Трепавлов В. В.* Соправительство в Монгольской империи.— *Archivum Eurasiae medii aevi. 1991, vol. 7.*
- Трепавлов, 1992.— *Трепавлов В. В.* Традиции в кочевых империях. Очерк историографии.— *Mongolica. М., 1992.*
- Успенский, 1880.— *Успенский В. М.* Страна Кукэ-нор, или Цин-хай. СПб., 1880.
- Фасеев, 1978.— *Фасеев Ф. С.* К расшифровке хунских фрагментов.— *Источниковедение и история тюркских языков. Казань*, 1978.
- Фасеев, 1978а.— *Фасеев Ф. С.* Кто они так называемые «голубые тюрки».— *Источниковедение и история тюркских языков. Казань*, 1978.
- Федоров, Федоров, 1978.— *Федоров Я. А., Федоров Г. С.* Ранние тюрки на Северном Кавказе (историко-этнографические очерки). М., 1978.
- Федоров-Давыдов, 1966.— *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
- Федоров-Давыдов, 1968.— *Федоров-Давыдов Г. А.* «Аноним Искандера» и термины «Ак-Орда» и «Кок-Орда».— *История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.*
- Федоров-Давыдов, 1973.— *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
- Федоров-Давыдов, 1978.— *Федоров-Давыдов Г. А.* Золотая Орда и монгольский Иран.— *Вестник МГУ. Сер. 8. История. М., 1978.*
- Феофилакт Симокатта, 1957.— *Феофилакт Симокатта.* История. Пер. С. И. Кондратьева. М., 1957.
- Хазанов, 1973.— *Хазанов А. М.* О периодизации истории кочевников евразийских степей.— *Проблемы этногеографии Востока. М., 1973.*
- Хазанов, 1975.— *Хазанов А. М.* Социальная история скифов: Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М., 1975.
- Хатиби, 1985.— *Хатиби С.* Персидские документальные источники по социально-экономической истории Хорасана XIII—XIV вв. Ашх., 1985.
- аль-Холи, 1962.— *аль-Холи А.* Связи между Нилом и Волгой в XIII—XIV вв. М., 1962.
- Чулошников, 1924.— *Чулошников А. П.* Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Оренбург, 1924.
- Шара туджи, 1957.— *Шара туджи. Монгольская летопись XVII века. Сводный текст, пер., введ. и примеч. Н. П. Шестиной. М.—Л., 1957.*
- Шахматов, 1959.— *Шахматов В. Ф.* Основные черты казахской патриархально-феодальной государственности.— *Известия АП КазССР. Сер. истории, археология и этнографии. 1959, Вып. 3(11).*
- Шейбаниада, 1849.— *Шейбаниада.* История монголо-тюрков на джугатайском диалекте. Пер. И. Н. Березина. Казань, 1849.
- Ширендыб, 1974.— *Ширендыб Б.* Некоторые вопросы исследования проблемы «Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии».— *Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. У.-Б., 1974.*
- Щербак, 1959.— *Щербак А. М.* Огуз-наме, Мухаббат-наме. Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности. М., 1959.
- Юдин, 1983.— *Юдин В. П.* Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая...— *Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI—XVIII вв. А.-А., 1983.*

Юсуф Хас-хаджиб, 1983.— *Юсуф Хас-хаджиб*. Благодатное знание. Пер. С. Н. Иванова, М., 1983.
 Якубовский, 1940.— *Якубовский А. Ю.* Монгольская империя.— Исторический журнал. 1940, № 3.

На монгольском языке

- БНМАУ-ын түүх, 1966.— Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улсын түүх. Б. 1. (История Монгольской Народной Республики. Т. 1). У.-Б., 1966.
 БНМАУ-ын түүх, 1984.— Бүгд Найрамдах Монгол Ард Алсын түүх. (История Монгольской Народной Республики). У.-Б., 1984.
 Гадамба, 1976.— *Гадамба Ш.* Нууц товчооны нууцаас (Из тайн «Тайной истории»). У.-Б., 1976.
 Гонгор, 1970.— *Гонгор Д.* Халх товчоон. Б. 1 (Краткая история Халхи. Т. 1). У.-Б., 1970.
 Гонгор, 1978.— *Гонгор Д.* Халх товчоон. Б. 2 (Краткая история Халхи. Т. 2). У.-Б., 1978.
 Доржсүрэн, 1961.— *Доржсүрэн Ц.* Умард хуину (Северные хуину). У.-Б., 1961.
 Пэрлээ, 1959.— *Пэрлээ Х.* Хятан нар, тэдний монголчуудтай холбогдсон нь (Кидани и их связи с монголами). У.-Б., 1959.
 Сухбатар, 1971а.— *Сухбаатар Г.* Сяньби нарын угсаа гарал, соёл, аж ахуй, нийгмийн байгуулал (Происхождение, культура, хозяйство и общественный строй сяньби). У.-Б., 1971.
 Сэр-Оджав, 1970.— *Сэр-Оджав Н.* Эртний түрэгүүд (Древние тюрки). У.-Б., 1970.
 Сэр-Оджав, 1977.— *Сэр-Оджав Н.* Монголын эртний түүх (Древняя история Монголии). У.-Б., 1977.
 Хүүхэнбаатар, 1964.— *Хүүхэнбаатар Д.* Монгол гүрний элчин харилцаа (XIII зуун) (Посольские связи Монгольской державы, XIII в.). У.-Б., 1964.
 Erten-ü 1937.— *Erten-ü qad-un ündüsülegsén törü yosun-u jokiyał tobčilan qu-gıyayasan altan tobči kemekü orošibai. İdebter* (Сочинение «Золотой свод», повествующее о происхождении и правлении древних монгольских ханов. Т. 1.) Ulaan-baıat, 1937.

На других восточных языках

- Махмуд Кошгарий, 1963.— *Махмуд Кошгарий*. Туркий сўзлар девони (Словарь тюркских наречий). Т. 3. Ташкент, 1963.
 Хондемир, 1954.— *Хондемир*. Тарих-е хабиб ас-сийар (История друга жизнеописаний). Т. 3. Тегран, 1954.
 Alföldy, 1943.— *Alföldy A.* Türklerde Çift Krallık (Дуальная монархия у тюрков).— 2-ci Türk Tarih Kongresi. (2-й конгресс по тюркской истории). İstanbul, 1943.
 Divanü, 1941.— *Divanü lügat-it-türk tercümesi*. С. 3. Çeviren B. Atalay (Словарь тюркских наречий. Т. 3. Пер. Б. Аталая). Ankara, 1941.
 Haussig 1973.— *Haussig H. W.* Eski Türk İmparatorluğunun (552-630) siyasi taksimatı (Политическая структура древнетюркской империи 552—630).— 1-ci Milletlerarası türkoloji kongresi (1-й Международный тюркологический конгресс). İstanbul, 1973.
 Kafesoğlu, 1953.— *Kafesoğlu İ.* Türk Tarihinde Moğollar ve Cengis Meselesi (Проблема монголов и Чингиса в тюркской истории).— İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Tarih Dergisi. Т. 5. 1953, № 8.
 Neşri, 1983.— *Neşri M.* Neşri Tarihi. С. 1 (История Нешри. Т. 1). Ankara, 1983.
 Rasonyi, 1983.— *Rasonyi L.* Türk Devletinin Batıdaki ve İlk Müslüman Türkler (Первые тюрки-мусульмане и жители западнотюркских государств). Ankara, 1983.

- Tabakat-i-Nasiri, 1964.—*Tabakat-i-Nasiri* (Насировы разряды). Vol. 2. Kabul, 1964.
- Ta'rikh, 1912.—*Ta'rikh-i jāhangushā* (История миропокорителя). Ч. 1. Leiden—London, 1912.
- Ta'rikh, 1936.—*Ta'rikh-i-jahangushā* (История миропокорителя). Ч. 2. Leiden—London, 1936.
- Ta'rikh, 1936.—*Ta'rikh-i-jāhangushā* (История миропокорителя). Ч. 3. Leiden—London, 1936.
- Togan, 1941.—*Togan A. Z. V. Çingiz, Moğollar ve Türkler* (Чингиз, монголы и турки). Istanbul, 1941.
- Togan, 1946.—*Togan A. Z. V. Umumî Türk Tarihine Giriş*. C. 1. (Введение во всеобщую историю турков. Т. 1). Istanbul 1946.

На западноевропейских языках

- Allsen, 1987.—*Allsen Th. T. Mongol Imperialism. The Policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia and the Islamic Lands, 1251—1259*. Berkeley—Los Angeles—London, 1987.
- Ayalon, 1971.—*Ayalon D. The Great Yasa of Chingis Khan*.—SI. 1971, vol. 34.
- Bang, 1896.—*Bang W. Zu den Kōk-Türk Inschriften der Mongolei*.—TP. 1896, ser. 1, vol. 7.
- Bombaci, 1965.—*Bombaci A. Qutlug bolzun! A Contribution to the History of the «Fortune» Among the Turcs (Part One)*.—Ural-altaische Jahrbücher. 1965, vol. 36.
- Boodberg, 1979.—*Boodberg P. A. Dayan, Chinggis and Shan-yü*.—Selected Works of P. A. Boodberg. Berkeley—Los Angeles—London, 1979.
- Boyle, 1956.—*Boyle J. A. On the Titles Given in Guvaini to Certain Mongolian Princes*.—HJAS. 1956, vol. 19, № 1—2.
- Boyle, 1977.—*Boyle J. A. The Mongol Empire, 1206—1370*. L., 1977.
- Brent, 1976.—*Brent P. Genghis Khan. His Triumph and His Legacy*. L., 1976.
- Bretschneider, 1888.—*Bretschneider E. Medieval Researches from Eastern Medieval Sources*. Vol. 1. L., 1888.
- Cahun, 1896.—*Cahun L. Introduction à l'histoire de l'Asie: Turcs et Mongols. Dès origines à 1405*. P., 1896.
- Chavannes, 1903.—*Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux*. СПб., 1903.
- Ch'en, 1979.—*Ch'en P. H. Chinese Legal Tradition under the Mongols: The Code of 1291 as Reconstructed*. Princeton, 1979.
- Chronography, 1976.—*The Chronography of Gregorius Abu'l Faraj, 1225—1286*. Vol. 1. Amsterdam, 1976.
- Clauson, 1972.—*Clauson C. An Etymological Dictionary of pre-thirteenth century Turkish*. Oxf. 1972.
- Codex Cumanicus, 1981.—*Codex Cumanicus*. Budapest, 1981.
- Czégledy, 1972.—*Czégledy K. On the Numerical Composition of the Ancient Turkish Tribal Organization*.—AOH. 1972, т. 25.
- Czégledy, 1974.—*Czégledy K. History and the Turkic Inscriptions*.—Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. У.-Б., 1974.
- Doerfer, 1967.—*Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen*. T. 3. Wiesbaden, 1967.
- Ecsedy, 1972.—*Ecsedy H. Tribe and Tribal Society in the 6-th Century Turk Empire*.—AOH. 1972, т. 25.
- Fletcher, 1986.—*Fletcher J. The Mongols: Ecological and Social Perspectives*.—HJAS. 1986, vol. 46, № 1.
- Fox, 1937.—*Fox R. Genghis Khan*. L., 1937.
- Franke, 1978.—*Franke H. From Tribal Chieftain to Universal Emperor and God. The Legitimation of the Yüan Dynasty*. München, 1978.
- Gabain, 1964.—*Gabain A. von. Die alttürkische Literatur*.—Philologicae Turkicae Fundamenta. T. 2. Wiesbaden, 1964.
- Giraud, 1960.—*Giraud R. L'empire des Turcs célestes. Les regnes d'Elterich, Qapghan et Bilgä (680—634)*. P., 1960.
- Golden, 1980.—*Golden P. B. Khazar Studies*. Vol. 1. Budapest, 1980.

- Golden, 1982.—*Golden P. B.* Imperial Ideology of the Sources of Political Unity Amongst the Pre-Chinggisid Nomads of Western Eurasia.—*Archivum Eurasiae medii aevi*. T. 2. Wiesbaden, 1982.
- Gombojab, 1978.—*Gombojab H.* The First Jinong of the Mongols.—Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал. Б. 1 (3-й Международный конгресс монголоведов). Т. 1. У.-Б., 1978.
- Grønbech, 1942.—*Grønbech K.* Romanischen Wörterbuch. København, 1942.
- Grousset, 1941.—*Grousset R.* D'empire mongole (1-re phase). P., 1941.
- Grousset, 1960.—*Grousset R.* L'empire des steppes. Attila, Gengis Khan, Tamerlan. P., 1960.
- Grousset, 1983.—*Grousset R.* Le conquérant du monde (Vie de Gengis Khan). P., 1983.
- Hambis, 1980.—*Hambis L.* Les empires mongoles.—Le concept d'empire. P., 1980.
- Hambis, Pelliot, 1945.—*Hambis L., Pelliot P.* Le chapitre CVII du Yuan che. Le généalogies impériales mongoles dans l'histoire chinoise officielle de la dynastie mongole. Leiden, 1945.
- Hamilton, 1955.—*Hamilton J. R.* Les Ouighours à l'époque des Cinq Dynasties d'après les documents chinois. P., 1955.
- Hocart, 1936.—*Hocart A. M.* Kings and Councillors: An Essay in the Comparative Anatomy of the Human Society. Cairo, 1936.
- Hocart, 1952.—*Hocart A. M.* The Northern States of Fiji. L., 1952.
- Houtsma, 1891.—*Houtsma Th.* Recueil de textes relatifs à l'histoire des Seldjoukides. Vol. 3. Pt. 1. Leiden, 1891.
- Howorth, 1876.—*Howorth H. H.* History of the Mongols from the 9th to the 19th Century. Pt. 1. L., 1876.
- Howorth, s. a.—*Howorth H. H.* Genghis Khan and His Ancestors. S. l., s. a.
- Hsiao Ch'i-ch'ing, 1978.—*Hsiao Ch'i-ch'ing.* The Military Establishment of the Yuan Dynasty. Cambridge—London, 1978.
- Ibn Bibi, 1959.—*Ibn Bibi.* Die Seltschukengeschichte des Ibn Bibi. Copenhagen, 1959.
- Jackson, 1978.—*Jackson P.* The Dissolution of the Mongol Empire.—CAJ. 1978, vol. 22, № 3—4.
- Kalużyński, 1970.—*Kalużyński St.* Imperium mongolskie. Warszawa, 1970.
- Kalużyński, 1983.—*Kalużyński St.* Dawni Mongolowie. Warszawa, 1983.
- Khazanov, 1980.—*Khazanov A. M.* The Origin of the Genghis Khan's State. An Anthropological Approach.—Etnografia polska. 1980, т. 24, з. 1.
- Kirchhoff, 1955.—*Kirchhoff P.* Principles of Clanship in Human Society.—Davidson Journal of Anthropology. 1955, vol. 1.
- Klyashtorny, 1982.—*Klyashtorny S. G.* The Terkhin Inscription.—AOH. 1982, т. 36.
- Klyashtorny, 1985.—*Klyashtorny S. G.* The Tes Inscription of the Uighur Bögü qaghan.—AOH. 1985, т. 39.
- Kotwitz, 1934.—*Kotwitz W.* Formules initiales des documents mongols aux XIIIe et XIVs.—RO. 1934, т. 10.
- Kotwitz, 1949.—*Kotwitz W.* Contribution à l'histoire de l'Asie Centrale.—RO. 1949, т. 15.
- Krader, 1945.—*Krader L.* Qan-Qagan and the Beginnings of the Mongol Kingship.—CAJ. 1945, vol. 1, № 1.
- Krader, 1955.—*Krader L.* The Principles and Structures of Organization of the Asiatic Steppe-Pastoralists.—Southwestern Journal of Anthropology. 1955, vol. 11, № 2.
- Krader, 1978.—*Krader L.* The Origin of the State Among the Nomads of Asia.—The Early State. The Hague—Mouton, 1978.
- Kvaerne, 1980.—*Kvaerne P.* Mongols and Khitans in the 14th Century Tibetan Bonpo Text.—AOH. 1980, т. 34.
- Kwanten, 1979.—*Kwanten L.* Imperial Nomads. A History of Central Asia, 500—1500. Philadelphia, 1979.
- Lattimore, 1940.—*Lattimore O.* Inner Asian Frontiers of China. N. Y., 1940.
- Lattimore, 1963.—*Lattimore O.* The Geography of Chingis Khan.—The Geographical Journal. 1963, vol. 129, pl. 1.

- Lister, 1969.— *Lister R. P.* Gengis Khan. N. Y., 1969.
- Liu Mau-tsai, 1958.— *Liu Mau-tsai*. Die chinesische Nachrichten zur Geschichte des Ost-Türken (T'u-küe). T. 1. Wiesbaden, 1958.
- Marquart, 1912.— *Marquart J.* Guwaini's Bericht über die Bekehrung der Uiguren.— Sitzungsberichte der königlich preussischen Akademie der Wissenschaften. 1912, 1 halbband.
- Martin, 1950.— *Martin H. D.* The Rise of Chingis Khan and His Conquest of Northern China. Baltimore, 1950.
- Mongolische Weltreich, 1958.— Das Mongolische Weltreich: al'Umari's. Darstellung der mongolische Reich in seinem Werk Masalik al-abšar fi mamalik al-amšar. Wiesbaden, 1958.
- Mori, 1981.— *Mori M.* The T'u-chüeh Concept of Sovereign.— AA. 1981, № 41.
- Mostaert, Cleaves, 1952.— *Mostaert A., Cleaves F.* Trois documents mongoles des Archives secrètes Vaticanes.— HJAS. 1952, vol. 15, № 3—4.
- Müller, 1920.— *Müller F. W.* Uigurische Glossen.— Ostasiatische Zeitschrift. 1919, 1920.
- Oliver, 1988.— *Oliver E. E.* The Chagatai Mughals.— The Journal of Royal Asiatic Society. 1888, vol. 20.
- Pelliot, 1923.— *Pelliot P.* Les Mongols et la papauté.— Revue de l'Orient chrétien. 3-e ser., t. 3(23), 1922—1923, № 1—2.
- Pelliot, 1949.— *Pelliot P.* Notes sur l'histoire de la Horde d'or. P., 1949.
- Phillips, 1969.— *Phillips E. D.* The Mongols. N. Y.— Wash., 1969.
- Pritsak, 1950.— *Pritsak O.* Karachanidische Streiffragen.— Oriens. 1950, t. 2.
- Pritsak, 1954.— *Pritsak O.* Orientierung und Farbsymbolik. Zu den Fardenzeichnungen in den altaischen Völkernamen.— Saeculum. 1954, t. 5.
- Pritsak, 1954a.— *Pritsak O.* Die 24 Ta-ch'ên: Studie zur Geschichte der Verwaltungsaufbaus des Hsiung-nu Reiche.— Oriens Extremus. 1954, t. 1.
- Pritsak, 1955.— *Pritsak O.* Qara. Studie zur Türkischen Rechtssymbolik.— A. Zeki Velidi Togan'a Armagan. Istanbul, 1955.
- Pritsak, 1976.— *Pritsak O.* The Pecenegs. A Case of Social and Economic Transformation. Lisse, 1976.
- Rachewiltz, 1975.— *Rachewiltz I. de.* Some Remarks on the Ideological Foundations of Chingis Khan's Empire.— Papers on Far Eastern History. 1975, № 7.
- Rachewiltz, 1983.— *Rachewiltz I. de.* Qan, Qagan and the Seal of Cüyüg.— Documenta Barbarorum: Festschrift für Walter Heissig zum 70. Geburtstag. Wiesbaden, 1983.
- Rachewiltz, 1983a.— *Rachewiltz I. de.* Turks in China under the Mongols: A Preliminary Investigation of Turco-Mongol Relations in the 13th and the 14th Centuries.— China Among Equals: A Middle Kingdom and Its Neighbours, 10th—14th Centuries. Berkeley—Los Angeles—London, 1983.
- Ratchnevsky, 1987.— *Ratchnevsky P.* Die Rechtsverhältnisse bei den Mongolen im 12—13. Jahrhundert.— CAJ. 1987, vol. 31, № 1—2.
- Reischauer, Fairbank, 1960.— *Reischauer E. O., Fairbank J. K.* East Asia: The Great Tradition. Boston, 1960.
- Rivers, 1926.— *Rivers W. H. R.* Social Organization. L., 1926.
- Sagan Sechen, 1964.— *Sagan Sechen*. The Bejewelled Summary of the Origin of Khans. A History of the Eastern Mongols to 1662. Pt. 1. Bloomington, 1964.
- Saint Quentin, 1965.— *Saint Quentin Simon de.* Histoire des tartares. P., 1965.
- Samolin, 1957.— *Samolin W.* Hsiung-nu, Hun, Turk.— CAJ. 1957, vol. 3, № 2.
- Samolin, 1964.— *Samolin W.* East Turkestan to the 12th Century. The Hague, 1964.
- Sankrityayana, 1964.— *Sankrityayana R.* History of Central Asia. Calcutta—New Delhi, 1964.
- Saunders, 1971.— *Saunders J. J.* The History of the Mongol Conquests. L., 1971.
- Schlegel, 1896.— *Schlegel G.* Tāgin et Töre.— TP. 1896, ser. 1, vol. 7.
- Schurmann, 1963.— *Schurmann H. F.* Problems of Political Organization during the Yuan Dynasty.— Труды 25-го Международного конгресса востоковедов. Т. 5. М., 1963.
- Shiratory, 1926.— *Shiratory K.* A Study on the Titles Kaghan and Khatun.—

- Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko. 1926, № 1.
- Sinor, 1953.—*Sinor D.* The Historical Role of the Turk Empire.—*Cahiers d'histoire mondiale*. 1953, vol. 1, № 2.
- Scrine, Ross, 1899.—*Scrine H. F., Ross E. D.* The Heart of Asia. The History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest Times. L., 1899.
- Spuler, 1943.—*Spuler B.* Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland, 1223—1502. Leipzig, 1943.
- Spuler, 1955.—*Spuler B.* Die Mongolen in Iran: Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanenzeit, 1220—1350. Berlin, 1955.
- Spuler, 1972.—*Spuler B.* History of the Mongols. Based on Eastern and Western Accounts of the 13th and the 14th Centuries. Berkeley — Los Angeles, 1972.
- Tabakat-i-Nasiri, 1881.—*Tabakat-i-Nasiri*. A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia. Vol. 2. L., 1881.
- Togan, 1939.—*Togan A. Z. V.* Ibn Fadlān's Reisenbericht. Lpz., 1939.
- Turan, 1955.—*Turan O.* The Ideal of World Domination Among the Medieval Turks.—*SI*. 1955, vol. 4.
- Vernadsky, 1938.—*Vernadsky G.* The Scope and Content of Chingis-Khan's Yasa.—*HJAS*. 1938, vol. 3, № 3—4.
- Voegelin, 1941.—*Voegelin E.* The Mongol Orders to Submission to European Powers, 1245—1255.—*Byzantion*. 1941, vol. 15.
- Wittfogel, 1957.—*Wittfogel K.* Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. New Heaven, 1957.
- Wittfogel, Fêng Chia-shêng, 1949.—*Wittfogel K., Fêng Chia-shêng*. History of Chinese Society Liao (907—1125). Philadelphia, 1949.
- Yamada, 1982.—*Yamada N.* Formation of the Hsiung-nu State.—*AOH*. 1982, r. 36.

- Абага, ильхан 84, 99, 108
 Абрамян Э. Г. 121
 Абулгази Багадур-хан, хронист 91—93, 96, 128
 Абулхайр, хан улуса 129
 Акуш, воснач. 55
 Алан-гоа, миф. родоначальница 120
 Алахай-бэки, дочь Чингисхана 107
 Алгу, хан улуса 83, 84, 94
 Алдизер, кырг. правитель 122
 Али-Мелик, чиновник 81
 Алтан, дядя Чингисхана 109
 Алндай, племянник Чингисхана 103, 136
 Альфельд А. 76
 Амбагай, хан улуса Хамуг Монгол 24, 25, 59, 60, 109
 Анахуашь, жуж. каган 36
 Ануштегншады 53
 Аргун, ильхан 69, 70, 84, 126
 Аргун, чиновник 81
 Ариг-буга, каан 48, 83, 98, 106, 107, 120, 132, 136
 Арслан-хан, правитель карлуков 52, 53
 Асутай, Чингисид 136
 Асцелин, путешественник 8, 79
 Аталай Б. 121
 Аттила, правитель гуннов 155
 Ахинжапов С. М. 123
 Ашина, род. 15, 21—23, 39, 49, 51, 70, 101, 102, 118, 119
 Багадур, Джучид 92, 128, 129
 Бадима-иргэлбу, джидонг 85
 Базарова Б. 3, 120
 Байдар, сын Чагатай 136
 Байиндыр, миф. персонаж 39
 Баллер Э. А. 114, 132
 Банг В. 121
 Бацзаров Д. 23, 70
 Барак, хан улуса 83, 94, 99
 Бартольд В. В. 14, 15, 76, 80, 104, 118, 132
 Барчук, уйс. правитель 52, 53
 Бар-Эбрей (Григорий Абу-л-Фарадж), хронист 12, 60, 65, 69, 84, 106
 Бату (Батый), хан улуса 78—81, 83, 84, 86—94, 96, 98, 99, 101, 104—108, 126—129, 131, 136
 Баян, хан улуса 87
 Белик А. П. 133
 Березин И. Н. 40
 Берке, хан улуса 81—84, 86—88, 90, 98, 100, 105, 132, 136
 Берштам А. Н. 15
 Билге (Могилан), тюрк. каган 38, 39, 63, 118, 120, 126
 Бира Ш. 19, 20, 72, 119
 Богурчи, монг. воснач. 69
 Бомбаки А. 125
 Бортэ, жена Чингисхана 110, 131
 Бортэ — Чиню, миф. персонаж 20, 23, 119
 Бузар, правитель карлуков 52
 Буку-хан, миф. персонаж 37, 51
 Буман, тюрк. каган 36
 Бури, Чагатаид 94, 99
 Бучек, сын Толуя 136
 Бэлгэтэй, брат Чингисхана 103, 136
 Ван Вэй, хронист 7
 Ван-хан (Тоорил), хан керентов 27, 35, 36
 Ваньянь, род. 23
 Васильев В. П. 24, 44
 Васильев Л. С. 17, 118
 Вассаф Шихаб ад-Дин Абдаллах, хронист 88
 Веселовский Н. И. 89, 129
 Викторова Л. Л. 127, 131, 132
 Витфогель К. А. 35

¹ Кроме личных имен в указатель включены названия династий, происходящие от эпонимов (Караханиды, Шейбаниды и т. п.), а также названия правящих родов (Ашина, Елюй и т. п.). Китайские династии, давшие имя империям, занесены в Указатель географических и этнических названий. Сокращения: военач. — военачальник, жуж. — жуаньшаньский, зап. — западный, кид. — киданьский, кит. — китайский, кыпч. — кыпчакский, кырг. — кыргызский, миф. — мифический, монг. — монгольский, тюрк. — тюркский, уйг. — уйгурский.

Владимирцов Б. Я. 18, 25
Воробьев М. В. 17

Габен А. 122
Газан, ильхан 70, 82, 85, 90, 99, 126
Гаммала, джинонг 85
Георгий Пахимер, хронист 7, 12, 89
Гетум, царь Армении 80
Голден П. Б. 20, 22, 76
Гонгор Д. 119
Гордлевский В. А. 20, 76
Грач А. Д. 119
Григор Акнерци, хронист 7, 11, 61
Григорьев А. П. 125
Громыко М. М. 121
Грумм-Гржимайло Г. Е. 93
Груссе Р. 25, 60, 76, 130, 131
Гумилев Л. Н. 14, 21, 96, 123
Гурлянд Я. И. 132
Гуюк, каан 23, 65, 67, 69, 70, 78, 79, 104—107, 120, 127

Данлоп Д. 76
Даян, хан наймапов 46, 51
Дегинь Ж. 18
Дерфер Г. 126
Джамал Карши, хронист 94
Джамуха, гур-хан 60, 61, 71
Джанибек, хан улуса 90
Джебе, монг. воснач. 55, 57, 58, 124
Джексон П. 80
Джелаль ад-Дин, хорезмшах 12, 54
Джувеини Ала ад-Дин Ата Малик, хронист 10, 33, 34, 60, 65, 69, 84, 104, 105
Джузджани Абу-Омар Минхадж ад-Дин, хронист 13, 79, 82, 83, 86, 87
Джучи, хан улуса, сын Чингисхана 31, 36, 47—51, 55, 56, 58, 77—79, 83, 84, 86, 88, 89, 91, 93, 99, 103—105, 108, 122, 123, 126—128, 131, 136
Джучи-буга, Джучид 129
Джучиды 76, 79, 80, 82, 83, 86—89, 91, 93, 98—100, 105, 108, 116, 123, 128
Дува, хан улуса 95
Дува-Мерген, миф. персонаж 23
Дува-Сохор, миф. персонаж 23
Дэ-ван, правитель тангутов 30

Егоров В. Л. 89, 91—93
Егу, племянник Чингисхана 136
Еди-ишал, кырг. правитель 122
Елюй, род 23, 44, 102
Елюй Амбагай, кид. император 64
Елюй Даши, гур-хан 51, 52, 123
Елюй Чжу, чиновник 120
Елюй Чуцай, чиновник 8, 10, 24, 32, 33, 73
Есугэй-багатур, отец Чингисхана 109, 131

Есудэр, монг. воснач. 48
Есу-Мункэ, хан улуса 94, 99, 106
Есункэ, брат Чингисхана 136
Есун-Тэмур, джинонг 85

Жиро Р. 125
Жуковская Н. Л. 122

Закиров С. 89, 90
Златкин И. Я. 15, 16, 20
Золотарев А. М. 76

Ибн ал-Асир, хронист 13, 123
Ибн Халдун, хронист 82, 100
Иванов В. В. 130
Ильбарс, Джучид 91, 92
Иннокентий IV, папа римский 65, 67
Ишжамц Н. 16, 19, 118

Йакафтан, правитель йемеков 123

Кадар-мелик, правитель карлуков 52, 53
Каджули-бахадур (см. Хам Хацула)
Кадырбасв А. Ш. 25, 119
Кадыр-хан, правитель йемеков 123
Казвини Хамдаллах, хронист 10, 88
Кайы, миф. персонаж 39
Карагодин А. И. 132
Караханиды 21, 95, 109
Карпини Джиованни дель Плано, путешественник 8, 68, 79, 87
Кафесоглу И. 22, 23
Каюмарс, миф. персонаж 40
Квантен Л. 16, 18, 43, 96, 122
Кебек, хан улуса 95
Киракос Гандзакечи, хронист 7, 11, 79—81, 84
Кирхгоф П. 131
Клосон Дж. 38
Кляшторный С. Г. 21, 67
Козин С. А. 40, 122, 130
Кононов А. Н. 46, 122
Кончакиды 56
Кончи, хан улуса 86, 87
Коротаев А. В. 132
Крадер Л. 17, 25, 118, 124
Кубль (см. Хабул)
Куркуз, чиновник 79
Кутлуг (см. Эльтерес)
Кучлук, хан найманов 52, 57, 58
Кызласов Л. Р. 119, 122, 123
Кычанов Е. И. 25, 119
Кюль-тегин, тюрк. воснач. 38, 39, 63, 120, 121, 126

Лашук Л. П. 14
Леви-Строс К. 130, 131
Лубсан Данзан, хронист 7, 10, 77, 78, 83, 86, 124, 125, 127
Латтимор О. 47, 71
Люаньди, род 18, 23, 102

- Маву, монг. военач. 88
 Малинин В. А. 114
 Малов С. Е. 38, 121
 Мамай, беклярибек 91
 Маркарян Э. С. 132, 133
 Маркварт И. 123
 Марков Г. Е. 14, 25
 Мартин Х. Д. 21
 Матфей Парижский, хронист 7, 12, 13
 Мауцы, монг. военач. 89
 Махмуд ибн Эмир Вали, хронист 91, 128—130
 Махмуд Кашгарский, писатель 73
 Махмуд Ялавач, правитель Мавераннахра 79, 94
 Медведь Л. М. 133
 Мелиоранский П. М. 38
 Мингулов Н. Н. 91, 128, 129
 Могилан (см. Бильге)
 Модэ, шаньюй 36, 121
 Мори М. 125
 Мубарек-шах, хан улуса 94
 Мувад, сын Джучи 89
 Мунгкур, монг. военач. 99
 Мункату, Чингисид 136
 Мункуев Н. Ц. 18, 25
 Мункэ, каан 3, 23, 32, 33, 69, 70, 79—82, 87, 91, 98—101, 104—107, 120, 126, 127, 131, 136
 Мункэ-Тэмур, хан улуса 88, 92, 93, 128, 129, 132
 Муталлибов С. М. 121
 Мутуган, сын Чагатай 94
 Муфаддаль, хронист 127, 129
 Мухаммед Ала ад-Дин, хорезмшах 51, 53, 54, 57
 Мухан, тюрк. каган 49
 Мухури, монг. военач. 10
 Мэнгэту-сэцэн, монг. военач. 69

 Наркыш-Таян, хан пайманов 59
 Насави Шихаб ад-Дин Мухаммед, хронист 12, 13, 54
 Насонов А. Н. 76
 Натанзи Муин ад-Дин, хронист 87, 92, 93, 95
 Нацагдорж Ш. 119
 Наяа, монг. военач. 69
 Ногай, беклярибек 88—94, 128
 Нувейри Шихаб ад-Дин 12
 Нэгун-тайши, дядя Чингисхана 109

 Обслонков А. А. 132
 Огуз-каган, миф. персонаж 9, 37, 39, 121, 123
 Олдохар, монг. военач. 107
 Олебег-дигин, кырг. правитель 122
 Олсен Т. 3

 Омари Шихаб ад-Дин Абу-л-Аббас, хронист 100
 Орду-эджен, хан улуса 86—89, 91—94, 96, 99, 128, 129, 136

 Пашуто В. Т. 132
 Пельо П. 131
 Першиц А. И. 115, 121
 Петров К. И. 48, 129
 Петрухин В. Я. 118
 Пищулина К. А. 129
 Плетнева С. А. 15, 76, 119
 Поло Марко, путешественник 8, 36, 84, 86, 87, 123
 Поноженко Е. А. 127
 Потапов Л. П. 123
 Прицак О. 46, 76, 122
 Пэн Дая, кит. дипломат 8, 96

 Радлов В. В. 37, 38, 64, 125
 Рахевилц И. 119, 131
 Рачневски П. 121
 Рашид ад-Дин Фазлаллах, хронист 10, 11, 37, 60, 78, 81, 82, 85, 87, 89, 91—94, 97, 98, 104—107, 122, 127, 128, 130
 Рубрук Гильом, путешественник 8, 80, 81
 Русудан, царица Грузии 79

 Савинов Д. Г. 122
 Санаи Сэцэн, хронист 7, 10
 Сарай-буга, Джучид 91, 92
 Сараман, баурчи 69
 Сартак, хан улуса 81—84, 98, 106, 108, 127, 132
 Саума, путешественник 8
 Сафадди Хасан, хронист 12
 Сафаргалиев М. Г. 89
 Себастиан, хронист 11, 81
 Секин, брат Тобо-кагана 23
 Сен-Кантен Симон, путешественник 70
 Сервис Э. Х. 118
 Сингкум, сын Джучи 91, 93
 Синор Д. 21
 Сиратори К. 71, 119
 Согнак-тегин, правитель карлуков 53
 Сондерс Дж. 21
 Стратанович Г. Г. 131
 Субедэй, монг. военач. 55, 57, 58, 86, 124, 127
 Султанов Т. И. 129
 Сун Лян, хронист 7
 Суханов И. В. 115
 Сухбаттар Г. 19, 20
 Сэр-Оджав Н. 19, 120
 Сэцэн-бэки, родственник Чингисхана 109
 Сюань-цзун, кит. император 120
 Суй Тин, кит. дипломат 8, 34, 120

- Тайра, монг. военач. 88
Таньшинхай, правитель сяньби 42
Таскин В. С. 25, 67
Тата-туна, чиновник 51
Текеш, хорезмшах 53
Текудер-Ахмед, ильхан 69, 84
Темучин (см. Чингисхан)
Тобо, тюрк. каган 23
Тоган А. З. В. 22, 23, 119
Тогачар, монг. военач. 131, 136
Толуй, сын Чингисхана 48, 50, 83, 97, 98, 104, 105, 110, 127, 130—132, 136
Тоорил (см. Ван-хан)
Тора-ага, чиновник 81
Тохта, хан улуса 88—91, 128, 129
Тохтамыш, хан улуса 94
Тубшин-огул, сын Хулагу 99, 139
Туга-Тэмур, сын Джучи 91, 93, 107, 136
Туда-Мункэ, хан улуса 90, 128
Тула-буга, хан улуса 88, 128
Тумбинай-сэчэн, предок Чингисхана 77, 78
Турай, Джучид 91
Тэмугэ-отчигин, брат Чингисхана 103, 107, 136
Тэмур-буга, монг. военач. 48
Тюрк, миф. персонаж 40
Угедэй, каан 10, 24, 37, 50, 60, 70, 73, 77—79, 90, 91, 98, 103—107, 110, 120, 123, 126, 127, 131, 132, 136
Удур, сын Джучи 91, 93
Узбек, хан улуса 90, 132
Укин-Баркак, родственник Чингисхана 109
Улагчи, хан улуса 83, 106
Улджэйтү-Тэмур, каан 107, 120
Фасеев Ф. С. 122
Федоров-Давыдов Г. А. 15, 87—89, 91, 92, 94
Филлипс Э. 18
Флетчер Дж. 19
Франке Х. 76, 126
Фрид М. Х. 118
Фэн Цзяшэн 35
Хабул, хан улуса Хамуг Монгол 24, 25, 59, 60, 77, 78, 88, 109, 120
Хадан, сын Амбагая 109
Хадан, сын Угедэя 136
Хазанов А. М. 25
Хайду, хан улуса 99, 101, 105, 108, 116, 123
Хам Хацула, брат Хабула 77, 78, 88
Хара-Хулагу, хан улуса 94, 108, 131, 136
Хасар, брат Чингисхана 103, 136
Ховорс Х. 23, 70
Хокарт А. М. 130, 131
аль-Холн А. 82
Хондемир Хумар ад-Дин, хронист 77, 78
Хорчи, соратник Чингисхана 66
Хубилай, каан 9, 32, 34, 69, 70, 83, 85, 94, 98, 100, 105—107, 111, 120, 121, 131, 136, 139
Хукин-пойон, монг. военач. 86, 99, 127
Хулагу, ильхан 11, 81—84, 95, 98, 100, 107, 108, 111, 127, 132, 136
Хулагуиды 10, 87, 90, 99, 100, 116
Хулусумань, кыпч. хан 54
Хунаи, монг. военач. 128
Хутула, хан улуса Хамуг Монгол 24, 25, 59, 60, 109
Хучир, родственник Чингисхана 109
Хуштай-Байку, монг. военач. 99, 128
Цегледи К. 119
Чаган, монг. военач. 97
Чагатаиды 80, 82, 94, 95, 99, 108, 131
Чагатай, хан улуса 50, 69, 77—79, 83, 84, 90, 91, 94, 98, 99, 103—106, 108, 111, 126—128, 131, 132, 136
Чан-чунь, даос 8, 10, 32, 66, 72, 126
Чжао Хун, кит. дипломат 8
Чингисиды 4, 6, 9—13, 15, 23, 48, 55, 59, 60, 62, 65, 73, 75, 76, 79, 82, 83, 85, 86, 89, 97, 102, 104—107, 110, 114, 130, 132
Чингисхан (Темучин) 3, 6, 9, 10, 18, 20, 22—25, 27—32, 35, 36, 40, 42—49, 51—62, 65—73, 76—78, 85, 86, 97—101, 103—107, 109—111, 113, 116, 117, 118—120, 122—132, 136, 139
Чуу-мэргэн, соратник Чингисхана 69
Шавани Э. 76
Шахматов В. Ф. 17
Шейбаниды 9, 91
Шибан, сын Джучи 91—94, 128, 129
Шибаниды 91—94, 128, 129, 139
Шиги-Хутуху, соратник Чингисхана 27, 61, 136
Шингкур, сын Джучи 91, 93
Шмидт Г. 23
Шпулер Б. 76, 131
Шэлунь, жуж. каган 119
Щербак А. М. 121, 123
Ышбара, тюрк. каган 63, 124, 125
Эльтерес, тюрк. каган 38, 39, 125
Энгельс Ф. 16

Эниат, хан найманов 59
 Эргэнэ, правительница улуса Чагатай 94
 Эрдниев У. Э. 131
 Эсен-буга, Чагатайд 95

Юдин В. П. 127, 128, 130
 Юлиан, путешественник 12

Юсуф Баласагунский, писатель 34, 39
 Юшумун, сын Хулагу 99, 139

Ябалаха, католикос 8
 Яглакар, род 23, 102
 Языджиоглу Али, хронист 39
 Ямада Н. 130

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ¹

авары 15, 59
 Аджам, обл. 79, 82
 Азербайджан 55, 99
 Азия 3
 Ак-Орда (Белая Орда) 86—93, 98, 99, 128, 129, 134, 137, 139
 аланы 55, 124
 Алмалык, г. 52
 Алтай, горы 30, 42, 49—51, 64, 83, 122, 123
 алтайцы (см. также телесы, теленгуты) 49, 58, 123
 Амударья (Джейхун), р. 79, 81, 83, 99, 101, 123, 127
 Амур, р. 13
 арабы 121
 Армения 11, 80, 83, 100
 Арран, обл. 99

Багдад, г. 10, 82
 Байкал, оз. 47
 байындыр 40
 Баргуджин-Токум, обл. 47
 Баркчанд, г. 93
 Башкирия 93
 башкиры 121
 Баялык, обл. 48, 85
 баят 54
 Белая Орда (см. Ак-Орда)
 Болгария Волжско-Камская 127, 129
 болгары волжские 109
 борджигин 23, 28, 35, 62, 102, 103, 107, 110, 111, 120, 131
 бохайцы 122
 Булгар, г. 93
 буряты 47
 Бэй Ляо, гос-во 29, 123

Великое Ляо, гос-во 24
 Венгрия 92, 128, 129
 венгры 126

Византия 88
 Волга, р. 82
 Восточная Европа 45, 58, 86, 108
 Восточно-тюркский каганат 39, 63, 71, 119, 134, 137
 Восточный Туркестан 43, 51, 52, 56, 57, 73

гаогюй 134
 Гаоли, обл. 100
 Гоби, пустыня 30
 Горный Алтай 101, 123
 грузины 55
 Грузия 95
 гунны 15

Дагестан 55, 124
 Дербент, г. 79, 82
 Дешт-и Кыпчак (Дешт) 40, 51, 53—57, 77, 80, 92, 99, 124, 129
 джалаиры 48
 Джейхун (см. Амударья)
 Дженд, г. 53, 93
 джурьят 68
 Джучи улус (Золотая Орда) 11, 48, 80, 83, 87, 88, 90—94, 96, 97, 99—101, 105, 106, 117, 123, 127, 128, 132, 134, 136, 137
 Дикое поле, обл. 55
 Диярбекр, обл. 79
 доланьгэ 122
 Дон, р. 122
 Дунай, р. 13, 53, 89, 129
 дунху 36

Евразия 18, 71
 Европа 3
 Египет (Миср) 12, 83, 100
 Еди-Урун, обл. 122
 Еке Монгол улус (см. Монгольская империя)

¹ Сокращения: г.—город, гос-во — государство, обл.—область, оз.—озеро, п-ов — полуостров, р.—река.

Енисей, р. 47, 49, 56, 119

Желтое море 3

жужане 15, 20, 23, 35, 42, 49, 59,
109, 119, 120

Жужаньский каганат 95, 134, 137

Закавказье 55, 129

Западная Сибирь (Ибир-Сибир) 50,
90, 93

Западно-тюркский каганат 46, 95,
122, 134, 137

Золотая Орда (см. Джучи улус)

ильбари 56

Ирак (см. Месопотамия)

Иран 10, 40, 55, 79, 82, 83, 88, 100,
101, 117, 127, 130, 131

Иртыш, р. 50, 51, 53, 86, 93, 123, 127

Исфahan, г. 81

йемек 50

каана улус 97, 100, 111, 136

Кавказ, горы 129

Казань, г. 93

Казахстан 17, 45, 50, 53, 58, 91, 93

кайы 23, 40

канглы 54, 56, 58

Карабалгасун, г. 53

кара-китай (кара-кидани) 34, 42, 52,
123

Каракорум (Харахорин), г. 37, 48, 51,
78, 80, 82, 83, 85, 100, 105, 106, 120,
122, 127

Карананак, обл. 100

Каратал, обл. 93

Караханидов гос-во 39, 95, 134, 137

карлуки 21, 42, 47, 52, 54, 56, 57, 58,
95

Карпаты, горы 129

Кашгар, обл. 34, 52

кереиты 24, 27, 30, 35, 36, 42, 71, 110,
134

Керулен, р. 23, 35, 48, 52, 85, 97, 122

кидани 16, 19, 21, 23, 32, 35, 42, 43,
46, 51, 59, 64, 70, 71, 73, 102, 109,
110, 120, 122

Киев, г. 55

кимаки 15, 21, 47, 50, 51, 58

Кимакский каганат 50

Китай 10, 24, 27, 30—33, 45, 51, 52,
71, 79, 85, 98, 103, 109, 117, 130,
131

китайцы 34, 42, 71, 73, 97

Кок-Орда (Синяя Орда) 86, 87, 89,
91, 93, 94, 98, 99, 128, 129, 134, 137,
139

Корел, обл. 128

Корсний юрт, обл. 23, 30, 48, 50, 97,
98, 105, 107, 131, 139

Корея (Солонга) 85, 100

Крым, п-ов 89, 129

курды 55

кыпчаки (команы, половцы) 15, 50,
51, 53—58, 83, 109, 123, 124, 137

Кыргызский каганат 16, 134

кыргызы енисейские 15, 30, 31, 33,
35, 42, 47—49, 51, 56—59, 64, 71,
119

Линбэй, обл. 48

Литва 90, 93

Лус, обл. 93

Ляо, империя 23, 24, 29, 32, 33, 44,
45, 64, 70, 71, 73, 123

Ляодун, п-ов 64

Мавераннахр, обл. 54, 77, 79, 82, 83,
94, 99, 123, 131

Маджар, г. 93

Мазендеран, обл. 99

Маньчжурия 77, 98, 131

маньчжуры 33

Мачин, обл. 100

меркиты 42, 47, 52, 60

Месопотамия (Ирак) 81—83

Моголистан, обл. 99

Монголия 16, 29—31, 33, 43, 47—49,
52, 58, 61, 77, 80, 85, 97, 103, 107,
117, 130, 131

монголы 4, 5, 8, 15, 16, 18—21, 24,
25, 27, 28, 30, 33, 34, 40, 42, 43,
45—47, 49, 50, 52—59, 61, 62, 65,
67, 70—74, 83, 84, 95, 96, 101, 103,
105, 107—110, 113, 114, 122—124,
134, 137

Монгольская империя (Еке Монгол
улус) 3, 4, 6, 8, 10, 12, 13, 15, 17—
21, 23, 24, 26, 27, 31, 32, 34, 37, 41,
43—45, 47, 49—51, 56, 57, 59, 60,
62, 64—66, 68, 71—74, 76, 80, 83,
87, 92, 95—97, 101, 104, 110—113,
115, 118, 119, 120, 130, 134, 137,
139

Монгольская Народная Республика
19, 25, 72

Монгольский Алтай, горы 101, 123

найманы 30, 42, 46, 47, 51, 52, 58, 59,
123

Нишанур, г. 81

Ногайская Орда 127

огузы 87, 137

ойраты 128

Онон, р. 23, 35, 47, 48, 85, 97, 122

Ордос, обл. 49

Орду-Балык, г. 33

Орхон, р. 20, 22, 23, 35, 37, 51, 119,
120

Осетия 79

Си-Ся (Тангут) 100

- Синяя Орда (см. Кок-Орда)
 Сирия 100
 согдийцы 122
 Солонга (см. Корея)
 Средиземное море 3
 Средняя Азия 30, 45, 53, 94, 123
 Судак, г. 129
 Султанья, г. 10
 Сыгнак, г. 53, 93, 128
 Сырдарья, р. 91, 123, 129
 сяньби 15, 16, 19, 23, 35, 42, 59, 70,
 109, 119, 120, 137

 таджики 54, 83
 тайджиуты 35, 69
 Тан, империя 38, 120
 Тангут (см. Си-Ся)
 тангуты 30, 31, 51
 татары 48, 51, 57, 61, 79, 124
 Тибрис, г. 10
 теле 42, 119, 122, 123
 теленгуты 49
 телесы 49, 122, 123
 Тибет, обл. 85, 100, 101
 Тифлис, г. 79
 тоба 19
 Тола, р. 35, 97
 Трехречье, обл. 35, 64
 Тува 47—49, 85, 122
 Туркестан 27, 35, 52, 71, 79, 80, 130
 турки 124
 туркмены 37, 55, 57, 58
 Турфанское княжество (Уйгурия) 51,
 56, 57, 77, 117
 туцзюэ (см. тюрки древние)
 туюхунь 134
 тюрки 30, 31, 37, 40—42, 47, 51, 53,
 54, 57, 58, 64, 122—124, 129
 тюрки древние (туцзюэ) 15, 16, 18—
 21, 23, 33, 35, 43, 46, 47, 49, 59,
 63, 65, 67—73, 95, 96, 101, 102, 109,
 114, 118—120, 122, 123, 126
 Тюркский каганат 15, 18, 49, 50, 64,
 66, 101, 113, 119, 122, 124, 134, 137
 Тянь-Шань, горы 122

 Угедэя улус 50, 98, 99, 123, 136, 139
 узбеки 92, 129, 130
 Уйгурия (см. Турфанское княжество)
 Уйгурский каганат 33, 35, 64, 113,
 122, 134, 137
 уйгуры 15, 16, 20—23, 33—35, 37,
 42, 43, 47, 51, 54, 56—60, 64, 65,
 70, 71, 102, 109, 113, 119, 120, 123,
 126
 Укек, г. 93
 Улуг-таг, обл. 93
 Урал (Яик), р. 53, 91—93, 127—129

 урани 54
 урасуты 48, 49
 Ургенч, г. 53
 урянхаты 28
 усунь 134

 хабханасы 48, 49
 Хазарский каганат 134, 137
 хазары 15, 21, 59, 70, 109, 113, 126
 Хакасия 47, 48, 50, 122
 Хамуг Монгол, улус 24, 25
 Ханбалык, г. 85
 Хангай, горы 35
 хн 45
 Хинган, горы 35
 Хиндустан 100
 Хорасан, обл. 79, 82, 99
 Хорезм (гос-во хорезмшахов) 3, 51,
 53, 54, 56—58, 77
 Хулагуидов улус 76, 84, 97, 99—101,
 117, 134, 136, 137, 139
 хунну 15, 16, 18, 19, 21, 23, 32, 35,
 42, 43, 45, 49, 62, 64, 65, 67, 71, 72,
 101, 102, 108, 109, 113, 114, 119,
 122, 130, 131
 Хунну, гос-во 18, 66, 119, 134, 137
 Хэнтэй, горы 35

 Центральная Азия 16, 19, 20, 21, 24,
 26, 28, 32, 33, 46, 51, 62, 64, 72, 108,
 113, 119, 120
 Цзинь, империя 10, 24, 28, 30, 31, 33,
 48, 62, 107, 122
 цзубу 16, 24, 118
 Цзинь, империя 71

 Чагатай улус 79, 94, 97, 99, 101, 117,
 134, 136, 137, 139
 чжурчжэнь 10, 17, 23, 24, 31, 42, 43,
 51, 58, 59, 109, 123
 чигили 95
 Чин, обл. 79, 80
 чэркисуты 86

 Шаньюйчэн, г. 32
 шивэй 70

 Юань, империя 9, 10, 20, 33, 60, 85,
 119, 134, 137
 Южная Сибирь 43, 45, 48, 49, 57, 58,
 73, 77
 Южная Сун, империя 10, 106, 131
 Южный Урал, горы 91

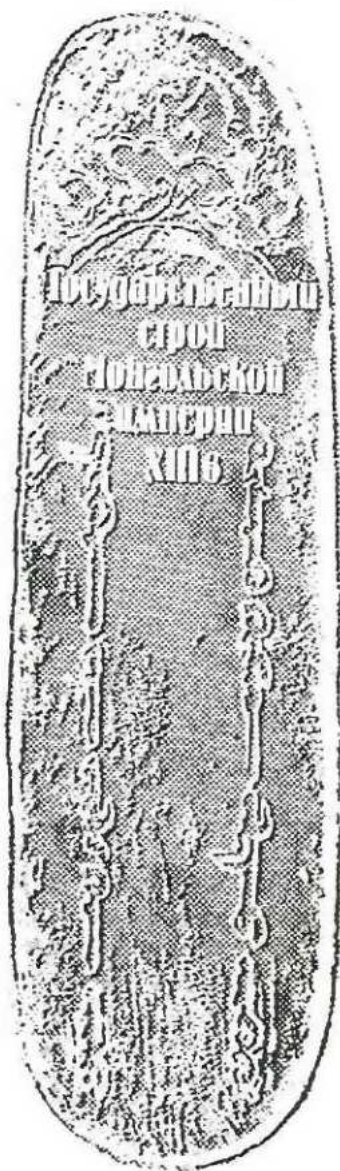
 ягма 95
 Яик (см. Урал)
 Яньцзин, г. 32

SUMMARY

V. V. Trepavlov. *The State Structure of the Mongolian Empire, 13th century*. The monograph provides a possibly right answer to the following question: why the medieval Mongols, a small nomadic people at the eastern edge of the Eurasian steppes, were able to conquer in the 13th century an area spreading from Syria to Korea and create a powerful empire there? While subscribing to the opinions of a great number of Chinese, Moslem and other sources, the author makes prominent the following aspect. The Mongolian empire was built after the image of the early medieval nomadic qaghanates. The methods of ruling over the nomadic and settled population, as well as the ideological tenets to the purpose, were traditional and dated from the old nomadic times. The monograph considers the dialectics of state traditions changing with time and from one people to another; also considered is the concept of the supreme power, Ghenghis Khan's slogan of the Turkic-Mongol "unity" as the means of attracting new subjects to his empire; the traditional division of the empire into two parts as wings, and the relationships and hierarchy of their rulers. The study is accompanied by comparison of certain aspects of government with Mongols and their historical predecessors. (Hsiung-nu, Orkhon Türks, Uighurs, and others).

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
<i>Глава 1</i>	
Обзор источников и литературы	7
Основные источники	7
Историография проблем исторической преемственности	13
<i>Глава 2</i>	
Государственные традиции в Монгольской империи	27
Исторические условия применения традиций	27
Пути и способы распространения традиций	31
<i>Глава 3</i>	
Традиции в формировании идеологических основ монгольской державы	45
Традиция «объединения» кочевников	45
Концепция верховной власти	59
<i>Глава 4</i>	
Дуализм управления: преемственность в территориально-административной структуре	75
Соправительство	76
Крылья и улусы	96
Престолонаследие	102
Заключение	112
Примечания	118
Приложение	134
Список сокращений	141
Список использованной литературы	142
Указатель имен	160
Указатель географических и этнических названий	165
Summary	168

Из наставлений Чингисхана:
«Вы, мои младшие братья и
сыновья... примите на себя
трудное дело — трудиться ради
государства... Изучайте раз-
ные законы; сравнивая, при-
норавливайтесь к ним!.. Тот
человек выше множества мно-
жеств людей, который знает
законы государства».

Лубсан Данзан, «Алтан тобчи»